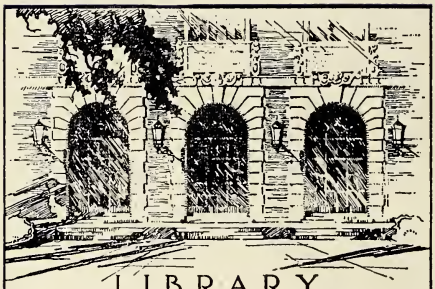

LIBRARY
OF THE
UNIVERSITY
OF ILLINOIS

891.73
K85
On

Filmed 89-0055

328
Rua 1.º de Março, 116 - 2.º andar - Sala 3
Tel. 43-4104 -- Caixa Postal 2932
Rio de Janeiro — Brasil

Д. Крачковскій.

Rua 1.º de Março, 116 - 2.º andar - Sala 3
Tel. 43-4104 -- Caixa Postal 2932
Rio de Janeiro — Brasil

Необыкновенный человѣкъ.

Rua 1.º de Março, 116 - 2.º andar - Sala 3
Tel. 43-4104 -- Caixa Postal 2932
Rio de Janeiro — Brasil
9976.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1910.

Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.

891.73
K85
Ow

БИБЛІОТЕКА
при издат. и книжн. маг.
Т-ва Гликсманъ
Berlin W. 50, Passauer Str. 3
Tel. Steinplatz 285, 286
Кн. за № .....

Мой костюмъ.

Я могу, если вамъ скучно слушать, не разсказывать о моемъ костюмѣ, я могу раскрыть прекрасныя сочиненія моего друга Чарльза Диккенса и прочитать нѣсколько страницъ изъ Барнаби Роджа, или изъ записокъ Пиквикскаго Клуба, или нѣжную повѣсть одного страдающаго мальчика Давида Копперфильда, я могу положить на колѣни желтый старый томикъ Андерсена, могу любоваться длиннымъ носомъ автора и какими-то смѣшными гуттаперчевыми щеками, а потомъ увижу такія славныя заглавія: Мѣдный кабанъ, Русалка, Исторія Колбасной Палочки, Стеариновая Свѣчка, Ночной Колпакъ, Старый Шлафрокъ или еще что-либо подобное. Я могу съ старой книжкой въ рукахъ подойти къ окну и моему взору откроется незатѣйливая иллюстрація въ простенькой рамкѣ изъ дубовыхъ листьевъ и виноградныхъ гроздей. Я увижу стройное зданіе съ готическими окнами, передъ зданіемъ площадь, а на площади какой-нибудь капуцинъ, или спящій мальчикъ, или мѣдный кабанъ, шерсть котораго сверкаетъ всѣми фантастическими красками на

свѣтѣ полной луны. Я могу пристально разсматривать эту иллюстрацію, эту иллюстрацію, милостивые государи и милостивыя государыни, въ которую лавочники вашихъ кварталовъ заворачиваютъ шоколадки, леденцы помадки, пряники, маковые коржики, а дѣти, проглотивъ эти заграничныя издѣлія, бросаютъ бѣдную иллюстрацію на булыжники двора или на полъ грязной кухни. Я могу разсматривать каждую деталь, каждое украшеніе стариннаго дома, каждое окно, каждый камень, и въ моей груди можетъ быть воскреснетъ свѣтлое, давно забытое, воспоминаніе. Можетъ быть, я услышу первый рокотъ весенняго грома, можетъ быть, ко мнѣ прилетитъ запахъ скошенной травы, можетъ быть, въ мое лицо брызнетъ влага пышной, алой розы, можетъ быть я буду сжимать руку смуглолицей красавицы, а потомъ тихо опущусь на колѣни и, прильнувъ лицомъ къ ея ногамъ, буду цѣловать тонкій батистъ голубого платья. И можетъ быть, склонивъ голову на желтую, старую книгу, я буду долго сидѣть не двигаясь, все глубже и глубже погружаясь въ сумерки,—и увижу, какъ на ярко-золотое небо медленно выѣзжаетъ колесница вечерняго Феба, тяжело передвигаетъ свои золотыя колеса и направляется къ замкамъ Ночного Царя. И въ груди моей, быть можетъ, вспыхнетъ робкая надежда.

— Какъ ты красивъ!—сказала мнѣ одна дѣвушка тогда, когда я былъ еще очень молодъ и пышные локоны вились на высокомъ лбу.—Какъ ты божественно красивъ,—много разъ повторяла она.

Я снялъ кольцо съ пальца дѣвушки, надѣлъ кольцо на свой мизинецъ и долго любовался его ажурной работой. А потомъ дѣвушка протянула свои руки къ мо-

ему галстуку сѣрому, шелковому, принялась расправлять его бантъ и перевязывать.

Улыбаясь, она говорила:

— Когда ты будешь великъ, у тебя будетъ много роскошныхъ вещей,— и этими вещами будутъ загромождены всѣ комнаты огромнаго дома. Ты понимаешь ли, въ каждомъ углу, возлѣ каждой стѣны какая нибудь этажерка, какая нибудь бездѣлушка,—и все принадлежитъ тебѣ, и всегда ты окруженъ дорогими вещами, и эти вещи, какъ самые лучшіе друзья, понимаютъ тебя и служатъ тебѣ.

— Это случится тогда, когда я буду великъ?—спросилъ я съ улыбкой.

— Да, тогда, когда будешь великъ,—отвѣтила она.

— А еще, что случится?

Она позволила поцѣловать свою руку и сказала:

— Когда ты войдешь въ какой нибудь извѣстный домъ—общественнаго дѣятеля, адвоката, оратора, ученаго или артиста, къ тебѣ подойдетъ старушка, такая, знаешь ли, въ приподнятыхъ букляхъ, съ золотой цѣпью на корсажѣ, съ кремовыми кружевами и смѣшными желтыми ногтями на морщинистыхъ пальцахъ. И эта старушка, понимаешь ли, которая прожила сто лѣтъ на свѣтѣ и видала знаменитыхъ людей, скажетъ: — Мы боялись, что вы сегодня не придете, намъ говорили, что вы уѣхали изъ города.

Я расхохотался и сказалъ:

— Смѣшная старушка.

А потомъ спросилъ:

— А еще что случится?

Она склонилась ко мнѣ такъ близко, что я почувствовалъ горячее дыханіе, и вся преображенная нѣж-

нымъ женскимъ состраданіемъ, тѣмъ состраданіемъ, которое всегда идетъ рядомъ съ слѣпою увѣренностью въ любимомъ человѣкѣ, сказала:

— На твоей головѣ будетъ пышный вѣнокъ изъ лавровыхъ, дубовыхъ и померанцевыхъ листьевъ. Этотъ вѣнокъ надѣнутъ благородные люди, мужчины и женщины,—а женщины вплетутъ еще яркія розы, потому что ты такъ красивъ, такъ божественно красивъ.

Я освободилъ свои руки изъ ея рукъ, улыбнулся и тихо сказалъ:

— Милая моя дѣвушка, любимая моя,—ты ничего не понимаешь, рѣшительно ничего,—прости, дорогая,—и я крѣпко сжалъ свои руки и хрустнулъ пальцами.

Но она опустила голову на грудь, и вдругъ изъ прекрасныхъ глазъ начали капать слезы, и смѣшно было смотрѣть, какъ онѣ капали одна за другой—такія безпричинныя и неожиданныя.

— Ты всегда обижаешь меня,—говорила она и поднесла къ лицу маленькій платокъ,—ты всегда смѣешься и не вѣришь, что я такъ горячо, такъ безумно люблю тебя. Надо быть безсердечнымъ и очень злымъ, чтобы сомнѣваться въ моей любви.

— Но, дорогая, развѣ я сомнѣваюсь? Развѣ сейчасъ я оскорбилъ твою любовь? Какъ странно,—прошепталъ я,—какъ все это странно.

— Это не странно, а очень, очень больно. Вотъ здѣсь больно,—и она показала на свою грудь съ лѣвой стороны,—тамъ, гдѣ сердце.

И помню, колыхались занавѣски, а порывъ вѣтра захлопнулъ одну мою книгу, растрепалъ нѣсколько страницъ другой, и наклонилась фотографическая карточка моей матери, гдѣ она снята подъ руку съ сестрою, на

ступенькахъ деревяннаго дома съ балкономъ и парусиновымъ навѣсомъ.

Я откинулъ голову назадъ и сказалъ:

— Молчи—не разговаривай!

И, хотя я не смотрѣлъ на дѣвушку, но зналъ, что она подняла глаза и пристально разглядывала меня.

— Почему?—спросила она.

— Самъ не знаю, почему.—Молчи, прошу тебя.

— Надо разговаривать,—сказала она,—я желаю тебѣ одного добра, пойми меня.

Тогда я поднялъ надъ головой руки, крѣпко сжалъ голову, нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ одну точку, а потомъ тихо сказалъ:

— Оставь меня одного, уйди, прошу тебя. Уйди, уйди, куда хочешь, но прошу тебя, оставь меня одного Здѣсь стѣна и, чѣмъ дальше, тѣмъ она будетъ выше.

Тогда вдругъ дѣвушка прижалась ко мнѣ, взяла мою руку, поцѣловала ее, прижала къ своей пылающей щекѣ и сказала:

— Неужели тебя оскорбляютъ мои мечты о славѣ?

Я приподнялся на диванѣ, опять сѣлъ, вынулъ платокъ, вытеръ губы и сказалъ:

— Я презираю всякое величіе, слышишь ли ты,— призираю!—и я спряталъ платокъ въ карманъ и крѣпко сжалъ руки.

Она опустила голову на руки, вся сжалась въ комочекъ и, когда сжалась, кожаный поясъ сморщился въ нѣсколько складокъ, разстегнулась сзади перламутровая пуговичка, и въ маленькую скважину проскользнулъ кусочекъ розоваго фуляра.

А потомъ въ Акваріумѣ начала играть музыка, и было видно, какъ вспыхнули электрическіе фонари,

лампочки, и засіяла огромная реклама, на которой огненными буквами было написано—„Геліосъ“. Потомъ изъ окна мы увидали, какъ кинематографъ бросалъ свои изображенія на бѣлый экранъ, и послѣ парикмахера, стригущаго негра, появилась барышня, разливающая въ чашки шоколадъ, за барышней почтенная дама въ бѣломъ чепцѣ, коричневомъ платьѣ, и эта дама очень старательно молола кофе въ усовершенствованной машинкѣ.

Я сказалъ дѣвушкѣ:

— Знаешь ли, какимъ дѣломъ я хотѣлъ бы заниматься и на какомъ поприщѣ хотѣлъ бы быть увѣнчаннымъ славой?

Она выпрямилась и отрицательно покачала головой.

Я улыбнулся и сказалъ:

— Я хотѣлъ бы сжечь всѣ тѣ книги, которыя своимъ ядомъ отравили мой мозгъ, кромѣ двухъ-трехъ, дорогихъ съ дѣтской поры, такихъ хрустальныхъ, словно написанныхъ самимъ ангеломъ, а потомъ надѣлъ бы коричневый костюмъ того человѣка, который выходитъ на сцену этого театра, прикладываетъ руку къ сердцу и разсказываетъ свои исторіи. За его спиною нарисованы сады восточнаго султана, въ щелочку смотритъ балерина и завязываетъ ленточку бѣлаго башмака, въ подвалѣ атлетъ размахиваетъ руками, а потомъ костянымъ гребешкомъ причесываетъ волосы. Но человѣкъ въ коричневомъ костюмѣ все разсказываетъ и разсказываетъ свои исторіи, люди смѣются и апплодируютъ ему. Я разсказывалъ бы занимательныя сказки о мѣдныхъ кабанахъ, о таинственныхъ часовняхъ, о русалкахъ, объ одноглазыхъ чудовищахъ, о свадьбѣ навозныхъ жуковъ, и весело звучали бы мои разсказы, на освѣщенной сцѣнѣ съ пестрыми декораціями, любопытной бале-

риной и силачемъ, который гладитъ пуделя и разсматриваетъ себя въ складное зеркальце.

Дѣвушка подняла глаза, пристально вглядывалась въ меня, а я повторилъ:

— Да, моя дорогая, я хотѣлъ бы въ коричневомъ костюмѣ разсказывать свои сказки.

Тогда дѣвушка протянула руки, сняла съ моего мезинца кольцо, надѣла на свой палецъ и холодно замѣтила:

— Если хочешь, закажи коричневый костюмъ и даже съ золотыми галунами.

— Какія злыя, мертвыя слова,—сказалъ я.

Но дѣвушка замолчала, вынула платокъ и вытерла глаза.

Мнѣ было грустно, такъ грустно, какъ бывало всегда, когда въ прекрасный, первый весеній день съ продавщицами цвѣтовъ въ плетеныхъ корзинкахъ, съ подростками въ синихъ суконныхъ костюмахъ, съ стариками, предлагающими желтые, зеленые, малиновые шарики,—я заходилъ въ церковъ и видалъ: на возвышеніи гробъ, вокругъ гроба зелень, вѣнки, бѣлыя ленты, гіацинты, на ступенькахъ паперти преклонившая колѣни женщина въ черномъ и своею головою касается глазированной парчи. Какой то мальчишка шелушитъ сѣмечки, въ куполѣ дерутся двѣ ласточки, выхватываютъ другъ у друга добычу, а на каменныхъ плитахъ валяется черный зонтикъ съ перламутовой ручкой, шелковой резинкой и блестящимъ стальнымъ наконечникомъ.

Я сказалъ:

— Послушай,—это великолѣпно! Знаменитый старый человѣкъ, другъ хранителей отечественныхъ сокровищъ

другъ библіотекарей, другъ полководцевъ—завоевателей, двоюродный братъ Предсѣдателя „Общества Народнаго Просвѣщенія“—вечеромъ заходитъ въ колбасную и говоритъ:—Будьте любезны, отпустите фунтъ чайной колбасы, фунтъ ветчины, а также охотничьихъ колбасокъ. Барышня смотритъ на знаменитаго человѣка очень любезно и, конечно, не знаетъ, что передъ нею стоитъ другъ полководцевъ-завоевателей и родственникъ любителей народнаго просвѣщенія. Тогда господинъ начинаетъ играть палкою, вытираетъ губы, но такъ играетъ, и такъ вытираетъ, что барышня уже понимаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Господинъ выходитъ на улицу. Возлѣ стѣны дома притаился мальчикъ съ сестрицей, мальчикъ въ красной рубашкѣ съ разорваннымъ воротомъ, а у сестрицы перевязана ступня ноги, и они считаютъ, сколько будетъ одна копѣйка, еще одна и еще одна. Но, такъ какъ послѣдняя копѣйка проскользнула между пальцевъ и со звономъ упала къ ногамъ знаменитаго человѣка, знаменитый человѣкъ вздрагиваетъ, хмурится и ворчитъ:

— Ахъ, пострѣлята! Господи!—грязныя дѣти не знаютъ, что „Общество Просвѣщенія всегда нуждается въ его полезныхъ услугахъ и съ благодарностью принимаютъ каждое полезное указаніе“. А на лѣстницѣ своего дома знаменитый человѣкъ встрѣчаетъ студента,—студентъ перепрыгиваетъ со ступеньки на ступеньку и держитъ въ рукахъ связку книгъ.—Куда вы?—спрашиваетъ великій человѣкъ.

Студентъ волнуется, краснѣетъ и, заикаясь, говоритъ:—Я хотѣлъ разспросить васъ о германскомъ хозяйствѣ, послѣ паденія римскаго владычества. — Прекрасно,—отвѣчаетъ великій человѣкъ,—мы поговоримъ

о германскомъ хозяйствѣ. Но прошу удѣлить мнѣ одну минутку, — я переодѣнусь и окончу маленькое дѣло. Великій человѣкъ переодѣвается, отправляется въ столовую, пьетъ чай, закусываетъ колбасками съ горчицей и вытираетъ губы. А въ гостиной дочь великаго человѣка играетъ пѣсни безъ словъ Мендельсона, ее слушаетъ студентъ, и эти пѣсни разсказываютъ студенту о несчастной любви, о мечтахъ молодого художника, о котенкѣ, который лапками подбрасываетъ вверхъ клубокъ нитокъ, а на котенка смотритъ невѣста и ждетъ— не дождется прекраснаго жениха.

Моя славная дѣвушка встала, оглянулась и спросила:

— Куда я бросила свою кофточку и перчатки?

— Ты собираешься уходить?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтила она.

Свѣтло-коричневая кофточка съ бархатнымъ воротникомъ лежала на стулѣ, ея подкладка въ бѣлыя и сѣрыя полоски блестѣла своимъ шелкомъ, а на полу валялись свернутыя въ комочекъ перчатки, кружевныя, безъ пальцевъ.

Я подалъ дѣвушкѣ кофточку, и она долго не могла надѣть ее. Рукава, словно живые, убѣгали, прятались, шалили и не хотѣли подчиниться дѣвушкѣ. Но, наконецъ, она надѣла кофточку и принялась застегивать пуговицы. Бронзовыя пуговицы тоже не слушались и, казалось, говорили:—пальцы, пальцы, не надо спѣшить, не надо волноваться, не надо такъ настойчиво продѣвать наши головки сквозь петельки. Надо быть только проще и кофточка застегнется, и будетъ тѣсно дѣвственной груди, и слезы изсякнутъ, растворится печаль.

И, словно внявъ голосамъ золотыхъ пуговицъ, она чуть-чуть приблизилась, потомъ протянула руку, а потомъ прильнула ко мнѣ и положила голову на мою грудь.

Я держалъ ее въ объятьяхъ, мое лицо щекоталъ бархатъ свѣтло-коричневой кофточки, бронзовыя пуговицы упирались въ мою грудь, а руки сжимали ея плечи и, казалось, что онѣ сжимаютъ плечи маленькой монашки, которая принесла просфоры и обѣщала молиться о моей душѣ.

И, поднявъ глаза, она тихо спросила:

— У тебя есть деньги?

Я сказалъ:

— Да, есть. Ты безпокоишься?

— Безпокоюсь,—отвѣтила она.—Недавно мнѣ приснился странный сонъ. Ты стоялъ подлѣ огромнаго бѣлаго стола, съ закусками, винами, разварной рыбой, консервами, за столомъ сидѣли извѣстные люди, всѣ они подымали глаза, смотрѣли на тебя, потомъ опускали вилки и жевали. Тогда я сказала:—развѣ вы забыли положить кусокъ бѣлой рыбы на тарелку моего милаго?—Они отвѣтили:—у него стальныя ноги, сударыня—пусть постоитъ, — и серьезные люди на каменныхъ брускахъ начали точить свои ножи.

Я вынулъ кошелекъ, протянулъ его дѣвушкѣ и сказалъ:

— Пересчитай мои деньги.

Она притронулась къ пуговкѣ замка, раскрыла кошелекъ и высыпала на руку серебро. Оказалось, что въ моемъ кошелькѣ было много денегъ: четыре серебряныхъ рубля, двѣ скомканныхъ трехрублевыхъ бумажки и много мелочи: гривенники, пятіалтынные и двугривенные.

— Десять рублей?—спросила дѣвушка.

— Да, моя милая.

— Боже мой, Боже мой,—сказала дѣвушка и покачала головой.

А потомъ положила кошелекъ въ боковой карманъ моего пиджака, еще разъ прильнула ко мнѣ и за руку повела къ самой двери. Мы шли такъ шагъ за шагомъ, и тамъ на порогѣ она обвила мою шею руками, и губы ея долго-долго не отрывались отъ моихъ губъ.

Ахъ! Я не могу сказать съ увѣренностью, сколько прошло дней, мѣсяцевъ и годовъ съ тѣхъ поръ, какъ ея губы прикасались послѣдній разъ къ моимъ губамъ.

Много-много разъ по вечерамъ я просматривалъ сказку о мѣдномъ кабанѣ и мальчикѣ, любовался лицомъ славнаго Андерсена съ двумя гуттаперчивыми щеками и длиннымъ носомъ, а, когда опускалось солнце,—съ Давидомъ Копперфильдомъ на колѣняхъ я слѣдилъ, какъ мало-по-малу сгущаются сумерки, на пунцовое небо выѣзжаетъ колесница вечерняго Феба и шагъ за шагомъ подвигается къ владѣніямъ Ночного Царя.

Въ огненномъ Акваріумѣ зажигались огни, сверкала реклама „Геліосъ“, возлѣ подъѣзда толпились посыльные съ программами, старыя женщины съ букетами розъ и ландышей, кинематографъ бросалъ картины на бѣлый экранъ, а на открытую сцену выходилъ господинъ въ коричневомъ костюмѣ, показывалъ свои манжеты, переступалъ съ ноги на ногу, улыбался и, обращаясь къ публикѣ перваго ряда,—любителямъ велосипедовъ, автомобилей, эмалированныхъ набалдашниковъ, упругихъ тростей, высокихъ прическъ и

пунцовыхъ лайковыхъ ботинокъ съ французскими каблуками, разсказывалъ свои исторіи, часто вынималъ изъ кармана платокъ и проводилъ имъ по вспотѣвшему лбу.

Бѣлые лебеди.

„Итакъ,—писалъ я неизвѣстной мнѣ корреспонденткѣ, отвѣчая на ея письмо,—вы, сударыня, обвиняете меня въ томъ, что на вечеринкѣ у Эренбурга я высокомѣрно сказалъ: — если бы Самъ Громовержецъ спустился съ неба и въ ярко-голубомъ хитонѣ съ золотыми звѣздами, разсыпанными по голубому шелку, съ молніями въ рукахъ и жезломъ своей власти, вошелъ въ домъ графа Ностица, а графъ Ностицъ въ это время занимался послѣдними математическими вычисленіями о кометѣ 19*** года,—я думаю, графъ Ностицъ предложилъ бы Громовержцу папиросу въ кожаномъ портсигарѣ и заперъ на замокъ синюю тетрадку съ вычисленіями. Графъ Ностицъ — графъ Ностицъ, Громовержецъ—Громовержецъ. Далѣе, сударыня, вы замѣчаете:—если бы въ вашемъ спорѣ съ Эренбургомъ я захотѣла принять участіе, я могла бы вамъ возразить и задать нѣсколько вопросовъ. Я огорченъ, сударыня, что вы не подарили мнѣ вашихъ вопросовъ. Я весьма почитаю всякое замѣчаніе, высказанное со стороны того пола, къ которому вы имѣете честь принадлежать. Не сомнѣваюсь, что и Громовержца и графа Ностица вы надѣлили чѣмъ-либо—женскимъ. И оказалось бы, что Громовержецъ „очень любезно взялъ папиросу, протянутую ему графомъ Ностицемъ, а графъ Ностицъ отложилъ

въ сторону тетрадку съ математическими вычисленіями и кусочекъ тетрадки показалъ Громовержцу". О, вѣдь вы, женщины, всегда стремитесь выгородить каждаго изъ непріятнаго положенія и положить конецъ спорнымъ исторіямъ. — Зачѣмъ ссориться, — думаете вы,— если можно и не ссориться? Зачѣмъ графу Ностицу отказать въ любезности Громовержцу а Громовержцу пренебречь любезностью графа Ностица? Не такъ ли? Комета мчится, она прошла огромный путь отъ одного полюса своей орбиты до другого, она уже нѣсколько разъ заглянула въ лицо земли, заглянетъ еще разъ и, если графъ Ностицъ спряталъ тетрадку въ ящикъ и сдѣлалъ такой видъ, словно Громовержецъ помѣшалъ ему, то—кто безъ грѣха? Далѣе вы говорите:— Если графъ Ностицъ и Громовержецъ все таки встрѣтились, и Громовержецъ не отказался отъ протянутой папиросы, слѣдовательно, Громовержецъ понимаетъ смыслъ тактическихъ соображеній Ностица, а графъ Ностицъ понимаетъ мудрое значеніе этого посѣщенія. Не знаю, такъ ли это, но думаю, послѣднее прекрасное зрключеніе продиктовало вамъ доброе женское сердце. Конечно, графъ Ностицъ не ребенокъ! Вѣдь посѣщеніе Громовержца по меньшей мѣрѣ залогъ для будущаго, такъ сказать, восхожденія, залогъ для кое-какихъ открытій, надежда на... и т. д. Почему именно на долю графа Ностица выпала честь этого посѣщенія? Вѣдь есть баронъ Бромбеусъ, два Воротынскихъ, три Вяземскихъ, шесть Нелидовыхъ, столько же Ухтомскихъ и Милославскихъ? Графъ Ностицъ не могъ не призадуматься надъ этимъ посѣщеніемъ. Но вотъ вопросъ: — какъ смотритъ на обмѣнъ любезностей графа Ностица и Громовержца сама комета 19*** года, великолѣпная

комета съ пышнымъ хвостомъ, разсыпающая во мракѣ ночи сіяющіе лучи, словно фазанъ, разсыпающій огни пышныхъ перьевъ? Какъ взглянуть ей, гордой кометѣ на математическіе ловушки графа Ностица, на его любезно протянутую руку, зажавшую между пальцами папиросу? Здѣсь не можетъ быть и рѣчи о восхожденіяхъ, открытіяхъ, предположеніяхъ, надеждахъ. Здѣсь вопросъ чести, вопросъ, такъ сказать, генеологическій, извѣстныя аристократическія традиціи и проч. Любезность и нелюбезность графа, заботливое вниманіе Громовержца — пустыя слова. Тутъ, моя милая незнакомка, задѣтое самолюбіе, которое не можетъ и не хочетъ оправдываться. Конечно, телескопъ графа Ностица, логариѳмы и тетрадки въ синихъ переплетахъ — оскорбленіе до приторности человѣческое. Конечно, шлафрокъ графа Ностица, его мозольная мазь и классическая фраза графа — „мы — дѣти нашей страны“ — смѣшное оскорбленіе плебея. Но, планета, видавшая созвѣздіе Геркулеса, должна знать себѣ цѣну и, пышно распустившая яркій хвостъ, она не можетъ пройти мимо земли, безъ улыбки сожалѣнія“.

Я остановился на этой фразѣ, положилъ перо и задумался. Кому я пишу? Той ли, которая лежала на диванѣ, разсматривала гравюру Бёклина и вытирала платочкомъ ротъ, такъ какъ на губахъ остался кусочекъ бѣлой пастилы? Той ли, которая съ двумя розами на высокомъ бюстѣ, приподнявшись на цыпочки, гладила волосы скульптора Эренбурга и хохотала? Той ли, которая въ пестренькой кофточкѣ играла на піанино, гремѣла лѣвой рукою и не попадала правой. Ахъ, — не все ли равно! Всѣ онѣ, эти серьезныя и веселыя дѣ-

вушки, такъ внимательно разсматриваютъ гравюры Бёклина, такъ весело и беззаботно играютъ на роялѣ, всѣ онѣ гладятъ Эренбурга по волосамъ, а, когда возвращаются домой, говорятъ, что смыслъ жизни въ служеніи новой красотѣ. Звѣзды, ночныя звѣзды, что дѣлаете вы съ этими созданіями? „Если бы Самъ Громовержецъ спустился въ голубомъ хитонѣ съ молніями и жезломъ въ рукѣ...“ говоритъ она, насмѣшливо повторяя мои слова,—и не соглашается. Но, милая незнакомка! Чтобы понять меня, нужно понять мою вѣру, мои ежедневныя молитвы, нужно изучить мой символъ, мой катехизисъ, однимъ словомъ, нужно воплотиться въ меня.

Вѣдь я „un peu farouche“, — какъ меня называетъ вашъ скульпторъ Эренбургъ. Вѣдь я дикій, я больной, можетъ быть, даже сумасшедшій. Отправляйтесь къ рыжему Эренбургу, фабриканту боговъ и богинь, подымайтесь на цыпочки, прикасайтесь рукою къ его волосамъ, — и онъ вамъ все разскажетъ. Онъ умѣетъ разсказывать—я не умѣю. Онъ все знаетъ—я ничего не знаю. И, конечно, онъ—этотъ рыжій Эренбургъ, научилъ васъ говорить такъ громко и фальшиво: — объясните вашу мысль, надѣюсь, васъ не затруднитъ моя просьба. Сударыня! Нѣтъ мыслей, а есть одна увѣренность, что вотъ это ложно, а вотъ это не ложно.

Боже мой! Онѣ не соглашаются со мной—пусть не соглашаются. Ихъ раздражаютъ мои Громовержецъ и графъ Ностицъ — пусть раздражаютъ. Но, сударыня, мнѣ не нравится, что вы лежите на кушеткѣ, грызете пастилу, прикалываете розы къ высокой груди и треплете Эренбурга по головѣ. Что вы отвѣтите на это? Мнѣ не нравится, что вы прислушиваетесь къ чужимъ спорамъ и пытаетесь превратить Громовержца въ гвар-

дейскаго полковника, а графа Ностица въ гвардейскаго поручика. Мнѣ, наконецъ, не нравится, что вы пишете письма, отсылаете ихъ въ квадратномъ конвертѣ плотной, атласной бумаги, на конвертѣ адресъ—господину такому-то и какихъ-то двѣ аллегорическихъ звѣздочки. Однимъ словомъ, мнѣ не нравятся ваши письма, ваши конверты, ваши страданія, ваши друзья и наставники.

И затѣмъ,—почему я долженъ обнаруживать передъ вами свои мысли и дѣлиться этими мыслями съ вами? Сударыня, я бросаю мысли въ дорогой ларчикъ, запираю ларчикъ на крѣпкій замокъ и говорю — будетъ. Нѣтъ-съ, дѣйствительно, будетъ! Знаю я, что вы запоете черезъ недѣли двѣ-три послѣ нашего диспута:— я васъ не понимаю, скажете вы, — намъ нужно разойтись.—Конечно, скажу я, — нужно разойтись, но вотъ вопросъ,—развѣ мы сходились?—Конечно, сходились.— Т. е., какъ такъ сходились? спрошу я. Вы надѣнете шляпу съ темно-зелеными бархатными лентами, застегнете перчатки и небрежно скажете: — неужели вамъ непремѣнно хочется оскорбить меня? Какъ это гадко, какъ недостойно такого выдающагося человѣка, какъ вы. И послѣднее слово вы дважды подчеркнете, направитесь къ двери, обернетесь и скажете сквозь зубы: — я очень сожалѣю, что такъ грубо ошиблась въ васъ.

Нѣтъ, нѣтъ, сударыня! Можетъ быть графъ Ностицъ и Громовержецъ дѣйствительно гвардейскіе начальники, можетъ быть, комета 19*** года давно разсыпалась на мелкіе кусочки, а наша встрѣча знаменитой путешественницы окончится торжественнымъ скандаломъ, но, прошу васъ, забудемъ объ этомъ спорѣ, забудемъ мудрыя опроверженія оракула Эренбурга, забу-

демъ ваши возраженія, неизвѣстныя мнѣ, но, конечно, остроумныя.

Сударыня, въ моей душѣ совершается великій переворотъ, и передъ моими очами безшумно скользятъ и Громовержецъ, и графъ Ностицъ, и всѣ остальные маленькіе боги и маленькіе графы Ностицы. Я не знаю, зачѣмъ эта власть, этотъ хитонъ голубого шелка, этотъ графскій мундиръ съ орденами, разсуждающій о тайнахъ мірозданія. Знаю только одно: самъ-то я—„un peu farouche“ дикій и больной—состою въ какомъ-то эксцентричномъ союзѣ съ голубымъ хитономъ и мундиромъ, расшитымъ золотомъ,—и родили меня не отецъ съ матерью, а какая-то каракатица, какая-то сѣрая мышь, или даже колбасная палочка Андерсена гдѣ-нибудь подъ прилавкомъ часовыхъ дѣлъ мастера. Я не хочу раскланиваться съ графомъ Ностицемъ, я пытаюсь разболтать по всему міру, что графъ Ностицъ занимается предосудительными дѣлами и ведетъ нашъ корабль Богъ вѣсть куда, я долженъ оскорбить графа и отдаю приказаніе своему воображаемому лакею: — меня нѣтъ дома, скажи графу, что меня нѣтъ дома.

— А! — восклицаете вы радостно и торжественно, такъ же торжественно и такъ же радостно, какъ восклицаетъ другъ нашъ — мудрецъ и оракулъ—скульпторъ Эренбургъ—если васъ нѣтъ дома, то позвольте узнать, гдѣ вы и какими занимаетесь серьезными дѣлами?

— Гдѣ я?

Сударыня! Въ Городскомъ Саду, гдѣ бьетъ фонтанъ и разбрасываетъ свои брызги, на глади темно-синяго пруда плаваютъ два лебедя съ прекрасными изогнутыми въ дугу шеями, черными носами и внимательными глазами. Ихъ бѣлыя крылья высоко приподняты

надъ темной водой, и гдѣ-то глубоко они видятъ отраженіе своей шеи и выпуклой груди. А въ небѣ остановились облака и, слышно, какъ по улицѣ мчится экипажъ на резиновыхъ шинахъ, въ экипажѣ сидитъ баронесса Штольцъ и везетъ въ пріютъ св. Евгеніи рубашки 6-тилѣтнимъ и 7-ми лѣтнимъ ребятамъ. Лебеди плывутъ къ берегу, возвращаются назадъ, плывутъ къ фонтану, ныряютъ въ двухъ шагахъ отъ него, и, приподнявъ удивленно головы, прислушиваются къ шепоту фонтана и смотрятъ на рябь маленькихъ волнъ.

Какъ скучно! Но кто сидитъ на скамейкѣ рядомъ съ зеленой бесѣдкой, розовая крыша которой испещрена бѣлыми полосками, и дикій виноградъ ползетъ къ острому шпилю съ серебрянымъ шаромъ? На скамейкѣ, сударыня, сидятъ Берта Бауманъ—гувернантка вашей маленькой сестрицы, ваша сестрица въ шотландской юбкѣ, коричневыхъ чулкахъ, бѣлой шляпѣ съ ярко-голубыми помпонами подъ широкими полями и, наконецъ, студентъ Лаврецкій, который живетъ возлѣ Патріаршихъ прудовъ и часто приходитъ къ вамъ. Лаврецкій приходитъ тогда, когда нѣтъ папиросъ, когда отецъ пишетъ письма и разсказываетъ о просроченныхъ векселяхъ, когда сданы зачеты, въ субботу звонятъ колокола, а въ небѣ золотой кузнецъ куетъ свое золото, когда изъ темноты ночи смотрятъ ваши глаза и, какъ шмели, жужжатъ вопросы:—любитъ ли она дыни, или персики, или оперетку „Веселую Вдову“, или „Сказаніе о градѣ Китежѣ“, черное платье съ кружевными вставками, или коричневое на шелку, графа Ностица въ мундирѣ, или Громовержца окруженнаго сіяніемъ своего могущества?

— Какъ странно, — думаетъ Берта Бауманъ,—моя Рига на берегу Балтійскаго моря, а я сижу на деревянной скамейкѣ, смотрю, какъ плаваютъ лебеди, и подлѣ меня этотъ студентъ. Бѣдный онъ, бѣдный,—его платки даже безъ мѣтокъ.

И Берта Бауманъ говоритъ вашей маленькой сестрицѣ:

— Милое дитя, вы не забыли дядю, который пріѣзжалъ изъ Красноярска?

Маленькая сестрица подымаетъ глаза и пытается воскресить въ своей памяти лицо дяди изъ Красноярска. И она припоминаетъ, что у дяди былъ серебряный портсигаръ съ игральными картами и золотой монограммой.

Маленькая сестрица отвѣчаетъ:

— Да, frau, я помню моего дядю.

Студентъ опускаетъ голову на протянутыя руки, смотритъ на кружево воротника Берты Бауманъ, смотритъ на брошку,—стрѣлку съ мѣсяцемъ, а на цѣпочкѣ сердечко, смотритъ на ея руки и думаетъ, что у Берты Бауманъ нѣмецкіе пальцы съ ногтями, какъ у фермеровъ, и думаетъ, что черезъ пять или десять лѣтъ онъ женится на какой нибудь нѣмкѣ Бертѣ изъ Ревеля, Петербурга, Либавы, Риги и отвѣтитъ на вопросъ священника,—обѣщался ли кому?—Нѣтъ не обѣщался. И хотя въ сердцѣ своемъ онъ уже давно обѣщался вамъ, сударыня, любитъ носокъ вашей шнурованной ботинки, изгибъ руки, вашъ медальонъ, вашъ профиль, всю васъ въ тѣни гостиной и въ блескѣ яркаго дня, но онъ женится на нѣмкѣ Бертѣ, и нѣмка Берта будетъ читать либеральную газету, нѣмка Берта будетъ плакать въ антрактахъ русской пьесы, нѣмка Берта будетъ сту-

чать на машинкѣ, нѣмка Берта разскажетъ о фрументарныхъ законахъ, законахъ консуловъ. Какъ хочется поѣхать въ Звенигородъ, полежать на солнышкѣ, почитать и забыть о вашихъ рукахъ, сударыня, забыть, какъ мягко вы картавите и полуоткрываете ваши губы.

А frau Бауманъ, думаетъ о колокольнѣ Ивана Великаго и Архангельскомъ соборѣ.

— Какая необыкновенная колокольня, — думаетъ frau Бауманъ,—возвышается по срединѣ площади,—и нѣтъ озера съ лебедями, нѣтъ фонтана, безконечная лѣстница и человѣкъ въ мундирѣ съ золотыми пуговицами. Какъ странно: Колокольня и человѣкъ съ пуговицами. У насъ въ Ригѣ нѣтъ колокольни Ивана Великаго. Вечеромъ у насъ раскрыты окна и въ комнатахъ много-много людей. Боже мой,—думаетъ frau Бауманъ,—какъ наши люди смѣются, какъ разговариваютъ, какъ любятъ и какія потѣшныя игры. И frau Бауманъ видитъ всѣхъ тѣхъ, кто смѣется, кто разговариваетъ, кто играетъ въ потѣшныя игры. Вотъ господинъ Ашербренеръ. Онъ одѣтъ въ полосатый костюмъ, исполняетъ обязанности помощника бухгалтера на сталелитейномъ заводѣ, очень веселый господинъ и любитъ за чаемъ показывать фокусы. Однажды господинъ Ашербренеръ положилъ свою руку на мою, и фокусъ съ бубновымъ тузомъ никого не разсмѣшилъ. А вотъ господинъ Пичкудисъ. Пичкудисъ подарилъ сестрѣ Августѣ игральный ящикъ, но когда бушевало море и вѣтеръ, какъ старикъ, стучалъ своею клюкою въ окно, господинъ Пичкудисъ замѣтилъ, что у Берты Бауманъ розовыя щеки и, можно подумать, что вчера только совершилась конфирмація. А вотъ Адамъ Кенигъ,

пѣвецъ частной оперы, большой любитель шеколадныхъ конфетъ, красныхъ галстуковъ, желтыхъ ботинокъ и цвѣтныхъ сорочекъ. Онъ ежедневно въ свѣжей полосатой сорочкѣ, высоко поднимаетъ голову, а когда поетъ, снимаетъ воротничекъ и говоритъ: — господа, я исполню прекрасную арію. И однажды Адамъ Кенигъ исполнилъ свою арію, а надъ моремъ стоялъ мѣсяцъ, два парохода собирались отправиться въ Норвегію, играла военная музыка и стрѣляли изъ пушекъ. Адамъ Кенигъ подошелъ ко мнѣ, протянулъ шеколадную конфету и сказалъ:—Берта Бауманъ, неужели вы думаете, что въ Москвѣ шеколадныя конфеты такого же достоинства, какъ и въ Ригѣ? Я ему отвѣтила:—Господинъ Кенигъ, рижскія шеколадныя конфеты отличаются очень пріятнымъ вкусомъ, и я знаю, что вы большой любитель сладкихъ конфетъ. Тогда господинъ Кенигъ показалъ свои манжеты съ золотыми запонками и сказалъ:—Берта Бауманъ, я сейчасъ проглочу эту конфету—вотъ такъ! И Адамъ Кенигъ подбросилъ вверхъ шеколадную конфету, а мнѣ показалось, что она прыгнула въ его горло. Потомъ Адамъ Кенигъ легко вальсировалъ съ моей младшей сестрой Терезой, потомъ Кенигъ сѣлъ на подоконникъ окна и показалъ, какъ садятся пьяные и грозятъ пальцами Балтійскому морю. А потомъ, когда потушили огни въ лавкѣ съ духами, зубнымъ порошкомъ, цвѣточнымъ мыломъ и зубочистками, Адамъ Кенигъ подошелъ къ роялю, закрылъ крышку и сказалъ:—Берта Бауманъ, такъ же, какъ я закрылъ крышку рояля, такъ же я закрылъ крышку своего расположенія къ вамъ. Я удивилась и пристально посмотрѣла на Адама Кенига. Но Адамъ Кенигъ сѣлъ на крышку, заложилъ ногу на ногу и бѣлымъ платкомъ

началъ вытирать свой лобъ. И Адамъ Кенигъ долго вытиралъ свой лобъ,—а вечеръ былъ очень холодный, съ моря дулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, море шумѣло и волновалось въ своихъ берегахъ. И, когда ночью мы легли спать, надъ аптекарскимъ магазиномъ скрипѣла вывѣска и раскачивалась во всѣ стороны на ржавыхъ петляхъ.

Сударыня! Такъ думаютъ Берта Бауманъ, ваша сестрица, студентъ Лаврецкій,—а баронесса Штольцъ, возвращаясь изъ общины св. Евгеніи, смотритъ на скамейку городского сада и думаетъ:—бѣдная дѣвушка, бѣдный ребенокъ, бѣдный молодой человѣкъ. Конечно, студентъ влюбленъ въ дѣвушку, и объясняется ей въ любви, дѣвушка кокетничаетъ и играетъ зонтикомъ, а маленькая воспитанница остается безъ присмотра. Но баронесса Штольцъ заблуждается: дѣвушка влюблена въ Ригу и Адама Кенига, студентъ влюбленъ въ вашу шляпу съ темно-зелеными бархатными лентами, а дѣвочка очень счастлива,—она влюблена въ бѣлыхъ лебедей, которые плаваютъ отъ одного берега къ другому и такъ красиво подымаютъ свои крылья.

А я, сударыня? Гдѣ я? Я, сударыня, влюбленъ въ Берту Бауманъ, въ студента Лаврецкаго, въ вашу маленькую задумчивую сестрицу, въ бѣлыхъ лебедей, въ баронессу Штольцъ—она всегда въ благотворительныхъ хлопотахъ и поэтому такъ равнодушно возсѣдаетъ на своемъ пунцовомъ тронѣ. Я, сударыня, открываю ящикъ письменнаго стола, бросаю въ ящикъ ваше письмо, бросаю свой отвѣтъ на него и думаю:

— Какой, однако, плутъ нашъ скульпторъ Эренбургъ. Фунтъ глины въ его мастерской—это маленькій богъ или наивный херувимъ—великолѣпно. Ваша жен-

ская ручка, протянутая къ его волосамъ, это награда за трудолюбіе и вдохновеніе—великолѣпно. Но оракулъ и мудрецъ, нашъ общій другъ къ невинному спору о графѣ Ностицѣ и Громовержцѣ привлекаетъ третье лицо, т. е. васъ, сударыня, и ваша ручка грозитъ намъ пальчикомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ сударыня,—даю вамъ честное слово—un peu farouche,—я спорилъ съ закрытыми глазами и не зналъ, что мои слова касаются вашего слуха и, какъ дерзкіе эльфы, щекочутъ ваши маленькія, прекрасныя уши. Клянусь, я спустилъ бы руку на плечо Эренбурга и сказалъ:

— Громовержецъ закурилъ душистую папиросу графа Ностица, Графъ Ностицъ показалъ Громовержцу кусочекъ синей тетради съ математическими вычисленіями, а комета 19*** года медленно приближалась къ землѣ и все шире и шире разбрасывала парчу сіяющаго хвоста.

Лихорадка.

Я лежалъ на постели, покрытый теплымъ пальто,—и у меня была лихорадка. Днемъ ознобъ проходилъ, къ вечеру усиливался, ночью я задыхался, и мнѣ казалось, что протопили всѣ печи, оставили открытыми чугунныя дверцы, а красные угли тлѣютъ и вспыхиваютъ синими огоньками. И все время я мучительно думалъ о своихъ долгахъ и о письмѣ, которое получилъ на дняхъ. Одинъ богатый человѣкъ писалъ мнѣ:—Вы, конечно, предполагаете, что я не знаю, какъ распорядиться тѣми пятью-

десятью рублями, которые вы мнѣ должны. Увѣряю васъ, эти деньги пригодятся: напримѣръ, я куплю дюжину великолѣпныхъ фуфаекъ, а остатокъ пожертвую въ церковь св. Касіяна, что въ Серпуховской части. А вамъ желаю здравствовать и не забывать покорнаго слугу. Потомъ я вспомнилъ маленькую барышню съ ридикюлемъ, усиками на верхней губѣ, въ тѣсной кофточкѣ, съ двумя блестящими пуговицами сзади и тоненькой бархаткой, вокругъ отложного воротника. Она стучала въ дверь и спрашивала:

— Можно?

— Можно,—отвѣчалъ я.

Она входила, протягивая руку, улыбаясь, потомъ садилась, вынимала изъ ридикюля платокъ, вытирала губы и говорила.

— Мой братикъ Валя не выдержалъ экзаменъ по русскому языку. А вы какъ поживаете?

Я смотрѣлъ на нее и отвѣчалъ:

— Вашъ братикъ Валя славный мальчикъ. Вы остаетесь въ городѣ или уѣзжаете?

Она опять вытерала губы и говорила:

— Да. Мы уѣзжаемъ изъ города, и деньги намъ очень нужны.

Ахъ! Эта лихорадка крѣпко привязалась ко мнѣ. Она пришла со стороны Пятницкой части, гдѣ возвышается фабрика бр. Маслобоевыхъ, и на фабрикѣ работаютъ пять тысячъ человѣкъ. Они печатаютъ книги подъ заглавіемъ:—душа и тѣло—сочиненіе священника Золотарева,—совѣты страдающимъ разочарованіемъ и пресыщеніемъ,—религія и прогрессъ,—счастье человѣчества,—краткій методъ правильно излагать свои мысли. Книги иллюстрируетъ художникъ Вознесенскій.

Его красныя руки всегда покрыты прыщиками, однажды распухъ большой палецъ, почернѣлъ ноготь—и двѣ недѣли художникъ Вознесенскій не могъ владѣть карандашемъ. А рабочіе бр. Маслобоевыхъ на Вербной Недѣлѣ устроили маленькое возмущеніе. Они собрались въ толпу передъ фабрикой и сказали:

— Мы не хотимъ смазывать ратаціонныя машины и печатать книги священника Золотарева, подъ заглавіемъ—душа и тѣло. Мы всегда больны, мы голодаемъ, у насъ лихорадка, и врачи приказали пить молоко.

Тогда на крыльцо вышелъ самъ Маслобоевъ и сказалъ:

— Чортъ возьми! Если вамъ приказали пить молоко,— я дамъ молоко. Ну, довольны?

Рабочіе подняли глаза и спросили:

— А священникъ Золотаревъ и его книги—душа и тѣло—счастье внутри насъ,—камаринскій мужичекъ,— Россія и Востокъ? Мы не вѣримъ священнику Золотареву.

Тогда Маслобоевъ позвалъ помощника Онуфрія Галактіоновича. Онуфрій Галактіоновичъ позвалъ другого помощника Безбородко - Иванова. Безбородко - Ивановъ подошелъ къ телефону и сказалъ:

— Рабочіе бр. Маслобоевыхъ сомнѣваются въ искренности священника Золотарева.

И ему кто-то отвѣтилъ:

— Если сомнѣваются, такъ мы сдѣлаемъ такъ, что не будутъ сомнѣваться.

И рабочіе братьевъ Маслобоевыхъ повѣрили священнику Золотареву, лихорадка заглянула въ окно, забралась на подоконникъ, потомъ забралась на постель и положила горячія руки на мой лобъ.

Возлѣ бѣлой занавѣски ворковали голуби, а я поднялся съ постели, подошелъ къ двери, нажалъ электрическую пуговку и позвонилъ. Я зналъ, что черезъ пять минутъ раскроется дверь, войдетъ полная женщина Анна Ивановна и спроситъ:—что угодно?

У Анны Ивановны были пристальные глаза, которые смотрѣли въ упоръ и, казалось, взглядъ ихъ черезъ толщу груди проникалъ въ самое сердце. Анна Ивановна лечила многихъ людей, которые валялись на этой постели и болѣли лихорадкой. Но, когда больные люди выздоравливали, они высоко подымали голову и кричали:

— Анна Ивановна, вы должны исполнять приказаніе и не разговаривать!

Анна Ивановна завязывала ленточку бѣлаго чепца и думала:—погоди, погоди, выздоровѣешь, а потомъ сдѣлаешь фальшивыя бумажки, или получишь чинъ генерала, или чинъ околодочнаго, въ гости придетъ барышня Ванда и, обнявшись съ барышней Вандой, будешь пить чай, кушать сливочный сыръ и сосать леденцы, завернутые въ синюю блестящую бумагу.

Анна Ивановна не приходила, потъ смочилъ мой лобъ и, казалось,—Анна Ивановна чиститъ самоваръ, вздыхаетъ и думаетъ:—мой покойный мужъ не грѣшилъ и читалъ житіе святого мученика Фоки Вертоградаря. Но однажды на его лицо легла смертельная печаль и онъ спросилъ:—Анна, Анна, кто они—всѣ эти? Что мы имъ и что они намъ?

А передъ моими глазами вдругъ выросла прекрасная картина Венеціанова, я увидалъ блѣдное лицо молодой дѣвушки, которая скучаетъ въ осенній день и думаетъ что женихъ забылъ ее и на вороном конѣ ускакалъ

во Французское Царство. Но когда лицо блѣдной невѣсты вдругъ озарилось улыбкой,—раскрылась дверь и вошла Анна Ивановна.

Я снялъ руку со лба и сказалъ:

— Анна Ивановна, прошу васъ пойдите къ моей постели.

Но Анна Ивановна сидѣла въ подвалѣ и чистила самоваръ, а въ комнату вошелъ Борисъ Поддубный.

Онъ заперъ дверь, поставилъ въ уголъ зонтикъ, снялъ пальто и протянулъ руку.

— Вы больны? спросилъ Борисъ Поддубный и улыбнулся.

Я смотрѣлъ на Бориса Поддубнаго, на его острое лицо съ пышными усами, на яркіе неподвижные глаза, на тонкія руки съ желтыми ногтями, съ плоскими бугорками и думалъ:—когда хмурится погода, когда у сапожника умираетъ жена, когда у портного рвутся нитки и ломаются иглы, когда почтальонъ передаетъ письмо съ извѣстіемъ, что сошелъ съ ума корнетъ гусарскаго полка,—въ комнату всегда входитъ Борисъ Поддубный или его двойникъ, садится складываетъ на колѣняхъ тонкія руки, нагло показываетъ желтые ногти и плоскіе бугорки.

— Вы удивились моему посѣщенію? спросилъ Поддубный.

— Нѣтъ, не удивился,—отвѣтилъ я.—Когда у мяня ознобъ и я лежу подъ теплымъ пальто, часто въ открытое окно влетаетъ ласточка и кружится подъ самымъ потолкомъ, вбѣгаетъ собаченка, останавливается и смотритъ на меня, или Анна Ивановна приноситъ записку изъ конторы Шебеко, которая сообщаетъ, что я

выигралъ золотое кольцо съ бирюзою.—Ну, какъ поживаютъ всѣ ваши? спросилъ я.

— Хорошо поживаютъ, — отвѣтилъ Борисъ Поддубный.—Въ среду всѣ были въ соборѣ. Раиса Александровна разсказывала о жизни Флобера, Миша пріѣхалъ изъ деревни, Кустикъ игралъ на віолончели, а у Тамары Александровны болѣла голова, и она весь вечеръ сидѣла у себя въ комнатѣ. Въ 12 часовъ пришли изъ театра всѣ остальные, ужинали и разошлись по домамъ въ два часа.

— Какъ странно, сказалъ я,—Борисъ Поддубный сидитъ на стулѣ рядомъ съ моей постелью. Какъ странно.

— Но почему Борису Поддубному не сидѣть на стулѣ? спросилъ Поддубный.—Развѣ Поддубный далъ вамъ слово не сидѣть и развѣ Поддубный не раскланивается на улицѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшилъ сказать я,—но вы, конечно, уже перемѣнили квартиру, у васъ большой зеленый столъ, на столѣ номера газеты „Русскіе Отголоски“, всѣ ваши вырѣзки съ политикой, американскими трестами и дневникомъ турецкаго султана. Вамъ конечно, уже предложили мѣсто завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ, у васъ большая ручка, большой синій карандашъ, а на стѣнѣ календарь, съ листочками—20-е число—страданія .св. мучениковъ князя Михаила Черниговскаго и боярина его Феодора. Вы, конечно, уже оторвали нѣсколько страничекъ, съ каждымъ днемъ ихъ будетъ все больше и больше и, наконецъ, цѣлыхъ 366. Вы получили мѣсто завѣдующаго статистическимъ отдѣломъ? Да?

— Получилъ, — сказалъ Поддубный, а потомъ вы-

нулъ изъ бокового кармана билетъ, протянулъ его мнѣ и сказалъ:

— Вотъ мой билетъ.

Я освободилъ руку изъ-подъ пальто, взялъ квадратный кусочекъ картона и прочелъ: „Борисъ Поддубный—завѣдующій статистическимъ отдѣломъ,—и тѣ же слова были написаны по-французски: Boris Poddoubnoff и проч.

— Очень радъ, — сказалъ я, — желаю вамъ полнаго благополучія, — и я положилъ билетъ на столикъ, рядомъ съ полосканьемъ, спичками и свѣчей.

Помолчавъ, я прибавилъ:

— Теперь, слава Богу, у васъ благородное занятіе. Я уже вижу ваше черное пальто съ бархатнымъ воротникомъ, вижу брюки со складочкой, вижу новыя пріобрѣтенія—томы сельскаго хозяйства, томы государственнаго коннозаводства, и вижу электрическое піанино, да, да, электрическое піанино, которое играетъ Capriccio Зарембскаго. Вы слыхали это замѣчательное Capriccio? Зарембскій—огромный талантъ. Онъ умеръ въ Брюсселѣ 30-ти лѣтъ отъ роду. Но, извиняюсь, у меня лихорадка.

— Да,—сказалъ Поддубный,—у васъ лихорадка.

А электрическое піанино играло Capriccio Зарембскаго, его Импровизаціи, его Сентиментальный Вальсъ и, казалось, что подлѣ электрическаго піанино стоялъ самъ Зарембскій и говорилъ: — Смерть въ 30 лѣтъ! Господа, смерть въ 30 лѣтъ! А потомъ поднялся Бельгійскій король и сказалъ: — Милостивые Государи, Зарембскій — это Зарембскій. Бѣдная брюссельская консерваторія. Кто возьметъ въ руки палочку Зарембскаго? Кто?

Я посмотрѣлъ пристально на Поддубнаго и сказалъ:

— Въ статистическомъ отдѣлѣ 20 барышенъ, свѣтлыя комнаты, электрическія люстры, пишущія машины и завѣдующій статистическимъ отдѣломъ Борисъ Поддубный. — Господа, говоритъ врачъ Челищевъ, подходитъ къ столу и протягиваетъ руку Борису Поддубному, — мы больны, вся Россія больна, больна дорогая страна отъ одного моря до другого. — Борисъ Поддубный, позвольте показать мнѣ листочки,—прошу васъ. Борисъ Поддубный открываетъ ящикъ стола, — тамъ въ синей папкѣ сохраняются листочки и протягиваетъ ихъ врачу Челищеву. Но врачъ Челищевъ съ удивленіемъ смотритъ на листочки, потомъ на Поддубнаго и говоритъ: — Я вижу листочки бѣлой бумаги? — Да, повторяетъ Борисъ Поддубный,—листочки бѣлой бумаги.— Гдѣ же цыфры?—спрашиваетъ Челищевъ. Борисъ Поддубный улыбается:—Нѣтъ цыфръ.—Вы шутите!—восклицаетъ Челышевъ. Но Борисъ Поддубный прикасается двумя пальцами къ своимъ усамъ и спокойно замѣчаетъ:—Нѣтъ цыфръ, господинъ Челищевъ, нѣтъ двадцати барышень, нѣтъ пишущихъ машинъ, нѣтъ статистическаго отдѣленія, нѣтъ Бориса Поддубнаго, нѣтъ страны отъ Бѣлаго море до Чернаго моря.—Какое неожиданное открытіе,—говоритъ врачъ Челищевъ,—но всетаки—не угодно ли посмотрѣть? И онъ указываетъ пальцемъ на географическую карту, которая виситъ въ пріемной. И, когда указываетъ, всѣ барышни встаютъ со своихъ мѣстъ, расправляютъ складки юбокъ, подходятъ къ картѣ, смотрятъ на нее и даже прикасаются къ ней руками. Тогда Борисъ Поддубный снимаетъ карту со стѣны, упирается цальцами въ ея границы и, какъ укротитель звѣрей, говоритъ:—Эта страна

называется Россія,—вотъ границы восточныя, вотъ—западныя, вотъ югъ, вотъ сѣверъ,—на сѣверѣ Новая Земля, а еще дальше хоромы злого духа, который сидитъ на корточкахъ, чешетъ отмороженное ухо, стучитъ зубами и думаетъ:—хорошо бы погрѣться гдѣ-нибудь за печкой статистическаго отдѣла и поиграть въ дурачки по маленькой съ врачемъ Челищевымъ.

Я снова пристально посмотрѣлъ на Бориса Поддубнаго, положилъ ногу на ногу, снялъ руку съ пуговицы пальто и сказалъ:

— Я вижу, вы молчите и сидите тамъ передо мною въ своихъ новыхъ ботинкахъ, съ новыми планами и предположеніями. Но, право, я не хочу знать, какъ вы думаете, что вы чувствуете, какъ смотрите на прошлое, какъ смотрите на будущее. Помню, Кустикъ водилъ смычкомъ по віолончели, вы сидѣли рядомъ съ Раисой Александровной, а я мечталъ: вотъ они сидятъ другъ подлѣ друга, слушаютъ Кустика, смотрятъ на его черные волосы, на огромныя ноги, а потомъ вдругъ возьмутся за руки, уѣдутъ въ Канаду, построятъ шалашикъ и будутъ питаться аккридами и дикимъ медомъ. Молодцы!—думалъ я.—Тамъ въ шалашикѣ, при огаркѣ сальной свѣчи, они прочтутъ исторію колбасной палочки, на разсвѣтѣ умоются холодной водою, подымутъ руки въ честь алой зари, прислушаются, какъ разговариваютъ травы, и вѣтеръ цѣлуетъ каждую свѣтло-зеленую былинку. А теперь: карточка Boris Poddoubnoff, складочки на брюкахъ и электрическое піанино фабрики Гедике изъ депо Мюллера, колесики, ремни, машинки, электрическія лампочки, абажуры. Кто играетъ? Кустикъ въ черной курткѣ и сапогахъ съ рыжими голенищами? Нѣтъ,—Зарембскій, самъ Листъ, самъ Бет-

ховенъ, самъ Вагнеръ. А кто выходитъ изъ столовой въ лакированныхъ ботинкахъ, въ черномъ кружевномъ платьѣ, съ бѣлымъ бордюрчикомъ на рукавахъ? Конечно, Раиса Александровна, сестра Тамары Александровны, дочь почтеннаго отца города, у котораго плюшевые диваны въ кабинетѣ, самъ онъ сидитъ за столомъ, опустивъ сѣдую голову на руки и читаетъ нашихъ либераловъ, нашихъ дорогихъ либераловъ.

Мой лобъ вспотѣлъ, казалось, въ комнату влетѣла ласточка и начала кружиться подъ потолкомъ, карточка Boris Poddoubnoff подпрыгнула на столѣ и стремглавъ бросилась въ карманъ своего хозяина, а я, возбужденный, настоящій „un peu farouche“ сказалъ:

— Подымайтесь по лѣстницѣ, звоните въ звонки, входите въ двери, слушайте, какъ Кустикъ играетъ на віолончели, какъ гремитъ электрическое піанино, собирайте всѣхъ либераловъ: либерала отца, либерала дочь, либерала дѣвочку, либерала мальчика, либерала горничную, либерала лакея, отправляйтесь въ клубъ либераловъ и всею семьею веселитесь и кушайте либеральныя кушанья: соте изъ рябчиковъ, эскалонъ изъ телятины, шампиньоны въ сметанѣ, свѣжіе бобы, пудингъ кабинетъ, пуншъ гляссе, крутъ ананасный. Смотрите на отца: какая рука, какіе жесты, какіе факты, какая память! Вся Россія на ладони — и какая Россія! Вы думаете Россія приказчиковъ, угрей, фіолетовыхъ шинелей, подвязанныхъ зубовъ, трусливой походки и подслушиваній подъ дверью Его Превосходительства? Нѣтъ,—Россія бѣлаго орла, царя природы, красавца, который паритъ надъ отечествомъ и обозрѣваетъ отечество отъ края до края, отъ моря до моря. Смотрите на дочь! Какая тонкость линій,

какая прозрачность кожи, какой овалъ лица, Какая тихая задумчивость! Какъ часто эта дѣвушка обращаетъ свой взоръ туда, назадъ, въ исторію страны, какъ часто она пытается надѣть шлемъ, латы и копьемъ Жанны д'Аркъ пронзить гидру, вставшую изъ пропасти прошлаго. Она знаетъ, гдѣ копье, гдѣ латы, гдѣ конь бѣлоснѣжный. Еще минута и встанетъ она, положитъ руки на плечи отца и скажетъ: — прощай, мой старикъ, прощай, дорогой! А дѣти? Забавляйтесь, милыя, играйте подъ столомъ пухленькими ножками, улыбайтесь другъ дружкѣ, раздувайте щеки. Вы—надежда страны, на васъ съ любовью смотрятъ отцы ваши, матери и сестры.

И вдругъ Борисъ Поддубный раздулся, какъ лягушка, лицо его, словно въ кинематографѣ, увеличилось во много десятковъ разъ, приблизилось, расплылось въ улыбку, усы уперлись въ меня, глаза ходили во всѣ стороны, на лбу зіяла французская надпись Boris Poddoubnoff и проч., а на груди висѣло ожерелье изъ серебряныхъ полтинниковъ и золотыхъ имперіаловъ. И Борисъ Поддубный уже не былъ Boris Poddoubnoff, завѣдующій статистическимъ отдѣломъ, другъ Кустика и Раисы Александровны,—а измѣнникъ своей страны съ огненными глазами, чародѣй-измѣнникъ, который знаетъ, почему у людей скорбное выраженіе лицъ, почему на разсвѣтѣ дребезжитъ повозка съ блѣдными узниками, за повозкой двѣ женщины, черезъ часъ—вдовы, а въ „Раѣ Магомета", домѣ разврата—Леонора—Капитанъ наливаетъ въ бокалъ шампанское, открываетъ окно и кричитъ:—смотрите, черти, утро восходитъ, а въ телѣгѣ красавцевъ везутъ! Почему глубокій, древній старикъ благословляетъ дочь въ подвѣнечномъ

уборѣ, а дочь бросаетъ бѣлый уборъ въ грязь, подбѣгаетъ къ боченку, наливаетъ въ граненый стаканчикъ сивуху и угощаетъ всю пьяную компанію. Почему сынъ степенныхъ родителей, какой-нибудь Ѳедюша, Петруша, „дядя Митяй“, „нашъ другъ Алексѣй Алексѣевичъ“,— покидаетъ родныя поля, участки чернозема, сады и бѣлые домики, садится на корабль, видитъ, какъ убѣгаютъ башни, дворцы, колокольни, храмы, потомъ выходитъ на Новый Берегъ, строитъ свой домъ, пашетъ чужія поля и ни разу не махнетъ платочкомъ забытой родинѣ.

И я сказалъ Борису Поддубному:

— Вы—измѣнникъ.

И, когда сказалъ,—прислушался къ звуку своего голоса, посмотрѣлъ на золотой переплетъ какой то книги, вѣроятно,—таинственныя приключенія Гофмана, а пальто опустилось однимъ концомъ съ постели, и рука моя, какъ рука мертвеца, неподвижно лежала на черномъ сукнѣ теплаго пальто.

И было жаль всѣхъ первыхъ дней юности, когда не зналъ измѣнниковъ, не зналъ героевъ, а только радость,—прекрасную, какъ мудрость Цезаря, какъ слава Наполеона. И было жаль всѣхъ тѣхъ, кто шелъ, кто идетъ по узкой тропинкѣ безъ конца и начала, въ каждый моментъ пути повторяетъ—жизнь, жизнь!—и не знаетъ, что блекнетъ костюмъ, и царскіе уборы уже уборы лакея, уборы лакея — тряпки шута, а тряпки шута—лохмотья нищаго.

И я тихо повторилъ:

— Борисъ Поддубный, вы—измѣнникъ.

Борисъ Поддубный спряталъ въ боковой карманъ карточку съ надписью и сказалъ:

— А у васъ въ головѣ расплодились какія то мухи,— мушиный заводъ. Но извиняюсь,—я забылъ, что вы больны,—и онъ улыбнулся.

Борисъ Поддубный правъ. Въ моей головѣ расплодились мухи, жужжали, переползали съ мѣста на мѣсто и лапками ухватывались за тонкія нити мыслей.

А у Бориса Поддубнаго порхаютъ въ головѣ бабочки, и онъ радуется, и всегда будетъ радоваться,— черезъ годъ, черезъ десять лѣтъ, черезъ двадцать. Отрывной календарь на стѣнѣ: 10-е число, 11-е число, 12-е число, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, мученицъ Минодоры, Митродоры, Нимфодоры, св. мучениковъ Ромила и Евдоксія, преподобнаго Іосифа Волоколамскаго, мученицы Аріадны, Capricio Зарембскаго, электрическое піанино, пирожныя Трамбле, бабка Елисѣева, новая книга новаго таланта, письмо изъ Уфимской губерніи, отъ белебѣевскаго пристава съ донесеніемъ о засухѣ, а въ спальнѣ розовый фонарь, женскія туфельки подъ кроватью—и огромное зеркало въ орѣховой рамѣ съ амуромъ, пронзающимъ сердце Венеры.

О, мухи, мухи, о, мушиный заводъ!

И, приподнявшись на локоть, я спросилъ Бориса Поддубнаго:

— Зачѣмъ вы пришли и сидите на стулѣ? Вѣдь я не звалъ васъ?

Борисъ Поддубный улыбнулся и отвѣтилъ:

— Вашъ кварталъ — живописный уголокъ, — много вывѣсокъ, фруктовыхъ лавокъ, акушерокъ, шорныхъ магазиновъ и гробовщиковъ. Послѣ обѣда я гуляю два часа и размахиваю своимъ заграничнымъ зонтикомъ.

Тогда меня охватило бѣшенство и я сказалъ:

— Борисъ Поддубный, у васъ отвратительныя руки

съ худыми пальцами, выпуклыми ногтями и синими венами, у васъ отвратительный высокій лобъ, который профанъ можетъ принять за лобъ Шекспира. Я васъ спрашиваю, зачѣмъ вы пришли?

— Не будемъ ссориться,—сказалъ Поддубный.—Вы больны, лихорадка, что ли, и жаръ, а у меня несчастье,— и онъ приподнялъ голову.

Потомъ положилъ руки на спинку стула и сказалъ:

— Вчера Тамара Александровна была больна. Я наклонился надъ ея постелью, а она прошептала:—угадайте, кого я люблю.—Я не угадалъ. И, когда не угадалъ, опустился въ кресло, слезы смочили мои руки, просачивались сквозь пальцы и падали на коверъ, а я видалъ смѣшные узоры ковра и стальныя ножки кровати Тамары Александровны съ бронзовыми колесиками. Въ передней висѣло фіолетовое манто Раисы Александровны, въ гостиной лежали карты, стояла віолончель Кустика, на диванѣ книга, и книга, и карты, и віолончель думали, что я люблю фіолетовое манто съ бѣлыми узорами и шелковой подкладкой.—Надо уйти,—сказалъ я, и не ушелъ.—Надо умереть,—подумалъ я,—и не умеръ. А Тамара Александровна вынула изъ дубоваго сундука лакейскій сюртукъ, надѣла его на мои плечи и замѣтила:—Вотъ прекрасный розовый сюртукъ съ красными пуговицами, бѣлыми отворотами и золотымъ галуномъ на рукавахъ.

Я смотрѣлъ на Бориса Поддубнаго, и передо мною на стулѣ сидѣлъ грустный герой, съ головы котораго сняли вѣнокъ, а самого героя вытолкнули въ дверь ногой. Смѣшной художникъ, растерявшій всѣ свои краски и кисти, скрипачъ безъ скрипки, піанистъ безъ рояля, писатель съ огромной пустой головой, черниль-

ницей на столѣ, промокательной бумагой и усовершенствованной ручкой изъ корельской березы. Сидѣлъ завѣдующій статистическимъ отдѣломъ съ календаремъ, пишущей машиной, калошами въ передней и какой то бумажкой въ карманѣ, гдѣ написано:—отправляясь въ путь, нужно надѣть на шею шерстяной красный платокъ и пересчитать всѣ свои деньги.

Я сказалъ:

— Розовый сюртукъ съ бѣлыми отворотами выигрываетъ при высокомъ ростѣ и мускулистомъ сложеніи.

Но Борисъ Поддубный отвѣтилъ:

— Вчера на головѣ Тамары Александровны лежалъ мѣшокъ со льдомъ и за нею ухаживали до 4-хъ часовъ ночи. А, когда на разсвѣтѣ всѣ разошлись она протянула мнѣ письмо и сказала:—прошу васъ, передайте ему это письмо.

И Борисъ Поддубный вынулъ изъ кармана узкій конвертъ, прочелъ адресъ, улыбнулся и положилъ конвертъ на черное пальто.

Я взялъ письмо, бросилъ на полъ полоску бѣлой бумаги и прочелъ:

„Я очень больна и не знаю, когда поправлюсь. Я всегда думала, думала о васъ, вотъ, наконецъ, и слегла въ постель. Вѣроятно, многіе болѣютъ этой болѣзнью. Моя нѣжность къ вамъ выросла въ болѣзнь, и эта болѣзнь какая-то сладостная. Руки мамы и сестры, которыя прикасаются къ моей головѣ – ваши руки. Въ каждомъ лицѣ я различаю ваши черты, вы присутствуете въ комнатѣ и своимъ дыханіемъ согрѣваете подушку, мой лобъ, все мое тѣло. Нельзя молчать. Если долго молчишь, всегда заболѣешь. Но я хочу подняться съ постели, потомъ уѣду въ деревню, буду гулять въ

лѣсу, въ полѣ,—и забуду черты вашего лица. Нельзя ласкать свою мучительную, сладостную боль. Эта сладость—сама смерть. Смерть отъ любви. Прислушайтесь къ страннымъ словамъ. Смерть отъ любви. И меня понесутъ въ гробу, у изголовья синія незабудки, атласное платье сверкаетъ пышными складками,—а я, какъ невѣста, которая уже успокоилась и примирилась съ страданіемъ. Кто вы? Откуда вы пришли? Гдѣ ваша родина? Кто ваши отецъ и мать? Я не знаю, кто вы—и въ этомъ незнаніи моя мучительная сладость. Однажды вечеромъ, вы вошли въ нашъ домъ, словно принцъ или герцогъ, какой-то особенный, съ высоко приподнятою головою. Кустикъ игралъ на віолончели, а потомъ сказалъ:—пріятно играть, когда слушаютъ умные люди. Тогда же, зимою, я должна была уѣхать въ деревню: тамъ ярко пылаютъ печи, взвиваются искры, а за окномъ лежатъ сугробы снѣга, бѣлые днемъ, и фіолетовые вечеромъ. Я не боюсь одиночества, у насъ въ деревнѣ есть огромный водолазъ Трезоръ,—онъ скучаетъ зимою и былъ бы мнѣ радъ. Но я не уѣхала и привыкла къ вашимъ мыслямъ. Вы плывете одинъ, одинъ въ сказочномъ царствѣ, воздвигнутомъ на небесахъ,—и все земное оскорбляетъ васъ. У васъ все свое: свои мысли, свое зрѣніе, свой слухъ, и своими глазами вы различаете то, что скрыто отъ глазъ другихъ людей,—поэтому съ вами такъ радостно и такъ страшно. На васъ лежитъ печать отмѣченности, и люди, подобные вамъ, съ улыбкою уходятъ изъ дворца жизни, словно ихъ живыми берутъ на небо. Эти люди на каждой бездѣлушкѣ, на самой крошечной вещицѣ кладутъ печать огненной руки, печать свѣтится фосфорическимъ блескомъ и струитъ ароматъ. А, если печать на чело-

вѣческой душѣ, тогда рана сочится кровью и такъ больно, такъ больно. Мы, люди, всѣ мы люди. Намъ страшно не быть людьми. А вамъ не страшно. Вы все глубже и глубже погружаете взоръ въ непонятное, просвѣтляетесь въ своей мукѣ, просвѣтляетесь въ радостномъ страданіи. Ахъ какъ грустно! Я всегда мечтала о встрѣчѣ съ такимъ человѣкомъ, какъ вы, а, когда встрѣтила,—заболѣла, слегка въ постель, и мои руки крестомъ сложены на груди. Этотъ человѣкъ строитъ свой храмъ и—что ему нѣжность принцессы, королевы, царицы? Не правда ли? Какъ страшно жить, какъ страшно лежать, сидѣть, думать, говорить, протягивать и опускать руку. Какая радость увидать васъ подлѣ своей постели, стройнаго, грустнаго, съ мягкими волосами, прекрасными руками, тонкими пальцами, и эти пальцы прикасаются къ горячему лбу.“

Я сложилъ втрое письмо, спряталъ въ конвертъ, положилъ письмо на столикъ и сказалъ Поддубному:

— Вотъ прекрасное, нѣжное письмо. Тамара Александровна не писала вамъ любовныхъ писемъ?

Борисъ Поддубный пошевелилъ пальцами протянутой руки и сказалъ:

— Если бы на конвертѣ былъ мой адресъ, я упалъ бы на колѣни и поцѣловалъ ея платье.

— А, если бы Тамара Александровна умерла отъ любви ко мнѣ, — спросилъ я, — и всѣ эти мѣшки со льдомъ не помогли бы? Что тогда?

Борисъ Поддубный подумалъ и отвѣтилъ:

— Я, вѣроятно, убилъ бы васъ,—не знаю.

Я улыбнулся и сказалъ:

— Тамара Александровна не умретъ, ее спасетъ ледъ и черезъ мѣсяца три-четыре ваша мечта осуще-

ствится. Вы упадете на колѣни, поцѣлуете ея платье, потомъ отправитесь въ церковь и вернетесь вмѣстѣ съ Тамарой Александровной въ одномъ кабріолетѣ. А сейчасъ передайте Тамарѣ Александровнѣ, что я боленъ—лихорадка, а, когда понизится температура,—уѣду изъ города.

Борисъ Поддубный смотрѣлъ на меня въ упоръ и сказалъ:

— Вы лежите подъ вашимъ пальто и напоминаете больного Фавна, который спрятался подъ листьями и, заложивъ ногу на ногу, слушаетъ, какъ жужжатъ шмели и стрекозы.

— А гдѣ же скрываются лѣсныя нимфы, русалки и другія красавицы?—спросилъ я.

Борисъ Поддубный застегнулъ верхнюю пуговичку и сказалъ:

— Нимфы, русалки и другія красавицы скрываются въ тѣни кленовъ, липъ и дикой груши. А потомъ съ хохотомъ разбѣгаются во всѣ стороны и забавляются, раскачиваясь на гибкихъ вѣтвяхъ.

Теперь Борисъ Поддубный могъ удалиться изъ комнаты, и призракъ этого чернаго человѣка, такъ напоминающій всѣхъ моихъ кредиторовъ, уже не шевелилъ бы пальцами протянутой руки.

Да, да,—онъ кредиторъ съ торчащими усами, блестящими глазами, худыми руками и выпуклыми ногтями. Онъ раздаетъ людямъ свои маленькія способности, маленькія открытія, предлагаетъ листочки бѣлой бумаги съ нулями статистическихъ итоговъ, получаетъ огромные проценты и строитъ свой очагъ. Но, неужели Борисъ Поддубный думаетъ, что я задамъ ему вопросы

объ операціяхъ, сдѣлкахъ, покупкахъ, продажахъ,—раскрою его бумажникъ и подсчитаю всѣ векселя?

И я сказалъ:

— Вы вѣроятно, хотите поговорить о тѣхъ вечерахъ, когда Кустикъ игралъ на віолончели, а я слушалъ Кустика, кивалъ головою и шепталъ:—скоро они уѣдутъ въ Канаду и будутъ тамъ питаться аккридами и дикимъ медомъ. Но, увѣряю васъ, эти вечера ушли безвозвратно.

Борисъ Поддубный отвѣтилъ:

— Нѣтъ, я не хочу говорить съ вами о Канадѣ. И Канада, и верблюжья шерсть, акриды, дикій медъ, Кустикъ со своей віолончелью—существуютъ въ вашемъ воображеніи. Вѣдь, вы извѣстный фантазеръ.

И съ этими словами онъ поднялся со стула.

Севрскій чайникъ.

Вотъ она—величественная картина:

На ярко красномъ тронѣ съ золотыми инкрустаціями, львиными головками, съ серебряными цѣпочками, гранеными ножками, мишурною бахромою—сидитъ купецъ, разставилъ ноги въ разныя стороны, положилъ на колѣни полныя руки съ неподвижными пальцами, не шевелится и смотритъ далеко впередъ. Его чисто вымытое тѣло бѣлѣе слоновой кости, а огромная уродливая голова своимъ уродствомъ напоминаетъ голову Сократа. Шею купца подпираетъ низкій, бѣлый воротничекъ, и на воротничекъ ложатся темно-коричневыя складки шеи. Талію купца стягиваетъ черный ремешокъ съ серебря-

ными украшеніями и пряжкой, а полы темно-синяго кафтана разбѣгаются по колѣнямъ и свѣшиваются надъ краснымъ бархатомъ золотого трона. И сидитъ купецъ на своемъ тронѣ, какъ иноземный идолъ, а кругомъ во всемъ мірѣ совершаются чудеса, по своей красотѣ равныя чудесамъ Шехеризады.

Тихо-тихо по голубой рѣкѣ, скованной зелеными берегами, скользитъ широко-бортная ладья, съ высокой кормою, съ морскимъ коникомъ на носу, а у коника рѣзная грива, рѣзные глаза, рѣзныя губы. За ладьею въ двѣ стороны разбѣгаются двѣ атласныхъ волны, и, какъ двѣ натянутыхъ узды, сдерживаютъ быстрый бѣгъ ладьи. Вѣтеръ грудью своею упирается въ паруса—и разбухаютъ они, вздымаются, сверкаютъ бѣлизной чистѣйшаго шелка, вдругъ безсильные коробятся складками и трепляются въ объятіяхъ шаловливаго вѣтра. На мачтѣ развѣвается флагъ, яркіе цвѣта его отражаются въ водѣ тѣми же яркими цвѣтами, и полоски цвѣтовъ удлиняются, растягиваются и, словно волосы красавицы, скользятъ по волнамъ. И бѣгутъ полосы къ высокому кургану, а подъ курганомъ, подъ развѣсистой ивой притаилась русалка и жадными глазами глядитъ на яркоосвѣщенную ладью съ высокой кормою. И вдругъ бросается она въ волны, пѣна вздымается радужными брызгами къ солнцу, русалка взмахиваетъ головою — струятся капли, полными руками комкаетъ воду и, какъ чайка, стремится къ ладьѣ. Доплывъ, она ухватывается за канаты, бѣлое тѣло льнетъ къ дереву и, легко перебирая петли каната, русалка подымается наверхъ и, стыдливо склонивъ голову, глядитъ внизъ.

Но—не надо смотрѣть! Не надо вздымать серебряную пѣну и стремиться къ ладьѣ! Тамъ на колѣняхъ

стоитъ блѣдный юноша съ ранами на груди, съ веригами на тѣлѣ и, сложивъ руки, читаетъ молитву:—О, моя родина, о, моя бѣдная родина! По тихимъ волнамъ стремится легкій челнъ, везетъ жемчугъ, бирюзу, яшму, сапфиры, а сердцу такъ больно и капли струятся съ гноящихся ранъ. Кто надѣнетъ жемчугъ? кто оправитъ въ золото голубую бирюзу? кто нанижетъ сапфиры на нитку и украситъ ниткой бѣлоснѣжную грудь? Отецъ моей страны! Какъ безобразна фата на лицѣ распутной дѣвы! Какъ безобразны кольца на пальцахъ убійцы! Какъ безобразны шелковыя одежды скряги, который погубилъ жизнь изъ-за гроша! Моя душа истомлена—и дай мнѣ утѣшеніе—не мыслить, не страдать, не влачить вериги за грѣхи другихъ.

Тихо стоитъ на колѣняхъ юноша, голубыя волны бросаютъ свой отблескъ на его лицо,—а русалка притаилась на борту, склонила голову и—странно ей, что плачетъ юноша, когда такъ таинственно—прекрасны берега, такъ неподвижны громады облаковъ, и рѣка катитъ безшумныя волны все впередъ, все впередъ.

А на пристани торжество: вездѣ волнуются красные флаги, гремитъ музыка, всѣ лавки и магазины широко раскрыли свои двери, толпится народъ и вездѣ слышатся разговоры о новомъ товарѣ.

Музыка играетъ вальсъ—„Пляска Иродіады“, звуки кружатся подъ полосатыми навѣсами магазиновъ, и каждому вздоху трубъ отвѣчаетъ далекое эхо на водной глади рѣки.

— Завтра балъ въ Благородномъ Собраніи,—говоритъ дѣвушка въ красномъ, Лиза Боярцева, молодому человѣку съ бѣлокурыми волосами.

— И вы надѣнете ваше платье съ желтымъ шелковымъ поясомъ?—спрашиваетъ молодой человѣкъ.

— Да, надѣну,—отвѣчаетъ она,—и надѣну новую брошку съ зеленымъ изумрудомъ.

А навстрѣчу имъ идутъ два коммерсанта. Одинъ говоритъ:

— За нитку жемчуга я согласенъ отдать свой пятиэтажный домъ. Въ пятиэтажномъ домѣ живутъ бѣдняки-кузнецы, слесари, портные, сапожники, — вездѣ слышенъ однообразный стукъ молотковъ, лязгъ желѣза, споры портныхъ и сапожниковъ.

— Прогоните ихъ въ три шеи,—разсѣянно замѣчаетъ другой.

— А вотъ господинъ и госпожа Бѣликовы. Наше почтеніе!

Коммерсанты снимаютъ свои котелки, Бѣликовы киваютъ головой, а госпожа Бѣликова тяжело опирается на руку своего мужа.

— Чортъ возьми!—говоритъ Бѣликовъ,—намъ надо совершенно измѣнить образъ жизни. Ты понимаешь меня?

— Понимаю,—отвѣчаетъ жена.—Намъ надо распродать ветхое добро, обзавестись новой роскошью—и ослѣпить ею людей.

— Ослѣпимъ,—говоритъ Бѣликовъ,—ослѣпимъ, дорогая моя.—Бѣликовы продолжаютъ свой путь и смѣшиваются съ пестрой толпой.

А музыка все гремитъ, вальсъ—„Пляска Иродіады“ кружится надъ пристанью, плещется голубая рѣка, въ водѣ отражаются черные брусья пристани,—и медленно-медленно приближается ладья съ юношей на колѣняхъ,

съ любопытной русалкой, которая притаилась на борту ладьи и золотымъ гребнемъ расчесываетъ свои волосы.

Я стоялъ посрединѣ комнаты и заворачивалъ въ газетную бумагу севрскій чайникъ съ украшеніями на бѣлой эмали, изогнутымъ носикомъ, обрамленнымъ золотымъ бордюромъ.

Этотъ чайникъ нѣсколько лѣтъ сохранялся на нижней полкѣ шкафа въ углу, гдѣ паукъ свилъ свою паутину. Всегда, когда я раскрывалъ дверцы шкафа, чайникъ показывалъ мнѣ изогнутый носикъ, и въ знакъ привѣтствія приподымалъ свою крышку.

Бѣдный! онъ не зналъ, какъ вѣроломенъ его хозяинъ.

Въ карманахъ моихъ знакомыхъ всегда звенѣло золото, въ большихъ и маленькихъ кошелькахъ—красной кожи, зеленой и черной—всегда скрывались свернутыя бумажки и, казалось, что эти кошельки и бумажки заключили между собою дружескій союзъ, и расторженіе союза—чудовищная, невѣроятная мысль.

Но мой кошелекъ давно объявилъ себя независимымъ королевствомъ на необитаемомъ островѣ, и каждая услуга золотой монетки или скомканной бумажки приводила его въ бѣшенство, и онъ презрительно отказывался отъ союза съ этой дрянью.

Я зналъ, какъ надо говорить, шутить, улыбаться, смѣяться, чтобы привлечь къ себѣ золотыхъ птичекъ и захлопнуть за птичками дверцу крѣпкой клѣтки. Я видалъ, какъ люди, протягивая руку къ серебряному рублю, искажали свои лица и на прекрасныя человѣческія лица надѣвали маски домашнихъ животныхъ и дикихъ звѣрей: овецъ, барановъ, волковъ, пантеръ, тигровъ, рысей, вьючныхъ скотовъ, ословъ, верблюдовъ, сло-

новъ, муловъ, быковъ. И у людей были животныя движенія, животная походка, сгорбленная спина, неподвижные, устремленные въ одну точку, глаза. И пантеры изъ засады бросались на муловъ, перегрызали шею, лилась кровь, и благородные мулы издыхали благородною смертью, а мелкіе шкалы пожирали ихъ разлагающіеся остатки. Тигры вступали въ борьбу со слонами, верблюдами—и все необозримое пространство на десятки верстъ оглашалось крикомъ звѣрей, и, словно первобытные гиганты, они старались одолѣть одинъ другого—и часто околѣвали—тигры на брюхѣ жирафа, или слонъ въ когтяхъ хищнаго тигра. И лучше всего жилось мелкимъ лисичкамъ, зайчикамъ, перепелкамъ, пѣтушкамъ, они удовлетворялись немногимъ, разнюхивали добычу гдѣ-нибудь подъ рукою — и темной ночью, за лопухами, въ высокой травѣ, въ навозной кучѣ находили свою долю и, поѣвъ съ утра, были сыты весь день.

Я видалъ погонщиковъ муловъ, укротителей дикихъ звѣрей, и эти укротители, эти погонщики сверкали бѣлками хищныхъ глазъ, рычали и посылали проклятія другъ другу.

— Милостивые государи,—говорилъ укротитель, — позвольте показать вамъ великолѣпный экземпляръ бенгальскаго тигра. Тигръ ручной, увѣряю васъ. И, если угодно, милостивымъ государямъ,—бенгальскій тигръ исполнитъ на заднихъ ногахъ модный американскій танецъ.

Публика собиралась подлѣ клѣтки, укротитель открывалъ стальную дверь, какъ ужъ проскальзывалъ сквозь ея рѣшетку, хлыстъ свистѣлъ въ воздухѣ, и тигръ подымался на заднія лапы.

Но, вдругъ, трахъ! Голова укротителя уже торчала

въ пасти тигра, тѣло укротителя отскакивало отъ головы, сверкало дуло револьвера, тигръ съ головой укротителя въ зубахъ падалъ на бокъ, и струйка алой крови сочилась изъ раны пышнаго царственнаго убора.

Я видалъ курчавыхъ венгерцевъ съ оголенными руками и ногами, съ раскрытой грудью, на груди висѣлъ крестикъ, а на цѣпочкѣ венгерцы водили мартышекъ съ плутовскими глазами, длиннымъ хвостомъ, словно сѣрой веревкой, прикрѣпленной къ смѣшному подвижному существу.

Венгерецъ заходилъ во дворъ, бросалъ на землю кусокъ красной матеріи и говорилъ:

— Покажи, Степанида, какъ солдатъ горохъ воруетъ?

И Степанида показывала, какъ солдатъ воруетъ горохъ.

— Ну, покажи, какъ баба пьяная своего мужа бьетъ.

И обезьяна показывала, какъ пьяная баба своего мужа бьетъ. Но, когда венгерецъ покрывалъ мартышку полою малиноваго пиджака, мартышка взбиралась на его грудь и, просунувъ голову сквозь рубашку, кусала смуглое тѣло венгерца.

Я видалъ голубоглазыхъ крестьянъ, они на цѣпи водили медвѣдей, добродушныхъ звѣрей съ пушистой шерстью, острыми ушами, въ бѣломъ жилетѣ и черномъ мохнатомъ сюртукѣ.

Всѣ говорили:

— Какая дружба, какая любовь, какъ знаетъ погонщикъ своего звѣря, а звѣрь погонщика!

И, дѣйствительно, они вмѣстѣ спали, вмѣстѣ ѣли, вмѣстѣ укрывались отъ дождя подъ развѣсистымъ ду-

бомъ, вмѣстѣ передвигались изъ села въ село на повозкѣ любезнаго крестьянина.

Но, однажды, когда погонщикъ былъ въ ударѣ, онъ собралъ большую толпу, привязалъ звѣря къ столбу, вышелъ на середину дороги, прицѣлился, выстрѣлилъ въ глазъ медвѣдя, свалилъ его на землю, потомъ опустилъ ногу на бѣлый жилетъ звѣря и открылъ продажу пушистой шкуры косолапаго друга.

Я зналъ любителей пѣвчихъ птицъ—этихъ остроумныхъ людей, съ брелоками на веревочкѣ, съ ваткой въ лѣвомъ ухѣ, которые, прищуривъ одинъ глазъ, изучали привычки пташекъ, рано утромъ бросали сѣмечки въ коробку и въ хрустальный стаканъ наливали воду.

— Смотри, какой у меня зябликъ,—говорилъ такой любитель своей женѣ.

Жена протягивала къ клѣткѣ руку, открывала дверцу и щекотала зяблика.

На слѣдующій день любитель пѣвчихъ птицъ продавалъ зяблика и покупалъ чижика, потомъ продавалъ чижика и покупалъ синицу, потомъ ухаживалъ за двумя канарейками, а, когда канарейки околѣвали, выбрасывалъ ихъ на улицу, и въ двѣ клѣтки помѣщалъ двухъ безсмертныхъ попугаевъ: одинъ попугай кричалъ въ столовой, а другой—въ спальнѣ.

И на каждомъ шагу я встрѣчалъ мартышекъ, леопардовъ, лисицъ, бѣлокъ, овецъ, упрямыхъ быковъ, глупыхъ ословъ, хорьковъ, слѣпыхъ совъ, хищныхъ коршуновъ, свинокъ, попугаевъ,—и всѣ эти звѣри, ослѣпительные блескомъ сверкающихъ имперіаловъ, кричали, блеяли, свистѣли, рычали, хрюкали, и твердили заученныя слова.

Я пристально разсматривалъ выпуклыя цифры зо-

лотыхъ имперіаловъ, ихъ украшенія, ихъ виньетки и думалъ:—если сложить эти монетки одну на другую, потомъ спаять, и золотымъ жгутомъ ударить по бѣлому, хорошо откормленному тѣлу, можетъ быть бѣлое тѣло содрогнется и по его лицу пробѣжитъ тѣнь мысли.

И теперь, когда золотые имперіалы, словно голодныя мыши, оставили мой домъ и перекочевали въ богатые амбары,—я утромъ, днемъ и вечеромъ широко открытыми глазами смотрѣлъ на просвѣщенныхъ людей, прислушивался къ каждому ихъ слову и запоминалъ каждое движеніе ихъ аристократической, тонкой руки.

Вотъ далеко-далеко поетъ артистка Императорской Оперы. Какой мелодичный голосъ, какія трели, какіе пассажи. Она очень красива, она гуляетъ по Кузнецкому Мосту, на поясѣ сумочка, а сзади бѣжитъ голенькая собачка съ чубикомъ на головѣ. Но вдругъ голосъ обрывается: Ахъ! Раскрылась дверь, и въ комнату вошелъ покровитель артистки графъ Гендриковъ.— Здравствуйте, графъ!—Здравствуйте, моя красавица! Вы поете? — Пою, завтра мой бенефисъ, но, простите, — такой безпорядокъ.—О, нѣтъ, нѣтъ, я присяду на диванъ выкурю сигару и сейчасъ же удалюсь.

Вотъ внизу вздрагиваютъ султаны на мордахъ коней. За узду ихъ ведутъ люди въ бѣлыхъ цилиндрахъ вѣнки раскачиваются на деревяшкахъ колесницы, а тоненькія резинки колесъ погружаются въ лужи, и во всѣ стороны летятъ брызги. Три собачки — сѣренькая, черненькая, бѣленькая суетятся возлѣ колесницы, взбираются лапами другъ на дружку, хоръ поетъ—„Со святыми упокой“,—и сразу открывается море головъ. Нѣсколько дамъ въ траурѣ, ихъ поддерживаютъ господа въ цилиндрахъ,—старый съ бѣлою бородой, молодой въ

узкомъ пальто и золотомъ пенснэ, еще одинъ прямой, какъ каланча, съ розовымъ шарфомъ, серебрянымъ набалдашникомъ,—и много другихъ. За господами ѣдутъ кареты, лошади гарцуютъ, грызутъ удила, кучера встряхиваютъ голубыми возжами, кони сердятся и роняютъ на камни мыльную пѣну.

Вотъ письмо: оно написано ровно восемь лѣтъ тому назадъ. Бѣдное письмо! Оно пожелтѣло и покоробилось. И неужели письмо, которое я напишу сегодня, тоже пожелтѣетъ и покоробится черезъ восемь лѣтъ? Тогда я носилъ темно-синій пиджакъ съ узенькимъ воротникомъ,—теперь коричневый съ широкими отворотами. Темно-синій пиджакъ я заказалъ у портного Анисимова. Портной Анисимовъ! Я забылъ, что на свѣтѣ живетъ портной Анисимовъ. Можетъ быть, портной Анисимовъ—уже господинъ Анисимовъ, можетъ быть, портной Анисимовъ убилъ своего брата музыканта Анисимова, можетъ быть, портной Анисимовъ уже какой нибудь депутатъ или иноземный принцъ. Цѣлая сказка! Сколько воспоминаній! Какая вѣра! Темно-синіи костюмъ Анисимова—прекрасный костюмъ! Онъ нѣжно гармонировалъ съ моими русыми кудрями, голубыми глазами и розовымъ лицомъ. Темно-синій костюмъ—царственный уборъ молодого мечтателя, который уѣдетъ на край свѣта и раздобудетъ неслыханныя богатства. Въ путь! Въ путь!

Вотъ выстрѣлъ—бухъ! Кто стрѣляетъ? На тротуарѣ стоитъ человѣкъ и пьетъ квасъ. Мимо бѣжитъ дѣвушка въ сѣромъ платьѣ и смѣется. Потомъ идетъ господинъ въ крылаткѣ, несетъ подъ мышкою „Вѣстникъ Запада“ и держитъ за руку маленькаго сынишку, а маленькій сынишка думаетъ о лошадиныхъ копытахъ, подковахъ, гвоздяхъ, и думаетъ, сколько гвоздей торчитъ въ

подковѣ,—три, четыре, пять или шесть? Но, кто стрѣляетъ? Я забылъ: сегодня маневры на Императорскомъ Полѣ. Тамъ стоитъ князь Модестъ Петровичъ. Князю скучно,—и его раздражаетъ лицо адъютанта Собачкина-Собашникова. Не могъ на полъ вершка укоротить свои усы! Гдѣ онъ воспитывался? А Собачкинъ-Собашниковъ скачетъ на конѣ и думаетъ: на старинныхъ гравюрахъ скачутъ старинные адъютанты. Они размахиваютъ надъ головой обнаженной саблей, Суворовъ милостиво киваетъ головой, въ воздухѣ разрываются снаряды, и одна за другою падаютъ непріятельскія крѣпости.

Моя бѣдность! Но развѣ св. Антоній скакалъ на конѣ за адъютантомъ Собачкинымъ-Собашниковымъ, размахивалъ своимъ мечемъ и смотрѣлъ, какъ падаютъ крѣпости? Развѣ Данте входилъ вмѣстѣ съ графомъ Гендриковымъ въ комнату артистки Императорской Оперы, садился на диванъ и курилъ сигару? Развѣ за гробомъ прекраснаго сказочника шли дамы въ траурѣ и господа въ узкомъ пальто, сверкали окна каретъ, кучера зѣвали и прикрывали зѣвающій ротъ рукою въ перчаткѣ?

Надо продать севрскій чайникъ, хорошо завернуть въ газетную бумагу, а то увидитъ художникъ Вещиловъ, художникъ Вещиловъ разскажетъ „нашей благодѣтельницѣ и благотворительницѣ“ Міусовой, Міусова—„нашей южной помѣщицѣ“ Губкиной, а дочь Губкиной Вѣрочка спроситъ:

— Неужели у васъ есть великолѣпный севрскій чайникъ?

Надо скорѣе продать.

Я очень усталъ и нельзя изо дня въ день думать

только о деньгахъ. Если настойчиво думаешь, деньги превращаются въ золотыхъ жучковъ, жучки,—въ инкрустацію чайника, чайникъ,—въ голову Предсѣдателя Парламента, Предсѣдатель звонитъ въ свой звонокъ и говоритъ:

— Итакъ, на основаніи параграфа 2789 я объявляю, что всякій, кто въ теченіе трехъ мѣсяцевъ проживетъ на лонѣ природы и дастъ формулировку своей религіи,— признается врагомъ отечества и исключается изъ общества.

Я иду по улицѣ и несу подъ мышкою севрскій чайникъ.

— Здраствуйте!—говоритъ кто-то.

Я оборачиваюсь, вижу: поэтъ Старичокъ и зажалъ между пальцами сигару.

Онъ протягиваетъ руку, улыбается и говоритъ:

— У васъ великолѣпный видъ. Подъ мышкой, вѣроятно, подарокъ?

И онъ улыбается.

Я смотрю на Старичка и думаю, что на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ новая книга и поэтъ Старичокъ купитъ сигару вдвое длиннѣе.

А Старичокъ спрашиваетъ:

— Скажите, какой нужно питаться молочной мукой „Нестле“, чтобы не потерять розовую краску вашего жизнерадостнаго лица?

Я отвѣчаю ему:

— Надо пить по утрамъ какао, въ двѣнадцать часовъ—два яйца и располагать приличными средствами.

— А, вотъ какъ!—говоритъ Старичокъ, затягивается сигарой и приподымаетъ свою шляпу.

Я поворачиваю за уголъ и вижу Тріумфальныя ворота. Какое роскошное сооруженіе! Темно-коричневыя

стѣны украшены латами, шлемами, мечами, щитами, вверху огромная колесница, кони бросаются въ двѣ стороны, и легкой рукой ихъ сдерживаетъ молодость — сама молодость. И летятъ надъ Тріумфальными воротами стаи птицъ, а на вокзалѣ звонитъ колоколъ, уходитъ курьерскій поѣздъ, въ окнѣ стоитъ дѣвушка въ шелковой сѣрой кофточкѣ, и ея руку цѣлуетъ офицеръ сапернаго батальона съ шрамомъ на щекѣ.

Возлѣ Тріумфальныхъ воротъ останавливается пролетка, тяжело сходитъ полковникъ, одна рука у него на перевязи, подходитъ ко мнѣ и громко говоритъ:

— Какъ радъ видѣть васъ! Я только что получилъ отказъ изъ Драматическаго Общества. Мою пьесу не приняли. Она называлась—„Торжество Пенелопы, или мужъ на кораблѣ". Говорятъ, намъ теперь нужны такія пьесы:—„Отечество въ опасности", „Подвигъ Филарета", или водевиль—„Ври, ври,—да не завирайся". Но я имъ отвѣтилъ:—Милостивые государи, я полковникъ, имѣю отъ роду пятьдесятъ девять лѣтъ и знаю, что наше отечество было въ опасности, сейчасъ въ опасности и будетъ въ опасности. Скучная пьеса! Но они сказали:— Вы ворчливый старикъ и пишите глупыя пьесы. Вотъ какъ.

Полковникъ положилъ руку на мое плечо и сказалъ:

— Ну, дорогой, вы полнѣете изо дня въ день. Право, можно подумать, что васъ кормитъ какая-нибудь зазнобушка. Вы пьете что ли молоко?

— Да,—отвѣтилъ я.—Пью молоко, какао, кофе, шеколадъ, ѣмъ кровяные бифштексы, яйца въ мягкую, муку Нестле, ложусь спать въ десять, встаю въ семь, не читаю передъ сномъ, не курю, не пью и не увлекаюсь фантастическими идеями.

— Молодецъ,—сказалъ полковникъ и потрепалъ меня по груди.—Можетъ быть, я васъ подвезу?

— Спасибо, — отвѣтилъ я, — врачи приказали мнѣ ежедневно гулять два часа,—и вмѣстѣ съ чайникомъ я отправился дальше.

А вотъ и Академія. Черными буквами на бѣломъ полотнѣ написано: „Выставка нашихъ молодыхъ талантовъ,—пейзажи, жанры, портреты, — открыта съ 10-ти часовъ утра до 5-ти часовъ вечера, — каталогъ 10 коп.“.

— Наконецъ — то, думаю я, — таланты, портреты, жанры, пейзажи, бѣлые цвѣты и дамскіе лорнеты.

Подкатываетъ желтое ландо, въ желтомъ ландо меценатка мадамъ Врангель съ большими ушами и бриллiантовыми серьгами. — Прекрасно, — говоритъ мадамъ Врангель,—и вся Академія повторятъ, — прекрасно.— Отвратительно, — говоритъ мадамъ Врангель, — и вся Академія поворачивается спиною и подходитъ къ окнамъ.

У мадамъ Врангель сто рублей въ ридикюлѣ и ридикюль вздрагиваетъ на цѣпочкѣ.

Я смотрю на шляпу мадамъ Врангель и думаю:

— Мадамъ Врангель, мой чайникъ стоитъ сто рублей. Не откажите раскрыть ридикюль, вынуть скомканную бумажку и протянуть ее мнѣ.

Но подкатываетъ второе ландо, желтое ландо мадамъ Врангель уѣзжаетъ на академическій дворъ, и выходитъ изъ второго ландо Титъ Титычъ, высоко приподнимаются сѣренькіе брюки, и выглядываетъ бѣлая полоска носковъ.

Титъ Титычъ застегиваетъ пиджакъ на всѣ пуговицы, подымается на лѣстницу и кричитъ кучеру:

— Ты, Артамонъ, въ пять часовъ возвращайся назадъ.

А въ Академіи гремитъ музыка и привѣтствуетъ Титъ Титыча.

— Титъ Титычъ, думаю я,—у меня подъ локтемъ великолѣпный севрскій чайникъ съ золотой инкрустаціей и горделивымъ носикомъ. Прикажите Артамону вынуть изъ кассы сто рублей и передать мнѣ.

Но въ это время со мною сталкивается художникъ Миль, онъ въ сюртукѣ, бѣлый нарцисъ въ петлицѣ, Миль возбужденъ и крѣпко жметъ руку.

— Идемъ на выставку,—кричитъ Миль,—скорѣе!

— Не могу,—отвѣчаю я,—занятъ.

— Пустяки, идемъ, — кричитъ онъ, и тянетъ меня за руку.

Я упираюсь и крѣпко держу чайникъ подъ локтемъ,

— Страшно радъ,—говоритъ Миль,—что встрѣтилъ васъ. Я давно хочу написать вашъ портретъ. Но все занятъ. У васъ великолѣпный видъ, это пальто, эта шляпа, этотъ круглый предметъ подъ рукою. Вѣроятно розовый фонарь?—И Миль ощупываетъ фонарь пальцами.

— Да, розовый фонарь,—отвѣчаю я,—и сжимаю локтемъ чайникъ.

Миль хохочетъ.

— Вы не можете жить безъ этихъ фонариковъ, самоварчиковъ, легкихъ увлеченій, маленькихъ исторій. Молодчина!

Миль убѣгаетъ, оборачивается и кричитъ:

— Сто тысячъ талантовъ. Всѣ—таланты. Приходите скорѣй,—выставка открыта до пяти часовъ.

А я усталъ. Я страшно усталъ. Я знакомъ со всѣми, всѣ знакомы со мною, но, какъ полевая вѣха,

я одиноко стою у большой дороги и держу въ рукахъ этотъ круглый блестящій севрскій чайникъ.

Что скажутъ, если я споткнусь и упаду на землю? Чайникъ разобьется, ко мнѣ подойдетъ старикъ извозчикъ, къ старику извозчику присоединится другой извозчикъ—молодой, меня подымутъ, перенесутъ на пролетку и отвезутъ. Вѣдь у господина круглая шляпа, приличное пальто и блестящіе ботинки.

Что скажутъ, если я расхохочусь, сойду съ ума, подымусь на фонарный столбъ и крикну свое проклятіе? Соберется толпа, подойдутъ курсистки съ учебниками остеологіи, разожмутъ мои руки, перенесутъ на пролетку и отвезутъ. Господинъ не можетъ сойти съ ума. Вѣдь господина знаютъ мадамъ Врангель, Титъ Титычъ, художникъ Миль, полковникъ съ перевязанной рукой и поэтъ Старичокъ.

Что скажутъ, если я подойду къ полицейскому полковнику—полковника окружаютъ два пристава и отдаютъ ему честь—ухвачусь пальцами за цѣпочку и сорву золотые часы? Господина схватятъ за руки, сожмутъ его шею, оттянутъ назадъ голову, плюнутъ въ лицо, ударятъ по спинѣ. Но потомъ вытрутъ плевокъ, приподнимутъ голову, надѣнутъ круглую шляпу на курчавые волоса. Не можетъ оказаться воромъ господинъ, у котораго подъ локтемъ севрскій чайникъ, у котораго такой тонкій носъ, руки съ длинными пальцами и такая застѣнчивая улыбка, когда его бьютъ и плюютъ въ лицо.

Нѣтъ, нѣтъ, милостивые государи и милостивыя государыни, — я не воръ, не сошелъ съ ума, не взобрался на фонарный столбъ, не лежу на камняхъ мостовой. Я вашъ хорошій знакомый, вашъ пріятель, вашъ

другъ, прихожу къ вамъ вечеромъ и разсказываю о новой оперѣ, грызу пастилу, слушаю маленькаго скрипача и подростка-пѣвицу. Я вашъ знатокъ, любитель умныхъ книгъ, занимательныхъ разсказовъ, звучныхъ стихотвореній, яркихъ пейзажей, портретовъ гордыхъ стариковъ и юношей въ бархатныхъ курткахъ. Я улыбаюсь, я раскланиваюсь, я вынимаю изъ кармана бѣлый платокъ съ мѣткой, вытираю лобъ и говорю:— друзья мои, сегодня очень жарко,—вѣроятно будетъ гроза.

Но вотъ и антикварій.

Какая смѣшная вывѣска: „Антикварій Германъ Ивановичъ Селезенка — покупаю и продаю старинныя вещи, картины, бронзу, фарфоръ, медали, монеты, также клависины, рояли и піанино“.

— Прекрасно,—думаю я,—сдѣлаю два шага, открою дверь со звонкомъ, пожелаю добраго вечера Селезенкѣ, переговорю со старикомъ, а потомъ шагомъ маршъ домой. Я въ восторгѣ отъ „Künstlersehnen-Dichterschmerzen— Arvis Enckel Bronikovsky—и еще разъ прочту эти прекрасныя новеллы.

Селезенка сидѣлъ за органомъ, открылъ всѣ черные поршни, нажималъ педаль и бралъ какіе-то меланхолическіе аккорды. Вѣроятно, Селезенка только-что пообѣдалъ и ему захотѣлось повторить какую-то фразу мессы Моцарта.

Селезенка замѣтилъ меня, повернулъ голову, но ноги его продолжали нажимать педаль, а руки—брать аккорды. Потомъ Селезенка закрылъ всѣ поршни, разостлалъ синюю фланель на клавіатуру и подошелъ ко мнѣ.

— Что такое? Севрскій чайникъ?

— Да, севрскій чайникъ.

Германъ Селезенка приподнялъ крышку, заглянулъ во внутренность чайника, спѣлъ подъ носъ пѣсенку Шумана, а потомъ спросилъ меня:

— Вы слыхали, на Красной Площади лошади понесли экипажъ генерала Аверьянова, сломался экипажъ, Аверьяновъ вылетѣлъ на мостовую и сломалъ ногу. Мнѣ только-что сообщили это извѣстіе.

— Нѣтъ, не слыхалъ.

Селезенка перевернулъ чайникъ вверхъ дномъ, постучалъ пальцемъ по бѣлому фарфору и спросилъ:

— Вы не играете на органѣ? Прекрасный инструментъ. Вчера регентъ костела господинъ Намысловскій купилъ у меня маленькій органъ и заплатилъ девятьсотъ тридцать четыре рубля.

— Нѣтъ, не играю.

На какой-то скрипкѣ лопнула струна, въ дверь заглянула дочка Селезенки въ красной бумазейной кофточкѣ, а Селезенка сморщился, чихнулъ и сказалъ:

— У меня на полкѣ стоятъ двадцать два севрскихъ чайника, прекрасные чайники. Извиняюсь передъ господиномъ, но двадцать третій чайникъ обременитъ меня. Піанино я отдаю на прокатъ по 12 рублей въ мѣсяцъ, и мои піанино—лучшіе піанино Шварцбубе.

— Спасибо,—сказалъ я,—когда я переѣду на новую квартиру и вернется изъ Переяславля моя жена съ дѣтьми, я попрошу васъ отдать мнѣ на прокатъ піанино фабрики Кернтопфъ и Сынъ.

Я подошелъ къ двери, а Селезенка опять чихнулъ, вытеръ носъ и сказалъ съ улыбкой:

— Въ Россіи всегда что-нибудь случается. Или лошади понесутъ генерала Аверьянова, или выдумаютъ

революцію, или въ девять часовъ прикажутъ закрывать магазинъ, а скрипачи стучатъ въ дверь и просятъ отпустить имъ итальянскую квинту. Проклятая страна!— И Селезенка опять сѣлъ за органъ, снялъ съ клавіатуры синюю фланель, открылъ поршни и взялъ нѣсколько меланхолическихъ аккордовъ Моцарта.

— Селезенка—нѣмецъ,—говорилъ я себѣ,—его имя Германъ, слѣдовательно, нѣмецъ. А чайникъ у меня въ рукахъ,—на его бѣлой эмали нѣтъ ни одной трещины. Enckel Bronikovsky,—ваша книга лежитъ на столѣ, и я прочту ее сегодня вечеромъ. Даю вамъ слово. Вы спрашиваете: — чайникъ? Да, чайникъ севрскій чайникъ. Маленькая усталость, маленькій голодъ, маленькое разочарованіе, недовѣріе къ силамъ?—Пустяки! Рядомъ съ Селезенкой живутъ другія Селезенки, какія-то Печенки, Потрохи, Солитеры, и даже господа русскіе Борисовы. Вотъ куда—къ русскимъ Борисовымъ. О, мои дорогіе друзья, русскіе антикваріи!

Я шелъ по Кузнецкому переулку, пѣлъ французскую пѣсенку Беранже и смотрѣлъ на свое отраженіе въ окнахъ ювелирныхъ магазиновъ.

— Идетъ милый молодой человѣкъ и несетъ подарокъ своей женѣ,—думаютъ проходящіе.—Какъ пріятно встрѣчать аккуратныхъ людей съ усиками, голубыми глазами, въ новомъ пальто и фетровой шляпѣ. Женитесь, молодые люди, женитесь всѣ вы, фланеры, бездомные скитальцы, въ четыре часа возвращайтесь домой съ подаркомъ въ рукахъ, васъ ждетъ сытный обѣдъ, ваше бѣлье сложено въ комодѣ, а на постели валяются дѣтскія игрушки: паяцъ съ бубенчиками, и барабанъ съ зелеными шнурками. Чортъ возьми! Надъ этимъ надо призадуматься.

Что сказала бы мадамъ Врангель,—думалъ я,—если бы однажды утромъ ей объявили:—мадамъ Врангель, у васъ остался только одинъ севрскій чайникъ, да,—одинъ севрскій чайникъ, сударыня. Мадамъ Врангель застегиваетъ пуговичку сиреневыхъ перчатокъ и говоритъ:—прикажите заложить сѣрыхъ лошадей. Но ей отвѣчаютъ:—нельзя, сударыня,—севрскій чайникъ. Мадамъ Врангель вздрагиваетъ серьгами большихъ ушей и проситъ:—тогда прикажите немедленно доставить на домъ картину художника Бабкина. Но ей возражаютъ:—извините, сударыня, нельзя, севрскій чайникъ. Тогда мадамъ Врангель стучитъ ногою и громко говоритъ:—будьте любезны, принесите мнѣ стаканъ чаю и объясните о какомъ вы говорите севрскомъ чайникѣ? Но ей не объясняютъ и такъ же равнодушно замѣчаютъ:—севрскій чайникъ.

О, я буду очень дерзокъ съ этими бр. Борисовыми. Я подойду къ прилавку, высоко подниму голову, медленно сниму шляпу и скажу только три слова:—вотъ севрскій фарфоръ. И, если глаза бр. Борисовыхъ не зажгутся восторгомъ, я отправлюсь къ Печенкамъ, къ Потрохамъ, наконецъ, къ самому господину Солитеру.

Въ магазинѣ бр. Борисовыхъ суетилось много людей. И казалось, всѣ они, бр. Борисовы живутъ очень мирно и никогда не ругаются. У всѣхъ бр. Борисовыхъ были расчесаны ровнымъ проборомъ волоса, на цѣпочкахъ висѣли жетоны, у всѣхъ красные и синіе галстуки, а въ галстукахъ торчали булавки съ камушками. Они пушистой щеткой смахивали пыль съ картинъ Боровиковскаго и Левитскаго, перебрасывали съ прилавка на прилавокъ овальныя коробки, нагромождали одну коробку на другую, и всѣ эти коробки

переносили въ пасть огромной ниши, надъ которой висѣлъ образокъ Божіей Матери. Возлѣ конторки стоялъ очень важный Борисовъ и рукою гладилъ свое бритое англійское лицо.

— Что угодно?—спросилъ маленькій Борисовъ.

Я произнесъ три слова:

— Вотъ севрскій фарфоръ.

Тогда маленькій Борисовъ крикнулъ:

— Позовите, пожалуйста, Степана Петровича.

Но Степанъ Петровичъ не приходилъ, а въ магазинъ заглянула барышня и купила открытку съ видомъ Арсенала.

— Позовите Ивана Александровича,—опять закричалъ маленькій Борисовъ.

Но кто-то отвѣтилъ съ верхней галлереи:

— Иванъ Александровичъ уѣхалъ въ Серпуховъ.

Тогда маленькій Борисовъ сказалъ важному Борисову:

— Можетъ быть, вы, господинъ Левенфельдъ, посмотрите этотъ фарфоръ?

Господинъ Левенфельдъ положилъ за ухо перо и подошелъ къ севрскому фарфору.

Онъ разсматривалъ чайникъ въ теченіе десяти минутъ, и, когда разсматривалъ, случилось много событій. Дама въ голубой шляпѣ заказала ручку слоновой кости съ золотой инкрустаціей, жизнерадостная старуха любовалась видами Лейпцига, Кракова и Брюсселя, а офицеръ Гренадерскаго полка просилъ показать альбомъ формы петербургской гвардіи образца 1769 года.

И, почесавъ мизинцемъ свой носъ, господинъ Левенфельдъ сказалъ:

— Мы не покупаемъ севрскихъ чайниковъ. Но, если

у васъ есть вещи „Людовика XVI“, вещи „Реставраціи“, не откажите прислать ихъ намъ.

Я посмотрѣлъ въ упоръ на господина Левенфельда и твердо отвѣтилъ:

— Въ коллекціи моего рязанскаго имѣнія есть нѣсколько вещей „Людовика XVI“: часы, канделябры, домино, голубые ларцы и ручное зеркало въ золотой оправѣ.

— Мы будемъ рады взглянуть на ваши вещи,—сказалъ Левенфельдъ и поклонился.

И поклонились всѣ братья Левенфельдъ, поклонились всѣ братья Борисовы, поклонился мальчикъ, который стоялъ у дверей, поклонился часовой на нѣмецкой гравюрѣ и взялъ ружье на караулъ.

Я вышелъ изъ магазина, застегнулъ пальто и глубоко вздохнулъ.

Конечно, сегодня весна. Развѣ весна не можетъ наступить послѣ осени, осень—послѣ зимы, а зима—послѣ весны? Вдругъ земля остановится въ своемъ движеніи на одной точкѣ и будетъ весна, всегда весна. Я не пойду къ Печенкамъ, Селезенкамъ, Солитерамъ и нашимъ друзьямъ—русскимъ. Я буду стоять на улицѣ, часъ, два, три, до вечера, до утра слѣдующаго дня, до полдня слѣдующаго понедѣльника, до вторника, до среды,—буду стоять, какъ соляной столбъ.

Я зову солнце,—и солнце сіяетъ. Я зову облака,—и бѣлымъ покровомъ они благословляютъ меня. Я усталъ, мнѣ холодно, — и съ высоты неба струится тепло. Я одѣтъ,—и проклятіе бушуетъ въ моей груди. Я богачъ, я милліонеръ — сто тысячъ на мелкіе расходы! Гдѣ-то далеко, среди деревьевъ бѣлѣетъ стѣна монастыря, монахи медленно передвигаются изъ аллеи въ аллею и

думаютъ о небесномъ. О, какая радость, склонивъ голову на зеленую скамейку, поговорить съ миролюбивымъ послушникомъ. Гдѣ-то далеко крестьянинъ пашетъ землю, лошадь тяжело дышетъ широкой грудью, а черная земля разбрасываетъ направо и налѣво свои сочныя борозды. Какая радость сидѣть на бугрѣ, слѣдить за работой крестьянина, двумя пальцами приподнять со стебля травы божью коровку и положить эту трусиху на ладонь руки.

О, я пойду прямо, прямо, какъ святой по волнамъ моря, не чувствуя тяжести тѣла, не чувствуя боли въ сердцѣ, и, когда спустится вечеръ, упрусь своею грудью въ заборъ шеколадной фабрики. Я не знаю отчаянья. Я полонъ надежды. Сѣмена моего презрѣнья пустили ростки, и растеніе подымается, цвѣтетъ и дастъ пышные плоды. О, я пойду прямо-прямо, пока не свалюсь, пока не споткнутся ноги мои, и въ новомъ пальто, въ новой шляпѣ и блестящихъ ботинкахъ не зароюсь лицомъ въ грязь.

Вотъ музей паноптикумъ. Прекрасный музей съ яркими витринами, у кассирши въ волосахъ цвѣты, а швейцаръ въ зеленомъ мундирѣ.

— Тра-ля-ля,—тра-ля-ля,—поетъ музыка, вертятся какіе то круги, и сверкаютъ мѣдныя машины.

Великолѣпная музыка. Что стоитъ входъ?—15 коп. А!—15 коп. Вотъ оружейный магазинъ. Какіе звѣри? Неужели австралійская ящерица? Да, да,—австралійская ящерица, и своими пристальными глазами она смотритъ на проходящихъ. Вотъ бѣлка на вѣткѣ, вотъ ястребъ, вотъ какаду, вотъ ежикъ, а вотъ американская черепаха и, кажется, своимъ тѣломъ она вросла въ пунцовый бархатъ.

— Профессоръ попросилъ меня, — говоритъ одна барышня другой,—разсказать foramen височной кости,— я вдругъ забыла эти отверстія и назвала foramen носовой полости, а потомъ перескочила на затылочную кость и пересчитала всѣ бугры и sulcus'ы.

Ха, ха, ха!—смѣется ея подруга, мелькаютъ юбки, и видны тонкія ступни стройныхъ ногъ.

— Берегись! — кричитъ кучеръ огромнаго фургона: „упаковка мебели сыновей Ляшенко",—повозка медленно двигается, парусина коробится складками, изъ подъ парусины выглядываютъ золотыя ножки, золотыя спинки креселъ, кушетки, этажерки, шкафы, кровати, на козлахъ рядомъ съ кучеромъ сидитъ мальчикъ въ картузѣ и шелушитъ сѣмячки.

Но я долженъ отправиться на мостъ, скорѣе на мостъ! Тамъ стоитъ дѣвушка въ синемъ платьѣ, и она ждетъ меня. Въ магазинѣ бр. Борисовыхъ дѣвушка съ синей вуалью на шляпѣ покупала открытое письмо и волновалась, а на мосту меня ждетъ дѣвушка въ синемъ платьѣ и бросаетъ въ воду кусочки хлѣба. У нея синяя шляпа, синяя кофточка, синяя юбка, синіе лайковые ботинки, у нея синіе веселые глаза и наивная улыбка.

Я скажу ей:

— Сударыня, поѣдемъ въ Амстердамъ.—Но она удивленно подниметъ глаза и спроситъ:

— Въ Амстердамъ? Но что мы будемъ дѣлать въ Амстердамѣ?

Я ей отвѣчу:

— Сударыня, въ Амстердамѣ мы увидимъ домикъ Петра Великаго, очень интересный домикъ, сударыня, увѣряю васъ.

— У меня есть женихъ, и женихъ обѣщалъ показать мнѣ Парижъ, Лондонъ, Берлинъ, даже Римъ.

Но я ей отвѣчу:

— Сударыня, мой домикъ Петра Великаго интереснѣе всѣхъ Парижей, Берлиновъ, Лондоновъ и Римовъ взятыхъ вмѣстѣ.

Дѣвушка улыбнется и скажетъ:

— Если такъ,—дайте мнѣ вашу руку.

И я иду на мостъ. Впереди дѣвочка съ сенъ-бернаромъ, дальше старушка въ мантилькѣ, пожарный въ каскѣ, сторожъ университета, два студента, барышня—кассирша транспортной конторы — „Омега“, старикъ—николаевскій солдатъ съ крестами и медалями. А по улицѣ мальчикъ, какъ конь, везетъ телѣжку съ фруктами, и ярко красные они выглядываютъ изъ подъ рогожи.

И вотъ я на мосту.

Его желѣзное кружево своими арками возвышается надъ головою, а подъ мостомъ тихо плещется рѣка, вся покрытая плотами, баржами, купальнями, и какими то балаганами съ надписью: „30-ти аршинный китъ“. Вотъ такъ чудовище! На плотахъ стоятъ мужики, крестятся, молятся, ругаются, поютъ, смѣются, высоко поднимаютъ деревянные шесты, плоты тянутся къ противоположному берегу, вздрагиваютъ купальни, вздрагиваютъ балаганы съ китомъ, и, кажется, китъ пѣнитъ воду, зѣваетъ и собирается поглотить мужиковъ, съ ихъ пѣснями и веревками.

А на мосту стоитъ дѣвушка въ свѣтло-сѣрой кофточкѣ, въ огромной фетровой шляпѣ, съ ярко-оранжевыми лентами и блестящей стальной пряжкой, облокотилась на перила моста, положила руки въ бѣлыхъ

перчаткахъ на чугунную рѣшетку и смотритъ внизъ на купальни и балаганы.

Я подошелъ къ ней, снялъ шляпу и когда дѣвушка вздрогнула и пристально взглянула на меня, я развернулъ бумагу, севрскій чайникъ круглымъ лицомъ улыбнулся дѣвушкѣ, рѣкѣ небу, — приподнялъ чайникъ за тонкій носикъ, раскачалъ въ воздухѣ и бросилъ.

Мелькнула бѣлая крышечка съ синимъ рисункомъ, мелькнула ручка чайника, газетная бумага долго кружилась въ воздухѣ и, какъ чайка, парила надъ рѣкою.

А потомъ мнѣ сдѣлалось дурно, я началъ опускаться на землю, все ярче и ярче видалъ деревянную настилку моста, сѣрую шелковую оборку юбки дѣвушки, лакированные носки ботинокъ и, когда совсѣмъ опустился, въ моемъ сознаніи пронеслась слѣдующая мысль:

— На первой недѣлѣ Великаго Поста бр. Борисовы вмѣстѣ съ Селезенкой выработаютъ уставъ Новаго Товарищества и пошлютъ приглашеніе мадамъ Врангель, Титъ Титычу, художнику Милю, Старичку и безрукому полковнику.

На второй недѣлѣ Поста они устроятъ танцовальный вечеръ. Титъ Титычъ будетъ танцовать съ мадамъ Врангель, Селезенка съ Печенкой. Старичокъ прочтетъ стихотвореніе, полковникъ—монологъ изъ пьесы „Торжество Пенелопы, или мужъ на кораблѣ“, а Солитеръ возьметъ нѣсколько трелей на флейтѣ съ бѣлымъ мундштукомъ.

Въ 12 часовъ ночи я вскипячу воду въ севрскомъ чайникѣ, залпомъ выпью три стакана чая и на ломтикъ бѣлаго хлѣба положу ломтикъ паюсной икры.

И, казалось, что кто-то, вѣроятно, дѣвушка въ синемъ платьѣ наклонилась надъ моею головою, поцѣловала мягкіе волосы, обняла шею, прильнула, заглянула въ глаза и сказала:

— Я не оставлю тебя. Ты слышишь, какъ бьется мое сердце? Надо, чтобы всегда билось сердце,—и не страшно, когда тигръ пожираетъ антилопу, а левъ вонзаетъ зубы въ шею могучаго быка. Поцѣлуй меня, родной мой.

Но я не могъ ее поцѣловать. Словно сказочная дѣвушка, она расплывалась, какъ облако, и, склонивъ голову, медленно уходила въ далекую страну.

Бриллiантовое кольцо.

Я долженъ былъ оскорбить эту женщину и тонкимъ остріемъ отравленной булавки нанести ей маленькую рану. Я знаю: рука женщины, протянутая къ пышной мантіи сказочника, растегиваетъ всѣ петли, всѣ крючки, всѣ застежки, пуговицы, пышная мантія падаетъ на землю и, какъ яркая тряпка, валяется въ пыли. Женщина выворачиваетъ душу сказочника, какъ перчатку, потомъ, когда разболится мизинецъ, она блестящими ножницами отрѣжетъ мизинецъ перчатки, надѣнетъ мизинецъ на больную руку, а перчатку выброситъ въ окно. Она сжимаетъ его сердце, какъ губку, сквозь поры губки сочится кровь, а женщина спѣшитъ къ картинѣ Гриши Писемскаго, губкой-сердцемъ смахиваетъ пыль и весело поетъ игривую пѣсенку. Она теряетъ друга, какъ теряетъ шпильку, булавку, гребе-

шокъ, драгоцѣнное колечко, а потомъ кричитъ горничной:

— Соня! Мое брилліантовое кольцо свалилось на коверъ спальни. Будьте любезны, подымите его.

И, если Соня отвѣтитъ, что кольцо, какъ мышь, убѣжало въ какую-то норку, она скажетъ:

— Кольцо мнѣ надоѣло: фальшивое золото—фальшивый брилліантъ.

Она, если сломалась черепаховая ручка лорнета, не узнаетъ друга, цѣлуетъ, прижимаетъ, обнимаетъ врага его, потомъ замѣчаетъ свою ошибку, въ ужасѣ бросается назадъ, но скоро успокаивается и говоритъ:

— Мое лицо раскраснѣлось, мнѣ стыдно, но прошу васъ—молчите.

Нѣтъ, нѣтъ! Я не получилъ еще приглашенія въ нашу Академію. На митингахъ и обѣдахъ еще не произносили имени господина въ фетровой шляпѣ. Возлѣ дома съ розовыми орнаментами не стоитъ коричневая карета директора Перваго Департамента „Насажденія Полезныхъ Крестьянскихъ Вербъ“. Господинъ Шмигельскій забылъ позвонить въ электрическій звонокъ, и его вопросъ о продѣлкахъ русскихъ душеспасителей—остался безъ отвѣта. А нѣмецкій отецъ семейства, который ѣхалъ къ русскому отцу семейству, и везъ отчетъ объ усиленіи германскихъ соціалистовъ, ошибся адресомъ, и его попросили отправиться въ Мертвый переулокъ, подняться по лѣстницѣ дома Реформатскаго и постучать въ дверь таинственнаго незнакомца. Таинственный незнакомецъ сидитъ за письменнымъ столомъ, смѣшиваетъ сѣру съ селитрой и пытается выдумать русскую ракету, съ звѣздами, фіолетовыми огнями, трескучими залпами и удушливымъ пороховымъ дымомъ.

Сознаюсь, теперь—и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, мнѣ было такъ страшно, что я хотѣлъ закрыть глаза, уши, носъ, ротъ и ждать—вотъ-вотъ обрушится крыша, падутъ стѣны, и кто-то крикнетъ:—все кончено! Теперь я зналъ, что все будущее—это кривое зеркало прошлаго, что я не жилъ, а хотѣлъ жить, и было только одно: каланча на Кудринской площади, на каланчѣ ходитъ пожарный, выбрасываетъ свои шары, зажигаетъ сигнальные огни, смотритъ, какъ встряхиваютъ мордами пожарные кони, а потомъ поворачивается спиною и продолжаетъ ходить. Меня покинули всѣ Сократы, Шекспиры, Мильтоны, Диккенсы, Андерсены, и, казалось, что эти мудрецы перебрались куда то на Марсъ, тамъ имъ сдѣлали торжественную встрѣчу, они почили на тронахъ, украшенныхъ розами и забыли о грѣшной землѣ. А въ лѣсахъ и дубравахъ, въ поляхъ и лугахъ—за бѣлыми столами пируютъ академики, кричатъ:—прогоните всѣхъ этихъ пѣвчихъ птицъ!—и худыми руками пытаются остановить бѣшеную пляску живчика, подъ вѣками оловяныхъ глазъ.

И, казалось мнѣ, еще одно пораженіе, еще одна болѣзнь, еще одна женская рука съ бриллiантовыми кольцами и браслетами,—и все рухнетъ, я упаду и уже не встану. А тогда...

Нѣтъ, нѣтъ! Я долженъ былъ оскорбить эту женщину и тонкимъ остріемъ ядовитой булавки нанести ей кровавую рану.

Вотъ она сидѣла въ креслѣ, пристально смотрѣла и ждала моихъ вопросовъ.

Какъ смѣшно,—она поселилась въ этомъ отелѣ. Неужели она хотѣла кого-нибудь удивить? По ярко краснымъ лѣстницамъ, на повозкахъ, на телѣжкахъ перево-

зили ея вещи, цѣлыя горы вещей. Коричневые чемоданы, желтые чемоданчики, коробки—круглыя, плоскія, узкія и широкія, и на всѣхъ этихъ коробкахъ висѣли бѣлыя карточки въ кожаной оправѣ съ надписью: Лидія Львовна Басманова. Какое громкое имя! Она долго стояла въ вестибюлѣ, передъ нею серьезный человѣкъ въ синей визиткѣ, на фуражкѣ—„Метрополь“, онъ надушенъ, причесанъ, и лакированные ботинки отражаютъ хрустальный блескъ дубовыхъ дверей. За его спиною рядъ такихъ же людей, всѣ они смотрятъ на госпожу Басманову и радуются блѣдно-розовымъ лентамъ ея шляпы, пышнымъ бантомъ, завязаннымъ подъ хорошенькой головкой. И въ огромной книгѣ уже записано: Лидія Львовна Басманова,—на доскѣ отпечатано: Лидія Львовна Басманова. Мимо Лидіи Львовны бѣгутъ лакеи во фракахъ, мальчики въ зеленыхъ курткахъ, съ подносами зельтерской воды, пробками, пустыми бутылками, коробками папиросъ и сигаръ. А она подымается все выше и выше, встрѣчаетъ господина съ моноклемъ въ глазу, думаетъ—не болгарскій ли это министръ, потомъ встрѣчаетъ другого, въ клѣтчатомъ смокингѣ—и опять думаетъ—можетъ быть англійскій публицистъ. Садится въ вагонъ подъемной машины и шепчетъ:—ахъ, Россія, Россія, какая чудная страна! Боже мой, а эти вагоны, эти коммерсанты изъ Гамбурга, этотъ отвратительный кэнигсбергскій пасторъ, который не сводилъ съ нея глазъ... Но, слава Богу, она уже у себя на родинѣ.

— Я попрошу васъ,—говоритъ Лидія Львовна,—свѣтлую комнату, или даже двѣ свѣтлыхъ комнаты, или три, съ видомъ на Кремль, въ гостинной непремѣнно рояль, занавѣски земляничнаго цвѣта, а въ спальнѣ зеркальный шкафъ,—и Лидія Львовна чуть-чуть при-

поднимаетъ вуалетку.—Вѣдь у меня много друзей, меня знаетъ вся Москва,—о, дорогая Россія!

Молодой лакей склоняетъ передъ Лидіей Львовной голову, вздрагиваетъ фалдочками фрака, теребитъ въ рукахъ бумажку и говоритъ:

— Я, сударыня, предоставлю вамъ веселый салонъ,—гостиная, спальня, кабинетъ,—и лакей вводитъ ее въ аппартаменты. Блестятъ зеркала, свѣтлыя окна, балконъ, подъ балкономъ площадь, стѣны Кремля и соборы, полъ устланъ блѣдно-розовой матеріей, направо одна комната, налѣво другая, а со стѣны гостиной улыбается чудная головка Грезы съ свѣтло-русыми волосами.

— Гдѣ же рояль?

— Рояль, сударыня, въ будуарѣ.

— Гдѣ же письменный столъ и качалка?

— И столъ и качалка, сударыня, въ кабинетѣ,—и лакей теребитъ бумажку.

Она немножко недовольна.

— Прошу васъ убрать этотъ орѣховый диванъ съ зелеными кожаными подушками, а также вторую электрическую лампу съ пестрымъ абажуромъ. Эти вещи мнѣ не нужны.

— Слушаю, сударыня,—сейчасъ все будетъ убрано,—и лакей исчезаетъ.

А теперь за дѣло.

— Какъ васъ звать? Юлія? Прекрасное имя. Такъ вотъ, Юлія, я поручаю вамъ привести въ порядокъ это бѣлье, эти платья, эти дорожныя вещи.

— Слушаю, сударыня.

И пестрымъ фонтаномъ, цвѣтнымъ водопадомъ, вылетаютъ изъ чемодановъ, кожаныхъ ящиковъ, англійскихъ коробокъ, шотландскихъ коробочекъ—рубашки,

ночныя кофточки, шелковыя юбки, платья,—легкія, тяжелыя, бальныя, скромныя, и, какъ цвѣты, разсыпаются по диванамъ, кресламъ, стульямъ, коврамъ, и—все это шелеститъ, распростирается, вздрагиваетъ, долго не можетъ успокоиться, и, какъ хамелеонъ, искрится яркими красками и сверкаетъ бахромою ліонскихъ кружевъ.

— Юбки—направо,—командуетъ Лидія Львовна,—кофточки налѣво, платки къ платкамъ, наволочки къ наволочкамъ, въ средній ящикъ—мои шелковыя фіолетовыя сорочки, а въ маленькій боковой—чулки съ цвѣточками и продольными стрѣлками.

— Вы очень милы. Какъ ваше имя? Ахъ, да, Юлія,—прекрасное имя! Благодарю васъ. Съ несессерами и ручными сакъ-вояжами я сама управлюсь, а вы пришлите мнѣ кофе, передайте телеграмму посыльному и письмо Елизаветѣ Вахтеревой—домъ Братства, Милютинскій переулокъ.

Кому телеграмма? Конечно—другу. У Лидіи Львовны много друзей. Въ Парижѣ, возлѣ Парижа, на югѣ, у Средиземнаго моря, въ маленькомъ Люцернѣ и даже въ отвратительной Германіи. О, какъ я ненавижу эту старую Германію, какъ ненавижу ее. Мои друзья! Ихъ тысяча, но среди этой тысячи одинъ-два дѣйствительно преданныхъ друга. Я отдаю друзьямъ всю себя, я пускаю въ оборотъ маленькую муку, маленькія страданія, даже жутко, даже страшно, мы подходимъ къ тому, что страшно назвать—тамъ пропасть, тамъ бездна, но я—размахиваю руками, всплываю наверхъ и уже мнѣ весело. Я хочу, мои милые, жить, я неудержимо хочу жить. Люди—бирюльки, а въ моихъ рукахъ—золотой крючечекъ. Продѣну крючечекъ въ ушко деревяннаго стаканчика, и стаканчикъ, какъ рыбка, вздрагиваетъ

на блестящей удочкѣ. Ахъ!—эти слова, вы понимаете, *эти* слова? Одно слово, два слова, три слова,—нѣжная музыка. Какъ грустно! Россія, моя милая Россія, я въ восторгѣ,—ура, ура, ура!

Но онъ не приходитъ? Почему? Гадкій, недобрый,—злюка, злюка, злюка!

Нѣтъ, Лидія Львовна, я протягиваю руку, опускаюсь въ кресло, и смотрю на ваше лицо. Лицо сіяетъ прежней красотою, тѣ же глаза, та же улыбка, тотъ же пристальный взглядъ изъ подъ прекрасныхъ рѣсницъ.

— Мой другъ,—восклицаетъ Лидія Львовна.—Я думала о васъ ровно три мѣсяца и, наконецъ, вижу васъ. Какая радость. Хотите чаю? Я сейчасъ позвоню.

Конечно, хочу.

Лидія Львовна бѣжитъ къ звонку, по пути зажигаетъ электрическую люстру, возвращается назадъ, садится на диванъ, складываетъ руки и говоритъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, мы должны сговориться и поймемъ другъ друга. Раньше не понимали, теперь поймемъ. Я знаю ваши взгляды по кореннымъ вопросамъ.

Входитъ лакей и спрашиваетъ:

— Что угодно?

— Будьте любезны, маленькій самоваръ и сухое печенье.

— Слушаю,—и лакей уходитъ.

Лидія Львовна подымаетъ руки, смотритъ на кольцо и говоритъ:

— За послѣдніе годы мы много жили, много страдали, и это общее страданіе должо насъ сблизить. О, я сильно страдала! Словно морякъ или водолазъ я погружалась на дно человѣческой души,—и, Боже мой, Боже мой, что я тамъ увидала! Нѣтъ, вы не спрашивайте, что я

тамъ увидала. Жить на землѣ страшно, и настоящіе люди—одни русскіе. О, мои дорогіе, русскіе. Ну, разсказывайте,—я васъ слушаю. Вѣроятно, какъ и раньше—ни съ чѣмъ и ни съ кѣмъ не согласны. Да?

Я приподнимаюсь на диванѣ и говорю:

— Лидія Львовна, и прежде и теперь я со многимъ соглашался и соглашаюсь. Я часто протестую, и можетъ случиться несчастье. Можетъ быть я упаду и разобьюсь въ дребезги, но пока я держусь и, думаю, продержаться.

— Вотъ-вотъ,—говоритъ Лидія Львовна,—вы упомянули о несчастьѣ. Я догадывалась и все понимала, Я гораздо лучше, чѣмъ вы думаете обо мнѣ,—сказала она, и въ ея голосѣ прозвучали серьезныя нотки.

И мнѣ уже было стыдно, меня раздражали собственныя холодныя слова, и я уже зналъ, что этотъ салонъ „Метрополь“, эта люстра, эти диваны, скатерти, широкія окна съ видомъ на Театральную Площадь, нетерпѣливо ожидали ея пріѣзда, и Лидія Львовна не можетъ жить въ иной обстановкѣ, и въ этой обстановкѣ распускается все лучшее, что таится въ ней.

— О, я вижу людей насквозь,—сказала она,—я знаю, что они скажутъ, сдѣлаютъ, что думаютъ, и о чемъ даже могутъ думать. И мысли людей, ихъ слова, ихъ поступки, такъ низменны, такъ низменны. Какъ птица въ тенетахъ, я бросаюсь изъ стороны въ сторону, не вижу выхода и задыхаюсь. А вѣдь, я красива и не глупа.

Лидія Львовна часто измѣнялась, какъ измѣняется непостоянный цвѣтъ ея уборовъ, и послѣ быстрой рѣчи, нервныхъ движеній, и крошечныхъ слезинокъ въ уголкахъ глазъ,—она сразу успокаивалась, ея руки, ея ноги, ея голова съ пышной прической золотистыхъ волосъ,

казались гармоничными, стройными и прекрасными, отъ всей ея фигуры струилась чуткая русская разочарованность,—и уже нельзя было оторвать глазъ отъ нѣжнаго лица и забыть смыслъ словъ ея мелодичнаго голоса.

— Я не пустозвонка, — замѣтила она,—и, если говорю, что думала о васъ три мѣсяца, слѣдовательно, думала. Я не умѣю лгать,—и мелкая ложь не сдѣлаетъ меня богаче. Прежде я не понимала старинныхъ картинъ,—теперь понимаю; прежде мнѣ было скучно на родинѣ,—теперь весело. Я переродилась, я—проще. И среди такихъ людей, какъ вы, я—настоящая. Не сердитесь, голубчикъ.

Лакей принесъ самоваръ, Лидія Львовна заварила чай и сказала:

— Необыкновенный человѣкъ! Какое гордое, прекрасное имя. Во Франціи—клѣтчатый костюмъ, въ Германіи—широко открытые жилеты, въ Англіи каждый мальчикъ знаетъ, гдѣ струится источникъ жизни, а въ Россіи—необыкновенный человѣкъ. Онъ рано умираетъ, онъ сходитъ съ ума, онъ болѣетъ странной болѣзнью, какъ бы назвать ее?—однимъ словомъ, онъ уходитъ въ деревню, учитъ крестьянскихъ дѣтей, и это замѣчательно. Мнѣ весело въ Россіи, страхъ жизни убѣгаетъ на Западъ,—и я такая маленькая, маленькая, мягкая, мягкая,—и, если хотите, положу свою руку на вашу, какъ дѣлала это когда то давно.

Она опустила душистую, мягкую руку на мою и спросила:

— Будьте откровенны, признайтесь: почему вы отвергли мою любовь тогда — давно-давно? Вѣдь я отдавала вамъ всю себя, ласкала вашу голову и звала васъ. Развѣ тогда я была менѣе красива?

Отъ стакана и чашки подымался паръ, въ корридорѣ кто-то крикнулъ—„слушаю, Ваше Превосходительство“, а я уже зналъ, что мой отвѣтъ удивитъ Лидію Львовну своею простотою, и съ нѣжной мягкостью я скажу нѣсколько словъ.

Я отвѣтилъ ей:

— Вы одна изъ женщинъ, запахъ волосъ которой я помнилъ нѣсколько лѣтъ,—но по слѣдующимъ причинамъ я не хотѣлъ обладать вами. Вашъ мужъ—здѣсь въ Москвѣ собиралъ Мадоннъ, устраивалъ коллекціи,—и обманывать такого мужа *я не умѣлъ*. Вашъ любовникъ, двоюродный братъ мужа расчесывалъ золотую бороду, писалъ чеки, а женщина, которая имѣетъ такого любовника—плохая любовница. Затѣмъ, я переводилъ греческихъ идеалистовъ, ихъ „идеи“ окружали мое ложе, я бредилъ Платономъ и, наконецъ, вы были такъ красивы, что я не рѣшался любить васъ.

Лидія Львовна улыбнулась и сказала:

— Ахъ! Эти „идеи“, эти греческія идеи! Женщина проститъ мужчинѣ всѣ его недостатки, но не проститъ, если у ея друга нѣтъ про запасъ хотя бы одной, самой маленькой, маленькой идеи. Онѣ ласкаютъ кудрявыя головы, иногда плачутъ и цѣлуютъ каждый волосокъ, а, когда эти головы склоняются на ихъ грудь,—онѣ просятъ:—разскажи мнѣ, о чемъ ты мечтаешь? И, какъ странно: — тѣ друзья, которыхъ мы любимъ, или осторожно приближаются къ намъ, или уходятъ отъ насъ.

— Друзьямъ страшно въ вашемъ обществѣ,—сказалъ я.

Въ корридорѣ опять кто-то крикнулъ — „никакъ нѣтъ, Ваше Превосходительство!“

Лидія Львовна спросила:

— Но развѣ мы, чуткія женщины, такъ грубо протягиваемъ наши руки?

— Мечтателямъ,—повторилъ я,—страшно въ вашемъ обществѣ, страшно не за себя, а за своего Бога. Или женщина—или Богъ.

Лидія Львовна глубоко вздохнула и сказала:

— Какъ несчастны мы, женщины, какъ одиноки. И насъ обвиняютъ, что мы бросаемся изъ стороны въ сторону, все ищемъ, ищемъ, и не находимъ. Намъ не суждено найти.

Но въ это время широко раскрылась дверь, лакей въ черномъ фракѣ принесъ вазу съ грушами и виноградомъ,—Лидія Львовна приподняла руки, а лакей сказалъ:

— Звонили по телефону изъ конторы и спрашивали, можетъ ли принять госпожа адъютанта Генералъ-Губернатора?

Лидія Львовна поправила на пальцѣ кольцо и просто сказала:

— Я дома. Попросите господина Самсонова подняться наверхъ.

— Слушаю-съ,—сказалъ лакей, повернулся спиною и вышелъ.

Я вынулъ изъ бокового кармана часы и посмотрѣлъ:—восемь безъ четверти. Теперь у подъѣзда всѣхъ Императорскихъ Театровъ длинной вереницей стоятъ кареты, экипажи, пролетки, извозчики, сіяютъ электрическіе фонари, двери то открываются, то закрываются, надъ театрами мглистое небо,—а въ театрахъ золото, бархатъ, шелкъ, фраки, открытыя платья, жемчужныя нити—и удивленные съ поволокой глаза какой то дѣвочки-подростка,—она стоитъ въ ложѣ второго яруса и медленно,

какъ большая, застягиваетъ пуговички длинныхъ до локтя перчатокъ.

Открылась дверь, звякнули шпоры, вошелъ Самсоновъ, легко направился къ рукѣ Лидіи Львовны, поцѣловалъ руку, потомъ снялъ перчатку и сказалъ:

— Наконецъ то, Лидія Львовна, вы пожаловали къ намъ.

Меня Самсоновъ окинулъ бѣглымъ взглядомъ и, наклонивъ голову, сказалъ:

— Самсоновъ.

Адъютантскій мундиръ Самсонова, темно-зеленаго сукна смѣло показывалъ свой красный воротникъ съ бѣлыми кантами, кавалерійскую подкладку, погоны и золотые иниціалы царствованія Александра III-го. Самсоновъ сидѣлъ очень прямо, не было видно ступней его ногъ и, казалось, адъютантъ презираетъ длинныя ноги, плоскія ступни и узкіе носки блестящихъ ботинокъ. И, когда адъютантъ вынулъ папиросу изъ портсигара, а потомъ поправилъ золотой жетонъ съ брилльянтами, уже было видно, что онъ не скажетъ какой нибудь глупости, и все, что онъ скажетъ, будетъ умно и даже оригинально. И, было видно, что адъютантъ встрѣчалъ многихъ интересныхъ людей, со многими ужиналъ, разговаривалъ, спорилъ и, если теперь онъ пріѣхалъ къ Лидіи Львовнѣ, слѣдовательно, зналъ, что эта женщина заслуживаетъ того, чтобы ее навѣстить.

Лидія Львовна облокотилась рукою на столикъ, я обратилъ вниманіе на ея мизинецъ съ длиннымъ миндалевиднымъ ногтемъ, а Лидія Львовна просто сказала Самсонову:

— Вы всегда словно по безпроволочному телеграфу узнаете о моемъ пріѣздѣ. Я очень цѣню ваше вниманіе.

Самсоновъ улыбнулся и сказалъ:

— Лидія Львовна—всегда Лидія Львовна.

И такъ какъ въ гостиной сидѣлъ третій человѣкъ, т. е. я, то Лидія Львовна и Самсоновъ должны были говорить на два фронта: Лидія Львовна въ адъютантско-интимномъ тонѣ,—адъютантство посылалось Самсонову, интимность—мнѣ, а Самсоновъ въ интимно-враждебномъ, и интимность направлялась въ сторону Лидіи Львовны, а враждебность—въ мою.

— Васъ пропустили, не задерживая, черезъ границу?

— Да, да, конечно,

— И не осматривали вещей?

— Осмотрѣли одну большую корзинку съ верхними уборами. Ахъ, какая радость, увидать первое русское лицо,—жандарма или носильщика!

— Въ экспрессѣ, который шелъ изъ Варшавы въ Петербургъ,—говоритъ Самсоновъ,—ѣхала дочь Пазухова,—у нея катарактъ на глазахъ, и берлинскіе врачи не помогли. Въ Вильнѣ дѣвочка выглянула въ окно и, когда рядомъ кто-то произнесъ нѣмецкую фразу, она спросила свою мать:—мама, неужели мы возвращаемся въ Берлинъ?

— Какъ ваша сестра?—спрашиваетъ Лидія Львовна.

— Она сейчасъ гоститъ у Бестужевыхъ-Рюминыхъ.

— А вашъ голубой выѣздъ? Какъ всегда, голубой?

— Да, голубой.

Нужно скорѣе-скорѣе сказать нѣсколько яркихъ словъ, такихъ же голубыхъ, какъ выѣздъ адъютанта Самсонова.

— Ахъ, моя родина!—восклицаетъ Лидія Львовна,—всѣ вы настоящіе люди. Вотъ—настоящій адъютантъ, а

вотъ—настоящій протестантъ,—и Лидія Львовна указываетъ на меня рукою.

Адъютантъ смотритъ на протестанта, протестантъ на адъютанта, но вотъ вопросъ: выступаетъ ли въ Большомъ Театрѣ примадонна Модестова? Конечно, примадонна!

— Она великолѣпна, эта Модестова въ „Спящей Красавицѣ“,—говоритъ Самсоновъ.—Все новое, каждый жестъ, каждая фигура, каждое па. Гельмгольцъ—сплошное кривлянье, Модестова—сплошная грація.

— А гдѣ же бѣдная Филонова?—спрашиваетъ Лидія Львовна.

— Филонова успѣла выйти замужъ, успѣла разойтись, снова вышла, заболѣла, получила полный бенефисъ и устроилась гдѣ то въ Вѣнѣ.

— Вотъ она, наша Россія,—говоритъ Лидія Львовна,—бѣгутъ куда то въ Вѣну.

Нѣтъ, нѣтъ! Надо сдѣлать такъ, чтобы Самсоновъ ушелъ. Самсоновъ—умный адъютантъ, онъ всегда величественно сидитъ, серьезно говоритъ, осторожно куритъ, но сегодня вечеръ—*этихъ* словъ, сегодня—*мой* вечеръ.

И Лидія Львовна подымается съ мѣста, направляется къ земляничнымъ портьерамъ, возвращается назадъ, спотыкается, садится на прежнее мѣсто и внимательно слушаетъ Самсонова. Но, вдругъ, одинъ только разъ отвѣчаетъ не во время, вдругъ спрашиваетъ—какое сегодня число, говоритъ, что сегодня въ Парижѣ пріемъ у журналиста Феликса д'Альгеймъ, потомъ вмѣсто Генерала Александра Петровича, говоритъ: Петръ Александровичъ,—а потомъ тихо замѣчаетъ:

— Мнѣ кажется, что Россія—страна какихъ то под-

вижниковъ, которые на своихъ плечахъ несутъ тяжесть всего міра.

Эта интимность, направленная въ мою сторону, напоминаетъ Самсонову, что уже девять часовъ, и онъ долженъ ѣхать во дворецъ.

Конечно, скоро Самсоновъ опять навѣститъ милѣйшую Лидію Львовну,—на дняхъ, вѣроятно, въ пятницу, или въ воскресенье, днемъ.

Лакей широко раскрываетъ дверь, подаетъ на подносѣ письмо и уходитъ.

— Ахъ, милая Клавочка! Она помнитъ меня.— Куда вы?

— Къ генеральшѣ, во дворецъ.

— Если къ генеральшѣ, тогда отправляйтесь.

И Лидія Львовна улыбается, она вся измѣняется, какъ хамеліонъ, и уже не знаешъ, кто долженъ былъ уйти и кто остаться: я или адъютантъ.

И, кажется, что она хотѣла сказать нѣсколько словъ, но не сказала, и, кажется, что Лидія Львовна только два раза воскликнула—моя Россія!—а нужно было воскликнуть три раза и, кажется, что она вѣритъ и вѣрила въ русскую армію, но сегодня *эти* слова, сегодня *мой* вечеръ.

Опять звенятъ шпоры, опять склоняется голова къ рукѣ Лидіи Львовны, опять пристально устремленный на меня взглядъ, и адъютантъ уходитъ.—Слава Богу, слава Богу—мы одни. Ухъ!—восклицаетъ Лидія Львовна.—Самсоновъ добрый, не забываетъ меня, но говорить о полномъ бенефисѣ Филоновой, право, скучно. И такъ, на чемъ мы остановились?

Мы не шли, Лидія Львовна, и не останавливались. Конечно, Лидія Львовна заблуждается. Но нѣтъ, она

увѣрена, что мы остановились и должны продолжать нашъ путь.

И поэтому Лидія Львовна позволяетъ себѣ маленькую интимность. Она наклоняется грудью къ столу, прикасается лицомъ къ скатерти, словно ребенокъ разсматриваетъ каждую ягодку винограда, перебираетъ ягодки, приподнимаетъ вѣточки за хвостикъ, любуется грушами, то закрываетъ, то открываетъ коробку съ сухимъ печеньемъ, а потомъ вскидываетъ голову, встряхиваетъ волосами и, какъ убѣжденная курсистка въ сѣренькой кофточкѣ, говоритъ:

— Я знаю, знаю,—на вашей улицѣ будетъ праздникъ. Вѣрьте мнѣ. Міръ не можетъ больше идти по тому пути, по которому онъ идетъ. Дальше пропасть, дальше бездна. Намъ нужно быть проще, даже быть немножко юродивенькими, есть такія юродивенькія слова: миленькій, славненькій, солнышко мое, ласточка моя, свѣтикъ, пташка. Ахъ, какія слова! Незамѣнимыя! Дайте мнѣ вашу руку.

Я протягиваю ей руку. Лидія Львовна опускаетъ на мою руку свою, разглядываетъ камни колецъ, потомъ вдругъ грустно улыбается,—и она уже не курсистка въ сѣренькой кофточкѣ, а маленькая дѣвочка,—и Лидія Львовна прикасается своею щекою къ моей рукѣ и, кажется, ей хочется спать.

Гдѣ-то раздается голосъ дамы,—она спѣшитъ по корридору, шумитъ юбками и говоритъ:—мы опоздали, мы опоздали. И, странно, что дама можетъ опоздать,—вѣдь Лидія Львовна такъ удобно устроилась на диванѣ, молчитъ и сосредоточенно думаетъ.

— За границей не знаютъ нашихъ словъ,—продолжаетъ Лидія Львовна,—тамъ цѣлыя понятія, составлен-

ныя изъ многихъ словъ, и этими понятіями, какъ въ древности таранами, партія бросаетъ въ партію и разрушаютъ одна другую. А у насъ слова — милыя словечки,—и Лидія Львовна наивно подымаетъ глаза.

Но ей уже скучно, и нужно измѣниться. И вотъ, словно изъ пѣны, выходитъ новая женщина, эта женщина однажды столкнулась съ мрачнымъ ужасомъ, ужасъ положилъ на ея лицо морщинки, незамѣтныя складочки. Какъ теперь, прекрасны эти ліонскія кружева, какъ прекрасны обнаженныя руки! Лидія Львовна—Сара Бернаръ въ моментъ высокаго душевнаго напряженія, и она то смѣется, то проклинаетъ.

— Я хочу сильно страдать, - говоритъ Лидія Львовна.—Мое страданіе—мой воздухъ. Какая радость быть всѣми покинутой. Въ огромномъ Парижѣ я иногда прислушивалась къ тишинѣ, закрывала глаза и старалась не дышать. Я люблю сидѣть ночью на широкомъ диванѣ, окруженная подушками, съ книгой въ рукахъ. Я тогда много думаю. Я думаю, что наше время—время подвиговъ. И, если теперь не проснутся герои, они не проснутся и черезъ тысячу лѣтъ.

Лидія Львовна вынула изъ волосъ гребень, положила его на диванъ, а потомъ опять подобрала гребнемъ пышные волоса.

Казалось, она собирается купаться, но не рѣшается, ее пугаетъ низкая температура воды. Но, нѣтъ. Когда гребень успокоился на прежнемъ мѣстѣ,—она уже прекрасная, нѣжная, стройная Лидія Львовна, платье льнетъ къ ея тѣлу, и она сейчасъ отправится куда нибудь на балъ, будетъ веселиться, пить шампанское и показывать свои руки. Сколько теперь ей лѣтъ?—Конечно, шестнадцать.

Лидія Львовна облокачивается на спинку дивана, ея руки теребятъ складки платья, и она весело говоритъ:

— Неужели вы ни разу не вспомнили меня?

Она пристально смотритъ и, по выраженію моихъ глазъ, хочетъ угадать отвѣтъ.

Но я опускаю глаза и говорю:

— Не спрашивайте. Вашъ вопросъ—дѣтскій вопросъ.

А она должна знать, непремѣнно должна.

— Скажите, не вспомнили?

Лидія Львовна смотритъ, играетъ платкомъ и стучитъ каблучкомъ узкаго ботинка.

Я не отвѣчаю. Но ее раздражаетъ мое молчаніе, она быстро встаетъ, идетъ къ шторамъ, раскрываетъ ихъ, переноситъ съ большого стола на маленькій вазу съ фруктами, потомъ возвращается назадъ, приближается ко мнѣ и говоритъ:

— А у меня есть маленькій подарокъ. Хотите посмотрѣть?

И она снимаетъ съ пальца кольцо съ огромнымъ бриллiантомъ и протягиваетъ его мнѣ.—Нравится?

Я разсматриваю кольцо, кладу его на столъ и не отвѣчаю.

— Нравится?—снова спрашиваетъ она,—и стоитъ передо мною высокая, съ гордо поднятою головою.

Но вдругъ опускается на колѣни, беретъ со стола кольцо и говоритъ:

— Я надѣну кольцо на этотъ палецъ. Хорошо?

Прекрасныя кружева касаются моихъ колѣнъ, и стройная, нѣжная женщина протягиваетъ ко мнѣ свои руки. Потомъ стремительно надѣваетъ кольцо на мой палецъ, и кольцо сверкаетъ ослѣпительнымъ блескомъ.

Я беру ея руки, цѣлую и говорю:

— Встаньте.

Она покорно встаетъ, смотритъ на меня долгимъ, любящимъ взглядомъ, потомъ идетъ въ спальню, возвращается назадъ и широко открываетъ балконную дверь.

Сразу врывается шумъ площади,—вся она блеститъ огнями, фыркаютъ кони, звенятъ трамваи, и черной массой открывается направо дворецъ Большого Театра.

Лидія Львовна стоитъ облокотившись на ручку балконной двери, одна ея рука покорно опустилась — и вздрагиваетъ платье.

Бѣдная! Какъ она одинока. Она не совершила и половины своего дѣла. Откуда пріѣхала она и куда уѣдетъ? Бѣдная странница! И странницѣ жутко. Нужно быть снисходительнымъ, вѣдь у нея такое доброе сердце.

И Лидія Львовна уже серьезная, серьезная, на ея маленькомъ лбу протягиваются складочки, и, конечно, она всегда любила стоять, облокотившись на ручку балконной двери, и любила смотрѣть на освѣщенную площадь.

Но, что случилось?

Да, да,—маленькое воспоминаніе. Какое прекрасное воспоминаніе. И вся преображенная, прежняя Лидія Львовна, она подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Въ Люцернѣ два года тому назадъ я весь вечеръ писала письма, одно за другимъ,—написала и вамъ.—Дорогой мой, но зачеркнула, потомъ—милый мой, но опять зачеркнула и бросила. А потомъ—мой подвижникъ,—и длинное въ шесть страницъ письмо. Но письмо показалось мнѣ глупымъ, и я его не ото-

слала. А ночью вы стояли подлѣ моей постели и, казалось, говорили:—У меня въ тихой пристани есть лодка Отвага. Я купилъ ее за тысячу червонцевъ.—И вдругъ глаза Лидіи Львовны съузились, на лбу взвился локонъ, она взмахнула головой и расхохоталась.

— Ха, ха, ха,—ха, ха, ха!

Ея смѣхъ носился въ этой большой комнатѣ, стаканы и виноградъ равнодушно глядѣли на нее, мебель хмурилась и, казалось, говорила:—на нашихъ диванахъ сидѣлъ кардиналъ папы Льва, а ты хохочешь, какъ дѣвочка.

— Что съ вами?—спросилъ я.

Но она не отвѣчала и продолжала хохотать.

— Ха-ха-ха!

Всѣ лакеи, горничныя и дамы съ шелковыми юбками, вѣроятно, думали, что въ салонѣ богатой дамы очень весело. Сама хозяйка разсказываетъ занимательныя исторіи, а ея знакомый—этотъ задумчивый человѣкъ, пьетъ чай, улыбается и киваетъ головой.

— Итакъ, не нужно было пріѣзжать? — спросила Лидія Львовна, устремила на меня свои глаза, и ея глаза были похожи на глаза гимназистки, которая удачно обманула близорукаго учителя. На ладони она держала ягодку винограда, потомъ раздавила ягодку, и алый сокъ брызнулъ на бѣлое полотно скатерти.

— Вѣдь вы не ко мнѣ пріѣхали?—сказалъ я.

— А къ кому?—и она вынула платокъ, потомъ вытерла палецъ.

— Вы пріѣхали въ дорогую Россію, къ дорогимъ русскимъ людямъ, къ милой Клавочкѣ, къ адъютанту, къ профессору, къ огромному таланту, въ какое то имѣніе, гдѣ растутъ столѣтнія русскія деревья,—и я замолчалъ.

— Почему вы остановились?—сказала Лидія Львовна,— я слушаю васъ, и она раздавила еще ягодку.

Мнѣ казалось, что если я не произнесу двухъ-трехъ словъ, она подойдетъ къ балконной двери, гордо подниметъ голову, облокотится на бронзовую ручку, — и я сказалъ:

— Съ адъютантомъ вы будете говорить о скачкахъ на Ходынскомъ полѣ, съ профессоромъ—о сомнительной наукѣ, съ Клавочкой о маленькихъ людяхъ и маленькихъ дѣлахъ, съ талантомъ—о другихъ талантахъ, а со мною о греческихъ идеяхъ и подвижничествѣ. Но, не сердитесь. Когда нѣжными руками вы касаетесь подвижничества, мнѣ кажется, что я шарлатанъ, бездѣльникъ, мальчишка, дуракъ, который знаетъ толкъ въ бабскихъ юбкахъ и синихъ подвязкахъ. А теперь вѣра въ собственныя силы мнѣ дороже всего остального.

Лидія Львовна грызла вѣточку винограда, пристально смотрѣла на меня и, казалось, она стоитъ возлѣ окна вагона: сырость, дождь, туманъ, дребезжитъ звонокъ!—поѣздъ трогается, а за окнами убѣгающаго вагона слѣдитъ глазами маленькій чиновникъ и думаетъ:—неужели у этой красавицы въ лиловой шляпѣ есть важныя дѣла? куда она спѣшитъ?

— Не знаю,—сказалъ я,—какъ вы сходились и расходились съ другими людьми, какъ жили съ мужемъ, и какія причины заставили васъ бросить этого дѣйствительно чуткаго человѣка. Но, думаю, изысканная утонченность, грація души, прощеніе и великодушіе избранныхъ—всѣ эти качества даже могутъ показаться вамъ обременительными. Первое время вы увлекаетесь благородными движеніями, словами и мыслями. Вѣдь

еще въ дѣтствѣ вамъ разъяснили, что есть небо и есть земля. Но потомъ, когда за этимъ благородствомъ выростаетъ угрюмое подвижничество и простираетъ свои руки къ лиловой шляпѣ, вы убѣгаете, не оглядываясь, и крѣпко закрываете двери. Тогда вы злы, капризны и раздражительны. Все не хорошо: и мебель, и костюмы, и коляски,—театры, выставки, концерты,—и небо, и воздухъ, и Россія—милая родина.—У васъ гадкія манеры-говорите вы тогда,—у васъ нѣтъ силы воли, вы, милостивый государь, не подвижникъ, а дамскій закройщикъ, идете ощупью и осмѣливаетесь еще звать за собою другихъ. И Лидія Львовна побѣдительница, у Лидіи Львовны алмазная коронка на головѣ,—и нѣтъ подвига, не было подвига, не будетъ подвига.

Гдѣ то далеко виртуозъ началъ играть Chaconne—„Баха", въ прекрасной передѣлкѣ Бузони,—и, странно было, что въ отелѣ „Метрополь" виртуозъ играетъ эту трудную вещь.

— Вы сказали мнѣ отповѣдь? — спросила Лидія Львовна, сѣла и, казалось, сейчасъ закуритъ папироску.

Но я отвѣтилъ ей:

— Мои слова—моя броня, которую я надѣваю передъ вашими чарами.

— Какой же вы силачъ, — воскликнула Лидія Львовна,—если не можете устоять передъ женскими чарами?—Вы собираетесь воевать со зломъ міра, и робѣете передъ слабой женщиной?

— О!—сказалъ я,—если бы чары оказались чарами. Какой восторгъ подчиниться имъ или даже умереть. Но мы, мужчины, какъ воины, приближаясь къ вашимъ чарамъ, надѣваемъ стальную броню и не подчиняемся

я

чарамъ, а сражаемся съ ними. Мы всегда знаемъ, что ждетъ насъ.

Лидія Львовна смотрѣла на меня съ искреннимъ сожалѣніемъ, и глаза ея старались подмѣтить въ лицѣ друга слѣды раскаянія.—Неужели на диванѣ сидитъ онъ?—думала Лидія Львовна.

— Какъ я рада,—сказала она,—что вы изрѣкли свою отповѣдь. Теперь я знаю, кто вы.

— Боже мой, Боже мой,—думалъ я,—она будетъ оправдываться. Какъ страшно. Почему я не сижу въ театрѣ, не молюсь Богу въ церкви, не разсматриваю скромную гравюру сказокъ Андерсена. Ахъ, если бы она не раскрывала своего рта, ахъ, если бы женщина забыла, что она женщина, и скромно потупила свои очи!

— Вы не подвижникъ,—сказала Лидія Львовна, — вы не понимаете людей, не знаете женщинъ, не ощущаете радости въ простомъ сближеніи и подымаете голову слишкомъ высоко. Вы—смѣшной подвижникъ. Серьезный подвижникъ долженъ склоняться надъ муравьемъ, надъ гнилымъ листомъ и камнемъ съ бронзовыми пятнышками.

— Замолчите, замолчите!—воскликнулъ я,—Лидія Львовна, милая Лидія Львовна замолчите. Вотъ часы—разсказывайте о часахъ, вотъ коверъ—разсказывайте о коврѣ, вотъ ваша спальня и рояль — разсказывайте о спальнѣ и роялѣ. Но не надо о подвигѣ. У меня такъ мало силъ, я гибну.

Лидія Львовна прищурила глаза и сказала:

— Я думала о васъ ровно три мѣсяца, я мчалась сюда, какъ угорѣлая. Мечтала объ этомъ вечерѣ, объ этихъ разговорахъ, объ этомъ духовномъ сближеніи. Какая глупая, какая глупая!

И Лидія Львовна покачала головой.

Вдругъ она встала, выпрямилась, какъ королева, закинула назадъ голову и сказала:

— Я не хочу васъ больше видѣть. Вы мнѣ не нужны, я не вѣрю вамъ. У васъ маленькая, какъ у хорька, душа, не хочу я такой души. Все ложь. И то, что было, и то, что есть. Вездѣ неправда, на каждомъ шагу неправда. Нѣтъ подвига, не было подвига,—какъ черви копошатся притворщики, гадкіе, отвратительные. Вы притворщикъ—я ненавижу васъ.

И сейчасъ же она прибавила:

— Уходите. Я должна писать письма.

Лидія Львовна подошла къ звонку, а, когда явился лакей, она приказала ему:

— Зажгите свѣчи, я не могу писать при электричествѣ.

Лакей принесъ двѣ свѣчи, Лидія Львовна присѣла къ столику и, вѣроятно, написала своему мужу такое письмо:

„Дорогой мой отецъ. Черезъ нѣсколько дней я буду въ имѣніи. Прости маленькую женку, но ей такъ тяжело. Такъ тяжело! Ей очень тяжело. Отецъ, нѣтъ людей,—есть слова, слова, слова—и всегда лживыя. Почему такъ поздно открываются наши глаза? Неужели мы должны страдать цѣлые годы послѣ первой ошибки, послѣ перваго невѣрнаго шага, и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше сбиваемся съ настоящаго пути. Но ты, мой обиженный, протянешь добрую руку и простишь маленькую женку, которая причинила тебѣ такъ много страданій, и такъ поздно оцѣнила тебя“.

Еще долго, долго бѣгало ея перо по атласной бумагѣ.

Я смотрѣлъ на земляничныя шторы, на раскрытую балконную дверь, по корридору бѣгали лакеи во фракахъ, съ серебряными подносами, нарзаномъ, содовой водой, слушалъ, какъ виртуозъ игралъ Chaconne Баха въ передѣлкѣ Бузони, и думалъ:

— Неужели, и черезъ сто, черезъ тысячу лѣтъ, всѣ мы, женщины и мужчины, будемъ прекрасными глазами смотрѣть другъ на друга, а все трагическое, внутреннее будетъ лежать на днѣ сердца, всегда скрытое, всегда темное? Неужели, думалъ я, легкое прикосновеніе къ сердцу женской руки съ нѣжными пальцами и миндалевидными ногтями оставляетъ на сердцѣ зіяющую рану, а все внутреннее, все тайное—сжимается въ комочекъ и, какъ ежъ, показываетъ свои иглы?

И, казалось мнѣ, что, блѣдный, больной, я бреду по пескамъ пустыни, словно ураганъ бушуетъ одиночество—и своими холодными губами цѣлуетъ вспотѣвшій мой лобъ.

Княжна Венеціанова.

Какъ странно. Въ одинъ прекрасный день мы видимъ, что кумиръ, передъ которымъ склонялись наши колѣни—бронзовый идолъ, съ огромной вздутой головой и короткими ногами.

Кто будетъ утверждать, что добро лучше зла, подвигъ выше прозябанья, красное побѣдное знамя величественнѣе погребальныхъ хоругвей, Громовержецъ прекраснѣе Дьявола? Можетъ быть, добро выдумалъ лѣнивый помѣщикъ, философія котораго упирается въ каменную ограду съ надписью—„Прошу пожаловать“, а на пол-

кахъ библіотечныхъ шкафовъ нѣсколько томовъ остроумныхъ моралистовъ, состряпавшихъ французскую бойню? Можетъ быть, подвигъ провозгласилъ хромой рыцарь, съ оловянными латами, тупымъ копьемъ, цвѣтными перьями надъ забраломъ, влюбленный въ дѣвушку сосѣдняго села. Дѣвушка мечтаетъ о стекляныхъ бусахъ, согласна безъ боя отдать полную руку, а рыцарь мечетъ громъ и молнію, арапникомъ хлещетъ глупаго коня, кружится на мѣстѣ и упирается ногами въ желѣзныя стремена? Можетъ быть, красное знамя развивается въ рукахъ презрѣннаго труса, трусъ скрывалъ голову за спиною другихъ, кричалъ: „въ бой, друзья, смѣлѣе, впередъ!“ а, когда друзья свалились и посылали проклятія родной странѣ,—бросился впередъ, схватилъ знамя, приподнялъ знамя надъ головою и крикнулъ: ура!? Можетъ быть, самъ Громовержецъ, который съ высоты трона слѣдитъ за добромъ, зломъ, подвигами, пораженіями, краснымъ знаменемъ и хоругвями гробовщиковъ, состоитъ въ торжественномъ союзѣ съ Дьяволомъ,—не передаваемомъ, не изъяснимомъ, не мыслимомъ, союзѣ седьмого неба и преисподней? И милостиво-карательный взглядъ Громовержца равнодушно скользитъ по блестящей поверхности земли, мудрый погружается за эфирную грань, и видитъ другіе міры, другое зло, другое добро, другихъ помѣщиковъ, другихъ рыцарей, съ цвѣтными перьями и краснощекими невѣстами?

Сомнѣніе бѣжитъ за сомнѣніемъ, они играютъ, борятся, нагромождаются другъ на друга,—и въ прекрасный солнечный день рождается странная увѣренность, что загадку жизни разгадалъ маленькій приказчикъ ярко освѣщеннаго магазина у Петровскихъ воротъ. Онъ за-

ворачиваетъ въ папиросную бумагу воротнички и манжеты, предлагаетъ крахмальныя сорочки, мягкія, со складочками, удивляется усовершенствованной конструкціи подтяжекъ и знаетъ толкъ во французскихъ запонкахъ—4 руб. пара, съ подковой, эмалированнымъ цвѣткомъ, коронкой, даже—о, удивленье!—съ жезломъ Меркурія или глазомъ бѣшеной кошки.

Вы не слыхали исторію маленькаго приказчика, маленькаго магазина у Петровскихъ воротъ?

Однажды, онъ родился въ селѣ Перепелкѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи. Былъ скучный весенній день, вздулась рѣченка, а черные вороны кружились надъ зелеными льдинами и хлопали крыльями. Его мать долго стонала, повитуха не приходила, всѣ побѣжали смотрѣть ледоходъ, и, хоть убей,—никого. Но потомъ, слава Богу, дѣло наладилось и, оказалось, что родился мальчишка, котораго судьба наградила рыжими волосами маленькаго приказчика, длинными ушами, узкой остроконечной головою, въ которой роились мысли о дамскихъ шпилькахъ, дамскихъ чулкахъ, дамскихъ подрукавникахъ, тесемкахъ, гребешкахъ, наперсткахъ и катушкахъ нитокъ № 8-й. И мысли мальчика о дамскихъ чулкахъ, словно бабочки, весело порхали въ ярко освѣщенномъ магазинѣ, а личинки бабочекъ—дѣтскія крестьянскія мысли остались въ селѣ Перепелкѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи.

И стоитъ мальчикъ за прилавкомъ—настоящій человѣкъ. Пестрый галстукъ, желтый воротничекъ, какой то пиджачокъ, словно ситцевый, всѣ пуговицы на жилетѣ оборваны, а худыя руки въ работѣ и не знаютъ минуты отдыха: то отрѣжутъ, то отмѣрятъ, то заверни, то разверни—мало-ли дѣла!

— Слыхали,—спрашиваетъ приказчикъ Карій-Носъ приказчика Ѳерапонта Евтихіевича,—человѣка въ нашемъ кварталѣ убили?

— Если убили, Царство ему Небесное,—говоритъ Ѳерапонтъ Евтихіевичъ,—и расчесываетъ блестящіе волоса передъ зеркаломъ.

Мальчикъ слушаетъ и повторяетъ: — Царство ему Небесное.

— А слыхали,—говоритъ приказчикъ Пчелиная Ножка, въ темнобуромъ пиджакѣ—веселому приказчику съ золотыми часами старой мѣди,—вчера надъ Москвою итальянскій шаръ видѣли: въ корзинкѣ важный господинъ — черный негръ и барышня-африканка, а подъ корзинкой китайскій флагъ, и на полотнищѣ золотое солнце.

— Летѣть-летѣлъ,—отвѣчаетъ веселый приказчикъ съ золотыми часами старой мѣди,—какъ бы не упалъ! И онъ сморкается въ платокъ съ синими полосками.

А мальчикъ думаетъ:

— Ахъ ты, африканка! Въ корзинкѣ сидитъ, а подъ корзинкой китайскій флагъ и золотое солнце.

Мальчикъ вынимаетъ изъ кармана крошечный платокъ, подноситъ его къ лицу, снова прячетъ, потомъ чихаетъ и пристально смотритъ въ глаза Ѳерапонта Евтихіевича.

Вотъ кто разгадалъ загадку жизни: маленькій приказчикъ маленькаго магазина у Петровскихъ воротъ.

О! Я вѣрю, вѣрю въ прекрасный край земной, гдѣ голосъ мой, какъ голосъ пѣвца, освобожденнаго изъ плѣна, прозвучитъ ликующимъ призывомъ, и чудная картина откроется взору. Непрерывной цѣпью бѣгутъ холмы, на вершинахъ холмовъ зеленѣютъ кедры, мирно

отдыхаютъ стада, пастухи играютъ на свирѣли, собаки дремлютъ, свернувшись въ клубокъ, а въ небѣ перловыя облака роняютъ матовую тѣнь на землю. Вотъ кряжи, вотъ холмы, вотъ сонное озеро, вотъ бурный водопадъ, а у водопада дѣвочка съ кувшиномъ воды и смотритъ на бѣшеную игру серебристыхъ волнъ.

Я вѣрю, я вѣрю! Но пусть умчится страшный день сомнѣній и навстрѣчу ему явится новый. Пусть раннимъ утромъ откроютъ тяжелыя двери магазиновъ, загудятъ колокола, и своимъ твердымъ шагомъ изъ конца въ конецъ Пречистенскаго бульвара пройдетъ генералъ въ красной фуражкѣ съ огромнымъ козырькомъ и нѣсколько разъ то подыметъ, то опуститъ вѣки жестокихъ глазъ.

Но теперь въ моей груди бушуетъ страшный восторгъ, я—властелинъ почившій отъ творенія, обозрѣвающій землю, ужасаюсь и радуюсь. Я отдѣлился отъ бреннаго тѣла, какъ ястребъ высоко парю надъ трупомъ и слышу гулъ приближающейся катастрофы. Моя голова кружится, на лбу холодная испарина, руки крѣпко сжимаютъ одна другую, а во рту вкусъ кислаго вина, выдержаннаго въ подвалахъ нѣсколько столѣтій.

Надо скорѣе, скорѣе присѣсть къ столу и написать нѣсколько строкъ доброй маленькой провинціалкѣ.

И я пишу:

„Саша, какая у васъ погода? Дождь или солнце? Кстати: заходилъ ли къ вамъ поручикъ Семипалатинскаго полка? Я просилъ поручика передать вамъ книгу стихотвореній ***. Милая Саша...“ На этой фразѣ я остановился, разорвалъ страничку почтовой бумаги, взялъ большой писчій листъ и крупнымъ почеркомъ написалъ письмо знаменитому русскому моралисту:

„Графъ,—я давно хотѣлъ поговорить съ вами, но молчалъ и тягстился своимъ молчаніемъ. Развѣ вы поймете меня, если я скажу, что моя робость была дочерью вашей огромной развязности, и, окруженный двумя-тремя друзьями, я съ ненавистью смотрѣлъ на васъ, у котораго сто милліоновъ поклонниковъ, сто милліоновъ друзей. Широкая популярность—прекрасная порука, что совершается дѣло, угодное людямъ,—и не безъ грѣха тотъ, кто подарилъ нѣчто дорогое и пріятное міру. Если міръ рукоплещетъ, слѣдовательно, міру выгодно рукоплескать. Если міръ вѣнчаетъ лаврами, міръ знаетъ, что его герой—богачъ, у котораго въ кладовыхъ сверкающее золото и драгоцѣнные камни. Вы, графъ, подарили міру его золото, его презрѣнную добычу. Вы подарили мораль, прикрываясь которой, міръ живетъ такъ же, какъ онъ жилъ тридцать столѣтій. Вы осмѣяли науку, но всѣ ваши сочиненія написаны по рецепту фарисейской науки съ ея увѣренностью и высокомѣріемъ. Вы развѣнчали искусство, сняли шелковые уборы, полосатыя ткани и, какъ любящая мать, закутали въ эти ткани собственнаго ребенка, златокудрую фантазію. Вы отвергли ученіе современной вамъ церкви, но предложенный символъ, страдаетъ недостатками отвергнутаго ученія, — самоувѣренный и требовательный. Вы прокляли роскошь, но не разстались съ ней, и ваша сѣрая фигура въ золотой рамкѣ представляется вполнѣ уродливой, и лицемѣрной. Я, графъ, окруженный двумя-тремя единомышленниками, часто совершенно одинокій, долженъ обратить ваше вниманіе на маленькій брилліантъ своего скромнаго убора, и хочу думать, что среди богатства пышной кладовой вы не разыщите подобнаго брилліанта

съ причудливыми гранями и яркимъ блескомъ прозрачной воды. Я, напримѣръ, могу и часто хочу *уничтожиться*. Боюсь, что мое странное слово подвергнется нападенію сплоченной фаланги вашихъ боевыхъ словъ,— напримѣръ: заниматься ничегонедѣланьемъ, плевать въ потолокъ и проч. Вѣдь—нашъ графъ—мастеръ разыскивать слова и словечки. Но, мой бриллiантъ — мой волшебный камень, и, какъ джентльмэнъ, я привѣтствую врага почтительно-скромной улыбкой. Если врагъ—гордая наука, я обнажаю голову и даю ей дорогу; если врагъ — религія, я приподымаю шляпу и опускаю глаза; если врагъ—сѣренькая мораль, звонкая проповѣдь, фейерверкъ блестящихъ обѣщаній, я всякій разъ встрѣчаю его склоненной головою и потупленнымъ взоромъ. Но—джентльмэнъ, графъ, обдумываетъ Божескіе законы, джентльмэнъ, графъ, грызетъ корку въ знойной пустынѣ, джентльмэнъ, графъ, тихо умираетъ если уже *нельзя* жить, если надо умереть. И Божескіе законы торжествуютъ, Божескіе законы удивляются, а весь міръ говоритъ: — джентльмэнъ грызъ корку, джентльмэнъ умеръ, джентльмэнъ былъ такъ смѣшонъ въ своей смертельной позѣ.—Ха, ха, ха!—смѣется весь міръ, а черствая корка валяется на землѣ. — Ха, ха, ха!—торжествуютъ мудрецы, моралисты, оракулы и святые, а презрѣнная корка пускаетъ въ землю карявые отростки, и растетъ чахлое дерево, а на деревѣ —райскіе плоды"...

Я остановился на этомъ многоточіи и положилъ перо. На меня смотрѣло строгое лицо графа, и графъ говорилъ:—Я хочу услыхать послѣднія слова,—твоя рѣчь непонятна. И, когда графъ такъ сказалъ, мнѣ захотѣ-

лось разорвать большой писчій листъ на маленькіе клочки, и я разорвалъ его.

— Неужели нѣтъ выхода?—подумалъ я,—неужели женщины, пріятели, графы, профессоры и моралисты погубили меня?

Я стоялъ передъ роскошнымъ букетомъ, кто-то прислалъ мнѣ его утромъ—и любовался каждымъ цвѣткомъ: вотъ ландышъ, вотъ роза, вотъ бѣлый табачекъ, вотъ настурціи, вотъ маргаритки, вотъ лиліи. Я склонился къ букету, цвѣты глубоко вздохнули и кивнули головками.

— Какіе чудные цвѣты,—сказалъ я,—прекрасные.

Потомъ я повязалъ ярко синій галстукъ, сдѣлалъ на волосахъ проборъ съ лѣвой стороны,—и вышелъ изъ дому.

Я отправился въ кофейную, тамъ немного посѣтителей, зимою днемъ горятъ электрическія лампочки, на стѣнахъ объявленія садовыхъ заведеній, кумысныхъ лечебницъ и санаторіи доктора Поперека. А подъ картиной:—„Церковь Святого Марка"—стоитъ орѣховый диванъ съ черной клеенчетой спинкой и высокимъ сидѣніемъ.

Я вошелъ, поклонился продавщицамъ барышнямъ, снялъ перчатки, разыскалъ „Столичный Курьеръ", сѣлъ за столикъ и попросилъ стаканъ кофе.

Надъ моей головой жужжалъ вентиляторъ, въ рамѣ окна бѣжали одна за другою шляпы проходящихъ, часто мелькали бѣшеныя головы коней и, казалось, растворялись въ сіяніи яркаго дня.

Я пилъ кофе маленькими глотками, читалъ театральную хронику, дневникъ происшествій и остроумную статью доктора Розенгейма о чахоточныхъ прививкахъ,

А, когда въ отдѣлѣ объявленій мнѣ улыбнулась красавица съ пышными волосами и сказала, что эти волосы ей подарилъ знаменитый провизоръ Александръ Петрушевскій,—я увидалъ улыбающееся лицо Александра Петрушевскаго,—это лицо подмигивало мнѣ изъ-за волосъ пышноволосой красавицы, и Александръ Петрушевскій говорилъ:

— Лги, лги, всегда лги! И я лгу, и пышноволосая красавица лжетъ, и отставной генералъ лжетъ, лжетъ весь міръ,—и Европа, и Азія, и Америка, и Африка, и Австралія, съ ея передовыми женщинами, съ необыкновенными фруктами на широкоствольныхъ деревьяхъ. Такъ надо, такъ надо!

Я высоко поднялъ голову, сказалъ: — псс! и, когда къ столику подошелъ знакомый лакей, я спросилъ его:—Ваши зубы, Феликсъ, уже не болятъ?

Феликсъ удивленно посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Развѣ господинъ помнитъ, что мои зубы болѣли?

Я приподнялъ мизинецъ руки и сказалъ:

— 8-го, утромъ, я пилъ кофе, и ваша щека была завязана.

Лакей призадумался, потомъ вспомнилъ, его лицо расплылось въ любезную улыбку и онъ воскликнулъ:

— Да, да,—именно 8-го мая я испытывалъ мучительную зубную боль. И вечеромъ 8-го мая пріѣхала моя сестра изъ Вылковышекъ.

— Именно! Сестра изъ Вылковышекъ, — подтвердилъ я.

Лакей опустилъ руку на мраморный столикъ и раскрылъ ротъ, чтобы поболтать со мною о сестрѣ изъ Вылковышекъ, но я предупредилъ лакея и спросилъ:

— Вы, конечно, слыхали подробности странной исторіи, которая нѣсколько дней тому назадъ разыгралась въ нашемъ кварталѣ?

— Нѣтъ, не слыхалъ,—и лакей крѣпко сжалъ подъ локтемъ бѣлую салфетку.

— А физіономію курчаваго господина помните,—въ понедѣльникъ, по моей просьбѣ, онъ заказалъ папиросы Дюшесъ? спросилъ я.

Въ понедѣльникъ я ѣздилъ въ Троице-Сергіевскую Лавру и читалъ тамъ надписи могильныхъ памятниковъ,—а лакей весело отвѣтилъ:

— Помню, конечно, помню.

Я вытеръ салфеткой губы и сказалъ:

— Вы должны знать, что я написалъ замѣчательное сочиненіе. Въ своемъ сочиненіи я разсказываю о молодыхъ людяхъ и барышняхъ,—вечеромъ они пьютъ шоколадъ, грызутъ пирожныя,—знаете? эти достойные и прекрасно одѣтые господа.

— Весьма достойные,—согласился лакей.

— И такъ,—я разсказываю, что весь міръ несетъ достойнымъ людямъ свои страданія, голодъ, болѣзни, смерть, а достойные люди хорошо одѣваются, пьютъ кофе и стучатъ пальцами по мраморнымъ доскамъ столиковъ. Я любилъ и люблю благовоспитанныхъ господъ. И, вообразите: курчавый посѣтитель—мой большой другъ, однажды, когда я игралъ на тотализаторѣ и ставилъ десятирублевыя бумажки, вошелъ въ мой домъ и укралъ рукопись. И курчавый посѣтитель оставилъ на столѣ такую записку:—мой милый, если скучаетъ жена,—другъ украдетъ жену, если скучаетъ рукопись,—другъ украдетъ рукопись. Очень веселый господинъ.

— Да, веселый господинъ,—подтвердилъ лакей.

Я продолжалъ:

— И курчавый другъ поступилъ такъ: онъ всѣхъ героевъ замѣчательнаго сочиненія переодѣлъ въ костюмы негодяевъ, окрестилъ именемъ почетныхъ людей, издалъ книгу подъ моей фамиліей и напечаталъ свой портретъ. А слава и золотая медаль погибли безвозвратно.

Лакей покачалъ головой и замѣтилъ:

— Золотая медалъ—золотыя деньги.

— Золотые имперіалы,—сказалъ я—и глубоко вздохнулъ.

Потомъ я подбросилъ вверхъ перчатку и спросилъ Феликса:

— Какъ звать ту барышню, которая стоитъ подлѣ ватрушекъ?

Лакей наклонился къ моему уху и отвѣтилъ:

— Барышня—дочь хозяина нашей кофейни, господина Барбара́. Весьма воспитанная барышня.

Я снова подбросилъ перчатку и сказалъ:

— Вчера, дочь господина Барбара̀ гуляла на Кузнецкомъ съ приватъ-доцентомъ Безсмысловымъ,—прекрасный доцентъ.

— Да, весьма прекрасный,—отвѣтилъ лакей.

Я кончикомъ мизинца почесалъ носъ, а потомъ сказалъ:

— Не откажите передать дочкѣ господина Барбара́, что въ первыхъ числахъ слѣдующаго мѣсяца я уѣзжаю въ Америку и, передъ отъѣздомъ, хочу подарить ей, прекрасную картину, на которой изображена булочница, и своими пальчиками булочница касается пирожныхъ.

— Господинъ уѣзжаетъ въ Америку?—И на лицѣ

Феликса отразилось удивленіе.—Я сейчасъ передамъ мадемуазель Луизѣ ваши слова.

И онъ побѣжалъ къ ватрушкамъ—и сообщилъ Луизѣ радостное извѣстіе о подаркѣ.

Дочка Барбара́ вспыхнула, потупила глаза, а потомъ прошептала Феликсу загадочный отвѣтъ.

Взмахнувъ салфеткой, Феликсъ вернулся обратно и сказалъ:

— Мадемуазель Луиза благодаритъ господина за подарокъ и спрашиваетъ, въ какомъ театрѣ поетъ господинъ? Она не сомнѣвается, что господинъ — теноръ Гамзагурдзи, и проситъ у господина контръ-марку на оперетку „Корневильскіе колокола“.

Но я отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, въ „Корневильскихъ колоколахъ“ поетъ теноръ Каблучковъ. Я выступаю въ музыкальномъ фарсѣ — „Продѣлки бабушки“—и пою партію — „Внука“. Если мадемуазель Луизу интересуетъ музыкальный фарсъ,—„Продѣлки бабушки“—, я пришлю ей контръ-марку на эту забавную пьесу.

Феликсъ опять побѣжалъ, опять вернулся, и сіяющій, сказалъ:

— Мадемуазель Луиза благодаритъ господина. Она съ удовольствіемъ воспользуется контръ-маркой. Одна-другая арія „Продѣлокъ бабушки“ развеселитъ нашу барышню. Мадемуазель Луиза говоритъ, что ея отецъ, кондитеръ Барбара́, согласенъ открыть кредитъ тенору Гамзагурдзи, и мадемуазель Луиза обращаетъ вниманіе господина на прекрасную, свѣжую миндальную бабку.

— Спасибо,—отвѣтилъ я,—у меня дома на столѣ—половина миндальной бабки,—и я поднялся съ мѣста, надѣлъ перчатки и направился къ двери.

Проходя мимо Луизы, я поклонился, снялъ шляпу и сказалъ:

— Итакъ, до среды, сударыня.

— Мерси, господинъ,—сказала Луиза.—Я благодарю васъ,—и очень граціозно она начала бросать въ коробку ванильные сухарики.

— Прекрасно, — думалъ я, выходя изъ кондитерской.—Черезъ пятьдесятъ минутъ на Ходынскомъ Полѣ скачки. Ведутъ двухъ коней въ чепракахъ. Кони идутъ, понуря голову, а конюхи сосутъ трубки и молчатъ. Передъ скачками надо молчать. Хозяинъ переодѣвается въ спальнѣ, а кассирша продаетъ билеты. Но черезъ пятьдесятъ минутъ скакуны выиграютъ двѣнадцать тысячъ рублей, хозяинъ улыбнется, отошлетъ деньги священникамъ, министрамъ, полководцамъ, купитъ ихъ совѣсть, а коней привяжутъ къ стойламъ, и надѣнутъ на колѣни кожаные носки. Барышня Луиза завяжетъ ленточки бѣлаго фартучка, поправитъ желтый гребень, прикоснется рукою къ миндальной бабкѣ и скажетъ:

— Ваши лошади, господинъ хозяинъ, ежедневно выигрываютъ призы. Не откажите прислать на имя Луизы Барбара контръ-марку. Породистые кони—моя страсть.

Но почему я вспомнилъ маленькую барышню,—она жила въ провинціальномъ городѣ, въ домикѣ рядомъ съ зеленой церковью, и весной долго-долго сіяло солнце на крестѣ купола и освѣщало весь городъ. Однажды, маленькая барышня рѣшила учиться играть на роялѣ, купила этюды Черни, разложила этюды на пюпитрѣ и начала стучать пальцами по клавишамъ.—Тукъ,-тукъ-тукъ, — звучали клавиши, барышня перелистывала страницы толстой тетради, но потомъ убѣдилась, что плохо видитъ—и надѣла очки.—Тукъ-тукъ-тукъ,—зву-

чали клавиши,--головки нотныхъ знаковъ, какъ клоуны, раскачивались на ниткахъ линеекъ, собирались въ толпу шаловливыхъ арлекиновъ, а потомъ разбѣгались во всѣ стороны.

Тогда я сказалъ:

— Этюдъ Черни—№ 5-й, — одинъ изъ трудныхъ. Быть можетъ, я смогу разобрать два-три такта.

Барышня встала, облокотилась на крышку рояля, я сѣлъ на плетеный стулъ и разобралъ.

Барышня подошла къ клавіатурѣ, заглянула въ мои глаза и спросила:

— Вы, вѣроятно, умѣете также смазывать пишущія машины?

— Да, умѣю.

— Можетъ быть, вы знаете, почему перестали звонить наши электрическіе звонки?

— Да, знаю.

Тогда барышня убѣжала въ спальню, принесла альбомъ съ цвѣтами и сказала:

— Напишите въ альбомъ маленькое стихотвореніе.

И я написалъ:

— „Руководство къ починкѣ электрическихъ звонковъ. Если звонокъ не звонитъ, тогда въ стаканъ бросаютъ нашатырную соль и льютъ воду. Но, если звонокъ все таки продолжаетъ упрямо молчать, слѣдовательно, зеленая катушка покрылась ржавчиной, и мудрый хозяинъ долженъ выбросить звонокъ съ катушками въ открытое окно“.

— А!--сказалъ я,—вотъ господинъ съ гнилыми катушками. Куда идетъ господинъ? Въ магазинъ готоваго платья?

И я открываю дверь магазина готоваго платья. На

стеклѣ двери большими буквами написано: Пѣтуховъ С—ья а, сверху орелъ, распростершій золотыя крылья.

Господинъ съ гнилыми катушками снялъ пальто и попросилъ черный фракъ,—вѣдь въ субботу будетъ бракосочетаніе его кузины,—а я разстегнулъ пуговицу перчатки и громко изложилъ свою просьбу:—не откажите показать сюртучную пару лучшаго англійскаго сукна, темно-сѣраго, съ шелковыми отворотами. Два пальца моей руки упирались въ черное дерево прилавка, волосы открывали пышный лобъ, и черезъ кисею легкаго разочарованія сквозило изящное благородство знатнаго аристократа. Конечно, я живу въ этомъ городѣ только зимою, всегда спѣшу на югъ или за границу, не располагаю свободными двумя-тремя минутами, чтобы навѣстить свою тетку. Она живетъ на Дмитровкѣ, сердится и говоритъ: ты—непосѣда! Но я разсказываю теткѣ, что завтра мои дѣла придутъ къ гармоничному заключенію, и я подарю ей свой вечеръ.—Дорогая тетушка,—говорю, я,—у меня сто тысячъ заботъ, и даже между часомъ дня и тремя я не могу съѣздить къ сыновьямъ Пѣтуховымъ заказать темно-сѣрый сюртукъ.

Господинъ въ золотомъ пенснэ попросилъ подняться наверхъ,—тамъ тройное зеркало,—и это чудо зеркальнаго изобрѣтенія позволитъ мнѣ разглядѣть себя со всѣхъ сторонъ.

Я, конечно, не могу заниматься этими пустяками—примѣркой, переодѣваньемъ и проч.,—я долженъ быстро сбросить свой пиджакъ и приступить къ дѣлу. Вы увѣрены, что я ношу подтяжки такіе же, какъ всѣ эти господа съ гнилыми катушками? Нѣтъ, мои подтяжки—послѣднее слово галантерейнаго искусства, на замше-

вой подкладкѣ и, словно объятія красавицы, сжимаютъ мои молодыя плечи.—Прошу показать сюртукъ.—А,—мерси—очень благодаренъ!—Вотъ тройное зеркало. Лѣвый профиль, фасъ, правый профиль. Мерси, мерси,—очень благодаренъ.

— Прекрасный сюртукъ,—говоритъ господинъ въ золотомъ пенснэ,—и, кажется, что сюртукъ исполненъ на-заказъ. Великолѣпно!

— Только, вотъ бѣда—узкіе отвороты. Я люблю широкіе отвороты.

Но господинъ смотритъ на меня съ удивленіемъ и спрашиваетъ:

— Широкіе отвороты? Широкіе отвороты предпочитаютъ художники и писатели. Если господинъ—художникъ,—тогда пожалуй...

Я снисходительно улыбаюсь и говорю:

— Да, вы не ошиблись,—я художникъ, и мои картины пользуются успѣхомъ на выставкѣ молодыхъ.

— Хорошо! — восклицаетъ господинъ и сіяетъ. — Весьма пріятное занятіе, я тоже художникъ,—онъ встряхиваетъ волосами и хруститъ пальцами.

Въ квадратѣ окна появляется почтовая карета съ письмами и посылками иностранныхъ дипломатовъ — русскимъ дипломатамъ, и съ донесеніями кое-кого кое-кому, что Турція—страна отпѣтая.

Я провожу рукою по ворсу сюртука, а господинъ въ золотомъ пенснэ спрашиваетъ:

— Осмѣлюсь узнать,—не ваши ли картины я видалъ на выставкѣ: „Тихій вечеръ въ кельѣ митрополита Фотія“, „Торжественное засѣданіе Комиссіи Государственной Обороны“,—съ портретами извѣстныхъ лицъ, „Русскій мужичекъ Пантелей“, „Холмъ Новый Афонъ

на разсвѣтѣ“, и, если не ошибаюсь, указанныя картины написаны художникомъ Недоросткинымъ.

— Да,—сказалъ я,—художникомъ Недоросткинымъ. Я—художникъ Недоросткинъ.

— Чудесный даръ,—замѣтилъ господинъ въ золотомъ пенснэ—и высоко поднялъ голову,—эти именно сюжеты представляются мнѣ самыми возвышенными.

Я рѣшилъ застегнуть сюртукъ на всѣ пуговицы, но сюртукъ не застегивался.

Тогда господинъ прикоснулся пальцами къ пуговицамъ, сюртукъ моментально застегнулся—и господинъ сказалъ:

— Мои сюжеты исполнены преимущественно масляной краской, а отсутствіе времени не позволяетъ приступить къ большимъ работамъ, какъ напримѣръ: „Церковный ходъ“, или „Отвага казаковъ“, или „Сраженный защитникъ отечества“,—но, если позволитъ время, я разовью свой талантъ.

Разговоры объ искусствѣ отнимаютъ много времени а время не ждетъ,—я долженъ быть на выставкѣ, и поэтому вопросъ о цѣнѣ сюртука является своевременнымъ.

— Вѣроятно, этотъ прекрасный сюртукъ не дороже 110—120 руб.?—спрашиваю я.

— Да, приблизительно въ такой цѣнѣ,—говоритъ господинъ и разсматриваетъ билетикъ съ таинственными цифрами,—117 руб. 50 коп. Но вамъ я сдѣлаю значительную уступку. Ваши картины всегда привлекаютъ мое вниманіе.

Входятъ приказчики,—большіе, средніе и маленькіе,—всѣ они любуются статной фигурой покупателя, прикасаются къ моему воротнику и спинѣ,—а другіе сюр-

туки выглядываютъ изъ-подъ коленкоровыхъ покрывалъ, волнуются, напряженно думаютъ и жалуются:—скоро, скоро мы разстанемся съ тобою, дорогой нашъ братъ-сюртукъ.

— Прикажете положить сюртукъ въ коробку?—спрашиваетъ господинъ въ золотомъ пенснэ.

Но я вынимаю часы, разсматриваю цифры, стрѣлки, и громко разсуждаю:

— Въ два—на выставку, въ четыре—обѣдъ у Канкриныхъ, въ шесть—засѣданіе „Общества любителей старинныхъ монетъ", въ восемь—у тетушки на Дмитровкѣ, а въ девять съ четвертью уѣзжаю въ Калугу. Поэтому распорядитесь прислать сюртукъ на квартиру моей дорогой тетушки, гдѣ къ восьми я буду непремѣнно.

Господинъ говоритъ:

— Не откажите указать намъ вашъ адресъ.

И онъ записываетъ:

— Малая Дмитровка, домъ Ланина, квартира генеральши Ольги Евгеньевны Лабинской.

— Мерси.

— Мерси.

Господинъ подаетъ мнѣ пальто, я надѣваю шляпу, спускаюсь по лѣстницѣ, но вдругъ вспоминаю—и оборачиваюсь.

— Прошу васъ не забыть, говорю я,—есть два дома Ланиныхъ,—одинъ № 11, а другой № 13. Моя тетушка живетъ въ домѣ Ланина № 11.

— Мерси.

— Мерси.

Я легко иду по сѣренькому коврику, приподымаю шляпу, на мой поклонъ отвѣчаетъ кассирша съ сѣ-

дыми, высоко приподнятыми волосами, съ книжечкой на цѣпочкѣ часовъ и пятью сторублевыми бумажками въ рукѣ.

На Спиридоновкѣ, вспоминаю я и поднимаю воротникъ пальто, — въ деревянномъ домѣ жилъ прекрасный молодой человѣкъ. Прекрасный молодой человѣкъ беззавѣтно любилъ Шопенгауэра, и тѣ главы, въ которыхъ философъ разсуждалъ объ искусствѣ, вызывали слезы восторга на лицѣ молодого человѣка, и прекрасный молодой человѣкъ много разъ повторялъ: какая радость—жить, какая радость—думать, какая радость—постигать. И—философъ Шопенгауэръ—молодой человѣкъ не сомнѣвался—былъ веселый старикъ, весело свистѣлъ на своей флейтѣ, весело перебиралъ худыми пальцами. Но, однажды, молодой человѣкъ взглянулъ на суровое лицо другого философа—Гартмана, смѣлое, черное съ пышною растительностью,—и молодой человѣкъ захотѣлъ узнать, какъ думалъ этотъ философъ, какъ игралъ на флейтѣ, какъ пилъ, ѣлъ, спалъ и гулялъ по аллеямъ своего города. Оказалось, что философъ Гартманъ, влюбленный въ „Безсознательное", тоже веселый философъ—утромъ расчесывалъ свою бороду, смотрѣлъ въ окно, завтракалъ, обѣдалъ, читалъ, мечталъ, гулялъ и, если шелъ дождь, надѣвалъ калоши. И, оказалось, что два философа—флейтистъ и бородатый — каждый своеобразно понималъ трагическое высокомѣріе вселенной—и, оба они, флейтистъ и бородатый, словно уродливые карлики, разглядывали вершину положительнаго противорѣчія, которое разъединяло ихъ построенія. И надъ двумя построеніями выросла корона—мѣдная, съ побрякушками и, мудрая, вѣнчала двухъ шутовъ: аккуратнаго флейтиста и

самоувѣреннаго, какъ ребенокъ, мужа съ густой бородой. А прекрасный молодой человѣкъ загрустилъ, потомъ уѣхалъ на Волгу, писалъ письма роднымъ, восклицалъ:—какая радость—жить, какая радость—думать, какая радость—постигать. А потомъ бросился внизъ головою съ высоты волжскаго утеса—и своимъ паденіемъ оправдалъ тѣ лживые парадоксы, которые просвѣчивали сквозь канву веселаго ученія двухъ остряковъ. Бѣдный молодой человѣкъ!

Но вотъ модистка M-me Генріетта Бозанкуръ.

Боже мой! Я забылъ, что на землѣ живетъ модистка Генріетта Бозанкуръ, шьетъ платья, рубашки и подвѣнечные уборы. Много разъ я гулялъ по этой улицѣ, смотрѣлъ на изящную вывѣску Бозанкуръ, на стекла оконъ, на пунцовыя юбки, бѣлыя кофточки,—и все же забылъ, совершенно забылъ, что модистка Генріетта Бозанкуръ живетъ на землѣ. Непростительная разсѣянность! Вѣдь я женюсь! Конечно, женюсь! Кто смѣетъ утверждать, что я не люблю свою невѣсту? Кто? Пусть только посмѣетъ!

Тра-ля-ля, тра-ля-ля,—ахъ,—тра-ля-ля.

Мадамъ Генріетта Бозанкуръ—вы очаровательны. Я въ восторгѣ! Ваша маленькая бородавка на щекѣ уже сошла почти на нѣтъ, и этотъ пластырь — изобрѣтеніе ловкаго провизора, сдѣлала маленькую бородавку совершенно незамѣтной. Я страшно радъ. Я вижу дѣла Генріетты Бозанкуръ идутъ великолѣпно. О, вашъ вкусъ,—вашъ вкусъ! А ваши помощницы?— эти глазки, эти губки, это наивное удивленіе, наконецъ, эти сантиметры, черные фартучки, кожаные поясы и ботинки съ пуговичками. Вы, сударыня, волшебница. Я патріотъ—и горжусь, что моя страна пріютила вашъ талантъ,

вашъ геній, сударыня,—и жалкіе куски бѣлаго батиста, широкія ленты голландскаго полотна—черезъ часъ—нѣжнѣйшіе уборы, перевязанные голубыми ленточками,—гофрированныя рубашки, пышныя юбки съ трехэтажными складочками и легкимъ кружевомъ, обрамляющимъ ихъ подолъ.

Тра-ля-ля, тра-ля-ля, ахъ, тра-ля-ля.

— Васъ, сударыня, интересуетъ мой вкусъ, и вы теряетесь въ догадкахъ? Мадамъ Бозанкуръ—я хочу перерыть весь магазинъ. Хочу встряхнуть всѣ рубашки, юбки, кофточки, я ищу уборы коронованныхъ повелительницъ, сестеръ Наполеона 1-го—знаете-ли?—сестеръ Наполеона I-го, милаго сумасброда, который сломалъ шею о русскій верстовой столбъ. Я ищу носовые платки съ мѣтками принцессъ, графскія покрывала, княжескіе балдахины,—моя невѣста чудная сказочная дѣвушка, у нея прозрачныя руки, нѣжный станъ, ступни, какъ у Мадонны, склоненная голова,—и она говоритъ:

— Чѣмъ больше люблю тебя, тѣмъ больше страдаю. Смотри: дрожатъ мои руки, дрожатъ ноги, я вся дрожу—и боюсь приблизиться къ тебѣ. Милый мой, милый! Какъ люблю я тебя! Какъ люблю!

Мадамъ Генріетта Бозанкуръ,—вы говорите:—нѣтъ уборовъ—и совѣтуете навести справки у мадамъ ле-Бланъ. Сударыня, я патріотъ, я преклоняю колѣна передъ вашимъ геніемъ,—и не поѣду къ мадамъ ле-Бланъ.

Мадамъ Бозанкуръ вздыхаетъ и проводитъ рукою по лбу.

— Можетъ быть, вамъ нравятся эти покрывала?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ, сударыня.

— Можетъ быть, эти?

— Тоже нѣтъ.

— А легкія кофточки?

— Покажите.

Бѣдная мадамъ Бозанкуръ! Вамъ грустно,—да?—Но, что же дѣлать? Я теряюсь.

— Ваша невѣста худенькая?—спрашиваетъ она.

— Нѣтъ.

— Слѣдовательно, полная, высокая?

— Тоже нѣтъ.

— Странно...

— Моя невѣста, сударыня, чудная дѣвушка. Она и не худенькая, и не полная, она тихо вздрагиваетъ, прикасаясь ко мнѣ,—уходитъ и, уходя, прикасается. На волосахъ чудной невѣсты—шелковая косынка, и во всемъ мірѣ нѣтъ такихъ уборовъ, которые достойны служить ей. Она застѣнчива и любитъ меня и, любитъ меня, подымаетъ руки къ небу, молится, проситъ у Бога снять тяжесть любви, и проситъ—не снимать тяжести во вѣки вѣковъ.

Мадамъ Бозанкуръ стучитъ пальцами по коробочкѣ сантиметра и смотритъ на меня въ упоръ.

А потомъ говоритъ M-elle Полинѣ, веселой барышнѣ съ красными губами:

— Этотъ господинъ раскачивается изъ стороны въ сторону. Или у него болятъ ноги, или кружится голова, или...

— Да, да, сударыня,—у меня кружится голова, вы очень проницательны. Сегодня я совершилъ очень утомительную прогулку: былъ у Митрополита Московскаго и Коломенскаго, просилъ Митрополита обвѣнчать меня съ княжной Венеціановой, и мои ноги уже отказыва-

ются служить. Буду весьма вамъ признателенъ, если M-elle Полина укажетъ мнѣ стулъ.

О, мадамъ Бозанкуръ сразу догадалась, что у господина болятъ ноги!

— Полина, стулъ! — скомандовала она.

И Полина подала мнѣ стулъ.

Теперь мадамъ Бозанкуръ знаетъ, что дѣлать.

Она вынула красное шелковое покрывало и сказала:

— Вы женитесь на княжнѣ Венеціановой,—и красное покрывало должно украшать вашу постель. Вотъ вензеля, вотъ коронки, и, легкое, оно нѣжно прикасается къ новобрачнымъ. Роскошное покрывало.

— Да, роскошное покрывало, — подтвердилъ я, и, склонивъ голову, началъ любоваться покрываломъ.

Мадамъ Бозанкуръ смотрѣла на меня и думала:— какъ онъ похожъ на господина фонъ-Бубекъ, а я смотрѣлъ на мадамъ Бозанкуръ и думалъ: — какъ она похожа на женщину-врача Аглаю Верхоглядцеву.

И я сказалъ ей:

— Сама судьба толкнула меня переступить порогъ вашего магазина, сударыня. Честь имѣю кланяться.

А мадамъ Бозанкуръ отвѣтила:

— Кто приходитъ ко мнѣ, не возвращается назадъ съ пустыми руками. Полина,—затворите дверь!

На улицѣ у меня закружилась голова и я настойчиво повторялъ какое-то стихотвореніе Виргилія, въ которомъ поэтъ воспѣвалъ радости сельской жизни, а потомъ мнѣ захотѣлось смѣяться—и я сказалъ:

— Тря-ля-ля, тра-ля-ля, ахъ, тра-ля-ля.

О! Какъ хочется смѣяться, лгать, смотрѣть въ плутовскіе глаза, грозить пальцемъ, опустить руку въ карманъ, вынуть кошелекъ, подбросить кошелекъ вверхъ,

еще разъ подбросить, спрятать кошелекъ въ карманъ, свистѣть, рычать, кашлять, сморкаться и опять лгать, лгать, лгать.

Мои глаза бѣгали по улицѣ, какъ собаченки, искали какую-нибудь забавную, нелѣпую, жалкую фигуру, и, конечно, на углу двухъ улицъ я увидалъ Игоря Филиппова,—онъ держалъ подъ мышкой зонтикъ и читалъ огромную афишу.

Игорь Филипповъ зналъ всѣ злыя дѣла, всѣ злыя мысли, всѣ злыя желанія, не зналъ добрыхъ—и гордился своимъ незнаніемъ. Его глаза, какъ піявки, впивались въ глаза людей, высасывали кровь тайныхъ мыслей, онъ улыбался, чесалъ носъ кончикомъ мизинца и разсматривалъ черный зонтикъ.

— А,—закричалъ Игорь Филипповъ,—куда?

Я снялъ одну перчатку, потомъ снялъ другую и сказалъ:

— Поздравьте меня,—я женюсь.

Игорь Филипповъ просіялъ и сказалъ:

— О, я сразу сообразилъ, что вы собираетесь жениться,—у васъ скорбное выраженіе лица.

Но я отвѣтилъ:

— Мнѣ весело,—поздравьте меня.

Игорь Филипповъ крѣпко сжалъ мою руку и спросилъ:

— На комъ?

— На княжнѣ Венеціановой.

— Богата?

— Семьсотъ тысячъ,—отвѣтилъ я.—Два дома въ Москвѣ, на Большой Молчановкѣ и Садовой; два дома въ Петербугѣ, дача въ Крыму и черноземное кіевское имѣніе.

— Молодчина, — закричалъ Игорь Филипповъ, — право, молодчина!

И, такъ какъ Игорь Филипповъ видѣлъ человѣческую душу насквозь, онъ замѣтилъ:

— Вы должны были рано или поздно жениться на княжнѣ Венеціановой. Несомнѣнно!

— Почему?—спросилъ я.

Но онъ не отвѣтилъ мнѣ—почему—и замѣтилъ:

— Вы водили всѣхъ насъ за носъ, разыгрывали неприступнаго, и, кажется, занимались хиромантіею.

— Ошибаетесь,—сказалъ я.—Не хиромантіею, а гомеопатіею—и въ четвергъ на прошлой недѣлѣ прочелъ въ музеѣ лекцію о гомеопатіи.

— Хиромантія или гомеопатія—все равно,—закричалъ Игорь Филипповъ,—но вы водили всѣхъ насъ за носъ. Мы думали, вы пустите ракету, зажжете испанское солнце, и все такое прочее, а теперь — семьсотъ тысячъ и двѣсти домовъ.

Я подмигнулъ, щелкнулъ языкомъ и сказалъ:

— Красавица, брюнетка, маленькая ножка, высокій бюстъ, широкій торсъ, и глаза итальянки. Влюблена по уши! Что, каково?

Игорь Филипповъ тоже подмигнулъ, щелкнулъ языкомъ и замѣтилъ:

— Счастливецъ! Вамъ везетъ.

А я началъ разсказывать:

— Послѣ свадьбы мы открываемъ народный университетъ. Главное вниманіе обращаемъ на музыку и юридическія науки, для народа собираемъ дорогую библіотеку, а для дѣтей народа—устраиваемъ фребелевскіе сады, желающіе изучаютъ астрономію, хиромантію и гомеопатію, передаемъ народный университетъ подъ

покровительство военнаго вѣдомства, и приглашаемъ почетнымъ предсѣдателемъ персидскаго шаха. Однимъ словомъ, Игорь Филипповъ, — мы будемъ работать, да-съ, мы будемъ работать.

Игорь Филипповъ смотритъ на меня съ удивленіемъ и говоритъ:

— Вы сумасшедшій.

Но я отвѣчаю:

— Ошибаетесь. Я—un peu farouche, русскій—un peu farouche, который сорвался съ цѣпи и можетъ наговорить дерзостей.

И, расхохотавшись, я сказалъ:

— Милѣйшій другъ, вы, конечно, знаете, что могъ бы думать, но не думаетъ турецкій философъ-астрономъ, которому султанъ далъ порученіе слѣдить за русскими восходящими звѣздами и мгновенными кометами?

Игорь Филипповъ подумалъ и сказалъ:

— Турецкій философъ могъ бы думать, что кометы летятъ изъ Турціи — его родины, но онъ не хочетъ такъ думать. Философъ-астрономъ думаетъ, что весь вашъ порохъ отсырѣлъ, и погибли наши ракеты.

— Справедливо! — сказалъ я, расхохотался и пошелъ домой.

Надо лгать, лгать и лгать, повторялъ я. Надо лгать и притворяться, что ты лжешь, надо сидѣть и притворяться, что ты сидишь, надо жить и притворяться, что ты живешь. Надо умереть и притвориться, что ты умеръ.

— Великолѣпно!—воскликнулъ я,—умереть и притвориться, что ты умеръ.

Я взялъ въ руки букетъ цвѣтовъ, стебельки букета

были перевязаны веревочкой, я забылъ ее развязать и нѣкоторые цвѣты уже поблекли. Я развязалъ веревочку, склонилъ лицо къ букету и крѣпко сжалъ вѣки своихъ глазъ. Мнѣ весело, и я нюхаю цвѣты. Милостивые государи и милостивыя государыни, мнѣ весело— и я нюхаю цвѣты. Но я притворяюсь и мнѣ только кажется, что я нюхаю цвѣты. Цвѣты приподнимаютъ свои головки, тянутся къ лицу, щекочутъ его, цѣлуютъ и жадно вдыхаютъ пряный запахъ желтой кожи моего лица. А я, какъ капризный мальчикъ, встряхиваю головою, улыбаюсь и говорю цвѣтамъ: — не надо цѣловать, не надо цѣловать. Слышите ли, вы, цвѣты-цвѣточки,— не надо.

Я могу сѣсть на диванъ, я могу сѣсть на полъ, какъ турокъ, я могу спрятаться подъ кровать и закричать, какъ кричитъ поросенокъ. Но я притворяюсь и не сяду, не спрячусь подъ кровать, не закричу, какъ кричитъ поросенокъ.

Тра-ля-ля, тра-ля-ля, тра-ля-ля, ахъ, тра-ля-ля.

— Чортъ возьми! Въ Коломну сбѣжалъ I-й департаментъ, и I-й департаментъ притворяется, что онъ засѣдаетъ, обсуждаетъ, рѣшаетъ, подписываетъ, собираетъ свои сборы, казнитъ грѣшныхъ и оправдываетъ достойныхъ. Могу также подтвердить, что видалъ собственными глазами, какъ сбѣжалъ курьеръ I-го департамента, вмѣстѣ съ горничной министра, тайкомъ пробрался въ магазинъ мадамъ Бозанкуръ и купилъ своей подругѣ ярко-желтую люстриновую юбку. Да-съ департаментъ притворяется, увѣряю васъ! И, если вы думаете, что возлѣ подъѣзда I-го департамента на козлахъ пролетки сидитъ старикъ извозчикъ, вы заблуждаетесь. Сидитъ сынишка извозчика Фома-Наивный,

или племянникъ извозчика Никита-Золотое-Зерно, или двоюродный племянникъ извозчика Васенька-Безгрѣшный. И, если вы думаете, что въ пролетку № 13895 садится графъ Пестель и спѣшитъ къ князю Валишевскому, вы опять заблуждаетесь и, конечно, не знаете, что въ пролетку Фомы-Наивнаго садится доцентъ Недотесовъ и диктуетъ адресъ лейбъ-медика Звѣздича. Затѣмъ, я еще кое что знаю. Я знаю, что фельдфебель гренадерскаго полка Иванъ Мушка оказался знатокомъ санскрита. Онъ, каналья, притворялся, съ унтеромъ Лошадиное-Дышло пилъ клюквенный квасъ, въ воскресные, праздничные и высокоторжественные дни шатался по Сухаревой площади, всѣмъ разсказывалъ, что скопилъ 750 рублей и хочетъ торговать синимъ мыломъ. Но, подъ пьяную руку, признался унтеру Дышло, что грѣшитъ санскритомъ и, вообще, можетъ кое что понимать. И, когда обнаружилось, что фельдфебель Мушка грѣшитъ санскритомъ и вообще можетъ кое-что понимать, обнаружилось еще слѣдующее, а именно: Иванъ Мушка—переодѣтый Обри-Броунъ, англійскій спаситель нашей родины; онъ также Федоръ Кузьмичъ, организаторъ новыхъ организацій; онъ также костюмъ имѣетъ красный, а подкладку зеленую, кое-гдѣ пописываетъ, кое-что почитываетъ, на комодѣ граммофонъ „Рикордъ“, въ углу піанино съ машинкой, а на столикѣ портретъ другого Кузьмича—желтаго съ синимъ. Вотъ такъ фельдфебель Иванъ Мушка!

Тра-ля-ля, тра-ля-ля, ахъ, ахъ, тра-ля-ля.

Я держу въ рукахъ будильникъ, но притворяюсь, и выбрасываю будильникъ на улицу. На моемъ пальцѣ сіяетъ золотое кольцо съ брилльянтомъ, но я притво-

ряюсь, снимаю кольцо съ пальца и сверкающее кольцо, какъ золотая пчела, улетаетъ въ открытое окно. Я притворяюсь, милостивые государи и государыни, и черезъ двѣнадцать съ половиною секундъ выброшу свое красивое тѣло на улицу—и тамъ на камняхъ услышу, какъ тикаетъ будильникъ, и тамъ на камняхъ содрогнусь передъ лучезарнымъ блескомъ обручальнаго кольца.

Я притворяюсь, друзья мои,—я притворяюсь.

Я сижу въ саду Михаила Алексѣевича Пастухова и пью чай. Жужжатъ мошки, маленькая крестница прижалась къ моимъ колѣнамъ, гладитъ мои руки, а я говорю: — Дорогая страна, дорогая родина, только ты одна знаешь такіе пышные восходы, такіе пышные закаты. Благословляю тебя, край родной.

И, если вы утверждаете, что я умираю, — вы, конечно, заблуждаетесь. Я порхаю, какъ стрекоза, мои крылышки звенятъ, мелькаютъ въ воздухѣ, я—чудный человѣкъ, я—ласковый человѣкъ, я—нѣжный человѣкъ, и каждая слеза моя—чистѣйшій бриллянтъ.

Знаю: если золотымъ гребнемъ расчесать русые волосы дѣвушки, засверкаютъ алмазныя искры, пышныя волны разбѣгутся по мраморнымъ плечамъ, красавица прильнетъ, обовьетъ шею руками и скажетъ: — мнѣ холодно, я вся дрожу, обними меня, прижми.

— О, чудная радость! О солнце, весна моя, пташка

Тра-ля-ля, тра-ля-ля, ахъ, тра-ля-ля.

Восторгъ! Я покачнулся, я упалъ,—какъ смѣшно, какъ смѣшно, я крѣпко держу руками бѣшеное сердце, а изъ сердца бьетъ фонтаномъ струя алой крови, и такъ весело, такъ радостно, и пурпурное солнце грѣетъ меня. Я—огромный, я—чудный, я—ласковый, я—нѣж-

ный, я—рыцарь вашъ!—Коня мнѣ, коня! Я что-то знаю, что-то знаю. Захочу—скажу, захочу—не скажу. Вотъ какъ. Да.

А въ дверяхъ стояла дѣвушка съ голубыми глазами, въ широкой бѣлой шляпѣ, въ сѣрой кофточкѣ съ бархатнымъ воротникомъ, смотрѣла на меня и шептала:—Бѣдный мой мальчикъ, бѣдный! Что онъ сдѣлалъ! Что онъ сдѣлалъ!

СМЕРТИ.

Смерти.

Ich möchte weinen, doch ich kann es nicht,
Ich möcht' mich rüstig in die Höhe heben-
Doch kann ich's nicht; am Boden muss ich kleben
Umkrächtzt, umzischt von eklem Wurmgezücht.
H. Heine. Buch d. Lieder.
(Junge Leiden).

I. ЭТА ИСТОРІЯ.

Такъ она—эта исторія — случается часто. Утромъ открываютъ дверь,—впрочемъ, нѣтъ,—сначала стучатъ указательнымъ пальцемъ одинъ разъ, два, три, а можетъ быть и тридцать три, а потомъ, не получая отвѣта, открываютъ дверь или взламываютъ ее, потомъ входятъ въ комнату и видятъ нѣчто безобразное: онъ или она лежатъ мертвые, много крови, окно или прикрыто занавѣской или широко открыто, и тогда слышно, какъ свиститъ шарманка, какъ щебечетъ птичка, и видно, какъ дымъ валитъ изъ трубы сосѣдняго дома, на столѣ догорающая свѣча, въ комнатѣ безпорядокъ,—

и, главное, такъ все непривѣтливо, особенно это странное чужое мертвое тѣло. А впереди хлопоты: надо куда-то ѣхать, кого-то звать, надо что-то заказывать, торговаться, смотрѣть въ чьи-то глаза, слушать чьи-то причитанія, вздохи. Потомъ эти молитвы, этотъ колокольный звонъ, потомъ эти перекрестки, гдѣ останавливается печальная процессія,—а собачонки обнюхиваютъ поповъ и виляютъ хвостиками; потомъ эти дождливыя тучи, которыя всегда не во-время изливаютъ свои хляби; потомъ черная дыра, такая глупая и такая, по совѣсти говоря, скучная; а потомъ, наконецъ, эти всѣмъ пріѣвшіяся мысли о безсмертіи, о тлѣнѣ, о поповскихъ молитвахъ,—о чирикающихъ птичкахъ, объ облакахъ и скромныхъ елочкахъ, о ночной зимней стужѣ, которая будетъ крутить свои вихри надъ землею и будетъ завывать страшными голосами,—однимъ словомъ, самая скучная, самая глупая и самая обыкновенная исторія. И—что эта исторія такая скучная и такая обыкновенная, одинъ умный человѣкъ — Александръ Максимовъ — зналъ хорошо и радовался своему знанію.

Каждую обыкновенную исторію онъ старался перехитрить и старался посмѣяться надъ нею. Поэтому, когда у него въ карманѣ было только двадцать копеекъ, онъ покупалъ пунцовую розу за пятнадцать, когда шелъ проливной дождь, онъ обнажалъ голову и смотрѣлъ на грозовыя облака, когда подъ Пасху звонили колокола, онъ въ десять часовъ ложился въ постель; когда порогъ его комнаты переступала любимая дѣвушка, онъ подходилъ къ ней и цѣловалъ только одинъ ея мизинецъ съ алмазнымъ колечкомъ; а, когда мать, разставаясь, висла на его шеѣ, онъ говорилъ

ей:—„Эхъ, ты, старая, старая, будетъ, не грусти. Дастъ Богъ, когда-нибудь свидимся“.—И, закуривъ папиросу, садился въ тарантасъ и, не оглядываясь, уѣзжалъ со двора.

И вотъ теперь, когда пробилъ второй звонокъ и уже ржутъ кони, которые должны отвезти его въ тотъ край, откуда никто не возвращался, опять приходится хитрить и долго настойчиво думать. „Максимовъ, Максимовъ,—говорилъ онъ,—придумай что-нибудь новенькое, придумай!“ Но на этотъ разъ новенькое убѣгало отъ Максимова, и, чѣмъ больше думалъ онъ, тѣмъ становился печальнѣе, а потомъ рѣшилъ не думать—и плюнуть. Онъ плюнулъ, вынулъ платокъ изъ кармана и вытеръ губы.

Но въ это время начинался прекрасный разсвѣтъ лѣтняго дня, и Максимову сдѣлалось немножко стыдно, что онъ такъ грубо оскорбилъ своимъ плевкомъ восходящее вѣчное свѣтило.

Вѣчное свѣтило легко и радостно подымалось изъ-за какихъ-то морей, океановъ, изъ-за горъ, покрытыхъ снѣгомъ, пустынь съ верблюдами, изъ-за малороссійскихъ хатокъ, изъ-за кіевскихъ луговъ и, сіяющее, всегда юное, всегда свѣжее и радостное съ упрекомъ смотрѣло на чудака Максимова, который хотѣлъ разстаться съ жизнью.

Солнце говорило:

— Смотри, Максимовъ, смотри, Максимовъ, я освѣщаю землю, я зажигаю ее огнемъ, а въ черной землѣ холодно и страшно. Тамъ ползаютъ могильные жуки, тамъ бѣлыя доски и—негдѣ повернуться.—И вдругъ солнце сказало,—не Максимовъ, а—Александръ, потомъ еще тише: Саша,—сказало совсѣмъ такъ, какъ когда-

то говорила его мать:—Саша, Сашечка, Сашуня, мой милый Сашуня, мой милый, бѣлоголовый мальчикъ, мой шалунишка.

И, вдругъ, все утро, всѣ причудливыя краски разсвѣта, вмѣстѣ съ птицами, заплакало и начало причитать:—Сашуня, мой милый Сашуня, бѣлоголовый мальчикъ, шалунишка смѣшной. Сашуня, Сашуня, Сашуня.

Это было нелѣпо.

— Нелѣпо,—громко сказалъ Максимовъ и поднялся съ мѣста.

А потомъ онъ началъ разговаривать съ собою.

Вотъ его вопросы и отвѣты:

— Ты когда родился?

— 17 іюля 1877 года.

— Чудесно. Вѣдь 77-й годъ былъ противный годъ?

— Очень противный: тогда было убито многое множество людей, какъ и въ 55-мъ и въ 12-мъ, да и потомъ, послѣ 77-го. И людская подлость обнаружилась, какъ обнаруживается роза изъ бутона или бабочка изъ личинки.

— Чудесно. Какія лица были у тѣхъ, которые лежали убитые, и у тѣхъ, которые убивали ихъ?

— У убитыхъ были судорожно сжаты губы, а глаза были открыты и смотрѣли въ небо. И, казалось, что въ небѣ они искали правосудія. Но небо молчало—синее-синее, и въ вышинѣ неба стояло это вѣчное, это коварное золотое свѣтило. А у тѣхъ, которые убили ихъ, были пьяныя, отъ безумія и страха, лица. И то же круглое золотое солнце освѣщало черты этого безумія, этой пьяной радости и равнодушно благословляло убійцъ!

— Какъ страшно это равнодушіе, освѣщающее нелѣпость? Не правда ли?

— Такъ страшно, что, постигнувъ его, уже нельзя жить.

— Чудесный отвѣтъ. А, что случилось послѣ 77-го года—такъ, напримѣръ, въ 81-мъ или въ 83-мъ?

— Въ 81-мъ году мнѣ было 4 года, а въ 83-мъ 6 лѣтъ.

—Ну, это возрастъ еще неразумный — и потому оставимъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, зачѣмъ оставлять? Вѣчное свѣтило каждый годъ и тогда совершало свой оборотъ, и его предательскіе лучи равнодушно обнажали все нелѣпое, въ тѣ годы казавшееся страшно нелѣпымъ. Припоминай, скорѣе припоминай! Кого это убили въ тотъ вечеръ, когда твоя мать играла на рояли—полонезъ Шопена, на столѣ кипѣлъ самоваръ, а ты складывалъ замокъ изъ кубиковъ? Это было страшно. Убили въ сосѣднемъ домикѣ какую-то старуху, убили, чтобы взять золотые, которые были спрятаны у нея въ мѣшочкѣ. Кто убилъ? Ахъ, не важно—кто. Кто-то похожій на того человѣка, который черезъ десять, черезъ сто, черезъ тысячу лѣтъ будетъ говорить, что вѣчное солнце знаетъ, зачѣмъ оно двигается, зачѣмъ сіяетъ и золотитъ мерзость и преступленіе. А, кого убили въ 83-мъ году, когда ты спалъ съ своей постелькѣ и раннимъ утромъ тебя разбудилъ сеттеръ, который взобрался лапами на перекладины постели и лизалъ твои руки? Убили огромную семью и маленькихъ младенчиковъ, какимъ и ты былъ въ то время, а вѣчное солнце освѣщало разбитые черепа и маленькіе бѣлые дѣтскіе мозги.

— Чудесно! чудесно! дальше! Вспоминай: 85-й годъ,

87-й, 91-й, 95-й, 96-й—и такъ дальше, и такъ дальше. Не бойся! Приподыми эту золотую крышку, которую вызолотило вѣчное солнце, и посмотри въ глубину кладовой.

— Я смотрю. Я смотрю и вижу: шумѣли океаны, огромныя бирюзовыя волны перекатывались отъ береговъ стараго свѣта къ берегамъ новаго и пѣли все одну и ту же пѣсню, и внимали этой пѣснѣ тяжелые баркасы, фрегаты, громады изъ дерева и стали. Глупо отчаливали отъ старыхъ береговъ и глупо причаливали къ новымъ. Кто-то смотрѣлъ на жемчужную пѣну и слѣдилъ, какъ днемъ она серебрится, а ночью черная, какъ земля,—и такъ всегда. Я смотрю и вижу: бѣжали рѣки, дремали озера, кто-то ѣхалъ, кто-то мечталъ, но вдругъ вздрагивали озера, бурлили рѣки, и тотъ, кто мечталъ, опускался на дно и грызъ свои пальцы. Фонтаны вздымали струи свои, и струи были голубыя въ лучахъ луны. Кто-то плакалъ, кто-то любилъ; но гдѣ тотъ, кто плакалъ, гдѣ тотъ, кто любилъ? О, ужасъ! 87-й годъ, 91-й, 96-й, 98-й,—можешь переставлять ихъ и размѣщать, какъ хочешь. Словно игрушечные солдатики, эти года связаны одной нитью, имя которой—нелѣпость, золотая нелѣпость, золотая нить, вызолоченная вѣчнымъ солнцемъ. Я вспоминаю: связывались годы—и связались въ ожерелье, въ петлю, которая задушила тебя. Какъ это мило: одинъ годъ разсказалъ, что твоихъ котятъ выбросили въ рѣку, чтобы они не пищали, и золотое солнце благословляло ихъ смерть; другой годъ, что когда ты, маленькій, плакалъ, твои слезы видѣли только стрекозы да пышные красные цвѣты, на лепестки которыхъ капали эти слезы; третій годъ, что папа не любитъ маму и что въ классѣ тотъ имѣетъ силу, у кого большой кулакъ; четвертый

годъ—путь въ сказочное царство очень труденъ, и далеко не всѣ тѣ, кто пишетъ занимательные разсказы, можетъ перевезти въ сказочное царство; пятый годъ—уже одиночество маленькаго сердца; шестой годъ — первая мучительная любовь; седьмой годъ — первая мерзкая любовь. А потомъ: болѣзни, разочарованія, бѣдность, враги, неудачи—и вездѣ глаза, глаза, глаза, — огромные, блестящіе въ лучахъ вѣчнаго солнца и такіе же равнодушные, какъ само это солнце. Потомъ улыбки и улыбочки, слова и полуслова, намеки и полунамеки, дѣла и дѣлишки, обѣщанія, пожатія холодныхъ липкихъ рукъ, плотно закрытыя двери съ бронзовыми ручками, за которыми сидитъ кто-то мерзкій, тучный волосатый, со звѣздою и глазами Василиска. Я вспоминаю! Огромная пустая комната—это, можетъ быть, было вчера—вѣчное солнце пылаетъ всѣмъ своимъ жаромъ, а ты одинъ въ этой комнатѣ—свободный свободный! Свободный видѣть прошлое и слышать шумъ океана, который перекатываетъ свои волны отъ старыхъ береговъ къ новымъ, безъ смысла и цѣли. Свободный вспоминать рядомъ съ картинами Рубенса, скульптурой Микель Анджело, трагедіями Шекспира котятъ, выброшенныхъ въ рѣку. Свободный, свободный видѣть тучныя нивы съ колосящимся хлѣбомъ, вызрѣвающимъ подъ вѣчнымъ солнцемъ для рабовъ, у которыхъ не было глазъ, когда капали твои слезинки на пунцовые цвѣты, когда мать страдала отъ упрековъ отца, когда ты позналъ первую мерзкую любовь тѣла и бился головой о каменныя стѣны, когда бѣдность пожирала твое тѣло. Свободный, свободный въ пустой комнатѣ—въ блескѣ вѣчнаго солнца—думать такъ же о будущемъ, какъ думалъ о прошломъ.

А вѣчное солнце разгоралось все ярче—и ярче, и все громче и громче говорило:

— Саша, Сашуня, мой милый Сашунечка, мой бѣлоголовый мальчикъ, мой шалунишка, — говорило совсѣмъ такъ, какъ говорила мать Максимова, когда купала его въ корытѣ съ тепловатой водою.

И, вдругъ оно засіяло всѣми своими лучами, посмотрѣло прямо круглымъ лицомъ въ лицо Максимова и, вмѣстѣ съ птицами, вмѣстѣ съ голубыми, розовыми и красными полосами неба, сказало:

— Саша, Сашунечка, голубчикъ мой, отложи эту исторію, отложи, ну, хотя бы, до завтрашняго утра. И весь день въ награду я буду посылать тебѣ свое тепло, весь день вокругъ тебя, какъ всегда, будутъ шумѣть и смѣяться люди, весь день будетъ биться жизнь, позлащенная моими лучами.

Тогда Максимовъ улыбнулся, подсѣлъ къ столу и однимъ взмахомъ пера написалъ отвѣтную записку солнцу.

Вотъ эта записка:

„Сегодня, когда часы пробьютъ 12, ты, вѣчное солнце, загляни въ это окно. Посмотри на мое лицо и скажи себѣ: онъ тотъ, который, когда у него было двадцать копеекъ въ карманѣ, покупалъ яркую розу за пятнадцать; онъ тотъ, который цѣловалъ только одинъ мизинецъ руки дорогой дѣвушки,—онъ тотъ, который не любилъ скучныхъ исторій и уходилъ отъ нихъ. Послѣзавтра опять посмотри и опять повтори десятокъ этихъ словъ. И черезъ три дня загляни и опять повтори. Но знай, что повторяешь послѣдній разъ, такъ какъ къ вечеру третьяго дня мое тѣло будетъ въ сырой землѣ, а душа далеко далеко, тамъ, куда не

достигаютъ лучи твоего круглаго, глупаго, золотого солнца".

И Максимовъ улыбнулся, радуясь, что такъ просто и незамѣтно подошелъ къ концу этой скучной исторіи.

А, когда солнце поднялось еще выше и гдѣ-то закричалъ проснувшійся ребенокъ, онъ совсѣмъ покончилъ съ этой исторіей и притаился на своей постели съ опущенными руками, опущенной головою и подогнутыми подъ себя ногами.

И, когда постучали въ его дверь одинъ разъ, два, три, а, можетъ быть, и тридцать три, а потомъ вошли, и за вошедшими хлынулъ потокъ лучей вѣчнаго солнца, кто-то сказалъ:

— Онъ умеръ.

И на далекихъ башенныхъ часахъ колоколъ ударилъ двѣнадцать разъ.

2. НЕНАВИСТЬ.

Отъ ненависти къ той жизни, которую онъ самъ влачилъ и которую влачили другіе, онъ годъ блѣднѣлъ и худѣлъ. И, наконецъ, сталъ похожъ на мертвеца съ ввалившимися щеками и остановившимися глазами.

— Ненависть! — кричали это короткое слово всѣ дома, всѣ улицы, всѣ тумбы, деревья бульваровъ и камни мостовой.

— Ненависть! — кричали платья, сапоги, папиросы, записныя книжки, воротнички, запонки и гребешки.

— Ненависть!—кричали друзья, любимыя дѣвушки, даже маленькія крохотныя дѣти съ голубыми глазами, голубыми ленточками въ золотистыхъ волосахъ.

— О, земля, земля!—воскликнулъ онъ,—когда же, наконецъ, ты перевернешься вверхъ ногами! О, проклятая, старая земля, когда же, наконецъ, ты скажешь настоящія слова, свалишь скалы свои на ничтожество, погубишь его и взломаешь ледъ на рѣкахъ радости, истины и красоты?

Но молчала земля.

Круглая, черная, шарообразная, она катилась вокругъ солнца, равнодушная къ крикамъ несчастныхъ безумцевъ съ лицомъ чернѣе сухой земли. И всѣ дни ея угасали одинъ за другимъ, падали въ какую-то пропасть, опускались, и оставалась одна зола дней: огромныя рукописи, гдѣ бѣдные люди набрасывали свои отвѣты на загадки жизни, памятники искусства, гдѣ они копировали ненавистную жизнь, дворцы и лачуги, въ которыхъ ютились они—бѣдные люди,—и цѣлое море всякихъ нечистотъ, которыя прѣли подъ солнцемъ и отравляли воздухъ грядущихъ поколѣній.

И все было такъ же, какъ бывало раньше, и всѣ любили, какъ любили раньше, всѣ плакали, какъ плакали раньше, и всѣ скучали, какъ скучали раньше.

А онъ, у котораго было такое звучное имя—Клавдій, онъ, у котораго были знатные предки, и эти предки знали свои радости,—не худшія и не лучшія радостей его дней, онъ—аристократъ съ длинными бѣлыми пальцами, какіе были у его предковъ, и эти пальцы не спасли предковъ отъ горя, страданія и смерти, — онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, получалъ письма, надѣвалъ костюмъ—такъ же, какъ пили, ѣли, спали, надѣвали костюмы люди, которые жили о бокъ съ ними, кашляли по ночамъ, а утромъ вытирали слезящіеся глаза.

— Проклятіе!—говорилъ онъ,—я хочу познать новыя

мысли, новыя ощущенія, я готовъ заплатить цѣною всей жизни за крошечный кусочекъ истиннаго откровенія, но хочу, чтобы этотъ кусочекъ былъ всецѣло моимъ, только моимъ.

И, вставъ отъ стола, гдѣ ему подавали обѣдъ—супъ, холодную осетрину, потомъ бифштексъ, потомъ сладкое и кофе, а въ графинчикахъ было красное и бѣлое вино,—онъ уходилъ въ свою комнату и говорилъ:

— Клавдій, Клавдій,—милый юноша, тускнѣющій изо дня въ день, слабый, блѣдный сынъ своихъ предковъ, съ длинными пальцами выхоленныхъ рукъ,—рѣшай, какъ быть дальше: и предки твои были красивы, жили богато, ѣли сытно, а послѣ обѣда шли въ свою комнату и отдыхали. Ну, и что же? Какую завѣсу приподняли они? Что увидали они? Что исторгло живой восторгъ изъ ихъ сердца? О, Клавдій, Клавдій, — милый юноша, тускнѣющій изо дня въ день, изо дня въ день?

И онъ говорилъ:

— Сейчасъ, сейчасъ я долженъ сдѣлать что-то большое, сейчасъ, сейчасъ я долженъ оправдать свою жизнь, оправдать свое право на жизнь.

Но на легкихъ крылахъ на его плечи опускалась не богиня-фонтазія, не богиня-творчество, а сѣрое разочарованіе и начинало давить его плечи. Подобно загадочной птицѣ Фениксу, такой же большой, такой же крылатой, такой же мудрой въ своей загадочности, оно—разочарованіе—шуршало своими крыльями, а голова Клавдія склонялась все ниже и ниже на грудь и долго, долго не подымалась.

— Проклятіе!—говорилъ онъ на слѣдующій день,— я долженъ разгадать загадку, которую предложилъ

мнѣ творецъ, я не смѣю не разгадать ее!—И возбужденный, больной, онъ приказывалъ сѣдлать коня, вскакивалъ на сѣдло, упирался ногами въ стремена, и мчался туда, гдѣ въ тишинѣ распускались цвѣты, стояли лѣса и журчали сладкозвучные ручьи.

Огромный воздухъ окружалъ Клавдія, волны вѣтра трепали его волосы и, казалось, такъ радостно пѣли птицы, такъ радостно вздымалась пыль изъ-подъ копытъ его скакуна, такъ радостно горѣло червоннымъ золотомъ все поле, и каждая былинка казалась золотою.

— Клавдій, молодой Клавдій! — восклицалъ онъ, приподнявшись на стременахъ, обнаживъ голову и запрокинувъ ее. — Клавдій, Клавдій, здѣсь ты видишь самого Бога, Клавдій, Клавдій, здѣсь Богъ услышитъ исповѣдь твоего сердца. Постарайся, Клавдій, хорошо говорить, постарайся молиться.

И онъ складывалъ молитвенно руки и говорилъ странныя слова. Конь фыркалъ ноздрями, стучалъ копытами, въ канавахъ и бороздахъ кричали перепела, шли странники, а Клавдій въ религіозномъ экстазѣ говорилъ:

— Если слабъ я, пусть тогда разсыпется та земля, на которой стоитъ мой конь, и пусть поглотитъ меня эта земля. Если мерзокъ я, пусть птицы сядутъ на мою голову и выклюютъ мои глаза. Если не подлъ я, не мерзокъ, не ничтоженъ, то дай мнѣ то познаніе, которое я такъ жадно ищу, ищу и не нахожу. И я познаю, что ты справедливъ. Но и отвергаю и не принимаю половины твоихъ истинъ, потому что не нужны онѣ мнѣ, какъ не нужны были отцамъ моимъ и не будутъ нужны дѣтямъ моимъ.

И опять мчался конь его, а за конемъ летѣла страш-

ная птица, подобная птицѣ-Фениксу, и было у этой птицы имя—Разочарованіе.

— Проклятіе!—восклицалъ онъ черезъ два дня и черезъ три,—я не могу больше задыхаться въ каменныхъ тюрьмахъ съ желѣзными рѣшетками.

Свобода! Свобода! Пусть рухнутъ стѣны, пусть падутъ крыши, пусть откроется все небо отъ края до края, усѣянное звѣздами съ грядами пушистыхъ облаковъ. Но нѣтъ: все было такъ, какъ было и раньше, при предкахъ его, при предкахъ его предковъ,—и такъ по нисходящей линіи чуть ли не до перваго человѣка.

— Свобода! Свобода!—кричалъ онъ.—Пусть не останется камня на камнѣ, пусть все будетъ новое, пусть сгинетъ прахъ всѣхъ прежнихъ заблужденій, ошибокъ, и встанетъ новая радость, новое счастье.

Онъ кричалъ и бѣгалъ взадъ и впередъ изъ угла въ уголъ.

Но то старое, которое онъ проклиналъ, смотрѣло на него и, злобное, отвѣчало ему своимъ крикомъ.

— Ненависть!—кричали стѣны, камни, двери, окна, полы и потолки.

— Ненависть!—кричали бездѣлушки на столѣ, карандаши, линейки, книги, бумаги, письма, галстуки, запонки, воротнички, манжеты.

— Ненависть!—кричали портреты бабокъ, дѣдовъ, тетокъ, дядей, портреты милыхъ дѣвушекъ и даже дѣтей съ голубыми ленточками въ золотистыхъ волосахъ. И, когда дальше слушать крикъ этихъ враговъ онъ уже не могъ, Клавдій вскочилъ на подоконникъ, широко раскрылъ шторы и бросился изъ окна пятаго этажа внизъ на мостовую.

И послѣдній взглядъ Клавдія былъ обращенъ на

шторы, которыя всегда коробились своими складками. Онѣ были тяжелыя, блѣдно-кремовыя, подбитыя ярко-желтымъ шелкомъ. И, если было открыто окно, и день былъ вѣтреный, онѣ тяжело то подымались, то опускались, какъ подымается и опускается грудь человѣка. Свѣтъ, проникавшій сквозь эти шторы, былъ какой-то молочный, и этотъ свѣтъ всегда разсказывалъ Клавдію о его первой любви, когда онъ стоялъ на колѣняхъ и жарко цѣловалъ любимую дѣвушку.

3. ПОЛУТЕМНЫЯ КОМНАТЫ.

Полутемныя комнаты со всякими сундуками, шкафими, зеркалами, кроватями и бѣлыми подушками, старыми лампами, старыми канделябрами, почернѣвшими портретами, геранью на окнахъ, бѣлыми занавѣсками. И въ полутемныхъ комнатахъ живутъ угрюмые люди. Старикъ-отецъ съ сѣдою бородою, тяжелой поступью тяжелыми руками, ногами, тяжелыми мыслями, тяжелыми словами; всегда мрачный, всегда подсчитывающій свои приходы и расходы.

Старуха-мать, полная, въ бѣломъ платочкѣ на головѣ, въ синихъ просторныхъ туфляхъ и вязаныхъ домашнихъ чулкахъ, съ ключами въ карманѣ,—и все ходитъ она изъ одной комнаты въ другую, все ходитъ и думаетъ свои мысли.

И у этихъ тяжелыхъ людей — скромный сынъ, Алексѣй, съ прекрасными голубыми глазами, задумчивый, грустный, нѣжный, какъ цвѣтокъ лотоса, всегда устремляющій свои глаза къ небу, всегда безпокойный въ своей сдержанности, всегда трепетный въ своей тишинѣ.

Страшныя богатства ждутъ его, несчетныя сокровища,—все для него, страннаго, нѣжнаго Алексѣя. Не сегодня—завтра сойдутъ въ могилу тяжелые люди,—старикъ-отецъ и старуха-мать,—и призовутъ тогда всѣ сокровища, всѣ богатства своего единственнаго хозяина, нѣжнаго Алексѣя, и скажутъ ему:—Владѣй нами, распоряжайся, какъ знаешь, какъ хочешь, нашъ господинъ, нашъ голубоглазый, нѣжный, какъ цвѣтокъ лотоса, господинъ!

Ахъ, недолго ждать! Можетъ быть, годъ, можетъ быть, полгода, можетъ быть, мѣсяцъ или пять дней, или даже одинъ день.

И—тогда раскроются всѣ окна, всѣ двери, свѣтъ хлынетъ въ полутемныя комнаты, придутъ люди, унесутъ сундуки и шкафы, разломаютъ ихъ, — пыль старыхъ дней подымется густымъ облакомъ. Но растаетъ облако, и не будетъ больше пыли прежнихъ дней.

Онъ—Алексѣй—оклеитъ комнаты новыми обоями, вставитъ въ окна хрустальныя стекла, повѣситъ бѣлоснѣжныя занавѣски, призоветъ прекрасныхъ пѣвцовъ, художниковъ, и полутемныя комнаты огласятся сочными звуками, услышится мудрая рѣчь, вездѣ будутъ возбужденныя лица и лихорадочно-блестящіе глаза.

Ахъ, недолго ждать! За осенью приходитъ зима, за зимою весна, и яркіе дни поютъ свои пѣсни—вездѣ блескъ, вездѣ лазурь, вездѣ жемчугъ, бирюза и золото. Но, почему такъ печаленъ этотъ наслѣдникъ, почему взглядъ его голубыхъ, какъ голубая волна, глазъ устремленъ въ одну точку, почему такъ неподвижно сидитъ у окна или очень рѣдко гуляетъ со сложенными за спиною руками, словно бенедиктинскій послушникъ въ аллеяхъ своего парка, словно инокъ православнаго

монастыря или старецъ-отшельникъ въ знойныхъ пустыняхъ аравійскаго края.

— Ахъ, недолго ждать, недолго! И тогда ему будутъ подвластны не только сокровища полутемныхъ комнатъ, но сокровища всего міра—открытыя взору любопытнаго. И увидитъ онъ: громады Рима, въ колоннадахъ которыхъ синей ночью смотрятъ звѣзды луна—и вмѣстѣ съ луною, звѣздами—подымается, воскресаетъ, оживаетъ, одухотворяется—мудрое, прекрасное и божественное. И увидитъ онъ: цѣлый полкъ людей, изваянныхъ изъ мрамора, цѣлый полкъ людей, нарисованныхъ могучими красками, людей, такъ не похожихъ на людей его страны, построившихъ полутемныя комнаты. И увидитъ онъ фонтаны, сады, озера, горы, увидитъ сіяющія красоты—такія прекрасныя, такія чудесныя въ сравненіи съ красотами его холодной природы.

Ахъ, недолго ждать!

Но, почему такъ печаленъ этотъ нѣжный, стройный юноша съ голубыми глазами и волнистыми волосами, почему все сидитъ онъ на одномъ мѣстѣ и только изрѣдка робкимъ шагомъ проходитъ полутемныя комнаты—съ руками, сложенными за спиною.

Почему?

Слушайте, если не скучно:

Какъ грустно въ комнатахъ того дома, гдѣ умеръ кто-то дорогой. Каждая вещь напоминаетъ о томъ, кто недавно жилъ, дышалъ, спалъ, думалъ и любилъ въ этихъ комнатахъ. Вотъ ручка, которой онъ писалъ свои письма, вотъ карандашъ, который онъ вертѣлъ въ своихъ пальцахъ во время раздумья, вотъ кресло, гдѣ онъ сидѣлъ съ склоненной на грудь головой, или же, поднявъ ее, смотрѣлъ изъ окна на деревья сада и на цвѣты;

а вотъ цѣлый рядъ гравюръ, гдѣ онъ изображенъ ребенкомъ лѣтъ 6-ти съ огромными, ясными глазами, потомъ ребенкомъ 8-ми, 10-ти, 12-ти лѣтъ, а потомъ или гусарскимъ юношей съ саблей на боку, сверкающей каской, или же дѣвушкой въ розовомъ кисейномъ платьѣ, которая собирается на балъ. Ахъ, какъ грустно! И никогда, никогда эти комнаты не забудутъ того, кто жилъ въ нихъ, размышлялъ, любилъ и страдалъ.

Какъ грустно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ убили кого-то среди темной ночи, или на разсвѣтѣ, или вечеромъ пыльнаго лѣтняго дня, когда работники шли съ работы домой, пѣли, кричали, ругались, а колокола призывали во храмъ. Вотъ кровать, на которой убили его, съ бѣлыми подушками, гдѣ за минуту до смерти покоилась его голова. Вотъ стѣна, на которую брызнула кровь изъ перерѣзаннаго горла, или изъ прободенной бѣлой груди. Вотъ коверъ съ пестрыми павлинами и пѣгими лошадьми, что несутся бѣшенымъ галопомъ въ сказочное царство, на который свалился трупъ его и глухо ударился головою о холодный полъ; а вотъ, наконецъ, тотъ шнурокъ—темнозеленый съ кистью, за который онъ ухватился рукою, чтобы позвонить и позвать на помощь,—но только ухватился и не позвонилъ. Ахъ, какъ страшно! И никогда, никогда эти комнаты не забудутъ того, кто жилъ въ нихъ, а потомъ былъ убитъ—и на стѣнахъ комнатъ оставилъ капли алой крови, алой, какъ лепестки розы.

Какъ ужасно въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ кто-то сидѣлъ за рѣшеткой подъ десятью тяжелыми замками, томился въ оковахъ, и днемъ и ночью звенѣлъ длинными цѣпями. Вотъ окно, черезъ стекла котораго онъ

смотрѣлъ на вольное небо, на вольныя облака, на вольныхъ пташекъ, вотъ цѣпи, которыя грызъ онъ, грызъ и днемъ и ночью,—скрипѣло желѣзо, ворчало желѣзо, а онъ все грызъ, грызъ—вотъ ложе, на которомъ вздрагивалъ онъ, на которомъ прислушивался къ бѣгу секундъ, минутъ, часовъ, дней, мѣсяцевъ, годовъ, десятковъ годовъ, — и все слушалъ, слушалъ; вотъ дверь, въ которую онъ стучалъ головою, когда силы оставляли его, когда блекла надежда, когда, казалось, сама смерть подходила къ нему и ужасала бѣлымъ призракомъ; а вотъ, наконецъ, тотъ крючокъ, съ котораго сняли его, когда мозгъ запылалъ краснымъ огнемъ безумія и ужаса, и онъ бросился къ этому крючку, какъ къ якорю спасенія. Ахъ, какъ страшно! Никогда эти комнаты не забудутъ того, кто въ тиши ночи грызъ свои оковы, ломалъ пальцы, слѣдилъ за бѣгомъ секундъ и чувствовалъ, какъ воспаляется его мозгъ и горитъ краснымъ пламенемъ. Никогда! Никогда!

И поэтому слушайте дальше, если не скучно.

Никогда, никогда сыны того народа, котораго убивали въ роскошныхъ палатахъ его полей, его лѣсовъ, съ сокровищами жемчужныхъ озеръ, съ сокровищами луговъ и таинственныхъ рощъ, котораго—могучаго, сильнаго, когда-то бодраго, когда-то отважнаго, посадили на цѣпь, и заковали въ оковы,—никогда, никогда сыны этого народа не забудутъ, не выбросятъ изъ своей памяти тѣхъ сотенъ лѣтъ, тѣхъ тысячъ лѣтъ, когда страдали они, умирали, были избиваемы, сожигаемы, уничтожаемы милліонами, десятками милліоновъ, сотнями милліоновъ. О, ужасъ! Всегда, всегда у дѣтей ихъ будутъ сложены за спиною руки, какъ у бенедиктинскихъ по-

слушниковъ, всегда будутъ ходить они изъ угла въ уголъ и будутъ думать страшныя мысли о страшномъ прошломъ.

Алексѣй, Алексѣй, нѣжный юноша, словно цвѣтокъ лотоса, какъ недолго ждать, какъ недолго ждать! Падутъ стѣны полутемныхъ комнатъ, ворвутся бурнымъ потокомъ золото, тепло, лазурь,—и ждутъ тебя горы съ вѣчнымъ снѣгомъ, моря съ пушистой пѣной—кораблями, ладьями, загадочныя улыбки женщинъ, ихъ объятія, розы ланитъ, обѣщанія, ласки и любовь, любовь, любовь!

— Но, нѣтъ, нѣтъ! А прошлое? Ахъ, это страшное прошлое! Вотъ дворцы богачей, гдѣ жили они въ пурпурныхъ тогахъ, окрашенныхъ кровью своихъ жертвъ, вотъ дворцы, построенные на курганахъ съ костями рабовъ, вотъ камни, на которые склоняли они свои шеи, вотъ мечи стальные, которыми отсѣкали ихъ головы. Вотъ орудія пытокъ, вотъ тиски, застѣнки, вотъ веревки, петли, гвозди, крючки, кошки, подобныя клювамъ хищныхъ птицъ. Вотъ подвалы, ямы — гнойныя, черныя, вотъ подземелья, вотъ башни, гордо вздымающіяся къ небу, а вотъ, наконецъ, все тѣ же лица, отцы которыхъ, дѣды, прадѣды—и такъ дальше, и такъ дальше, строили эти башни, рыли эти ямы, ковали эти цѣпи, точили эти мечи, и вотъ, наконецъ, то же небо, то же яркое небо, которое смотрѣло на преступленія—и на протяженіи тысячи лѣтъ—ни разу не загрохотало гнѣвомъ, не сбросило свои тяжести, не затопило проклятую, преступную землю потоками своихъ ливней и не воспламенило огнями своихъ молній.

— Милый Алексѣй, нѣжный, стройный, какъ недолго ждать, какъ недолго ждать!

— Но, что это? Со сложенными за спиною руками онъ, какъ всегда, подходитъ къ окну и, вдругъ, плачетъ, и слезы струятся по его блѣднымъ щекамъ—и капаютъ на коверъ старыхъ комнатъ. Слезы капаютъ, а онъ все смотритъ въ окно, смотритъ на церковку подъ синимъ куполомъ со звѣздами и высокимъ золотымъ крестомъ, и, кажется, что плачутъ только его слезы, а самъ онъ не плачетъ и тихо думаетъ.

Но, что это? Онъ крестится и, какъ смиренный инокъ, вдругъ опускается на колѣни и молится на крестъ древней церковки.

Но, что это? Онъ открываетъ окно, раздаетъ нищимъ всю свою мелочь, потомъ надѣваетъ длинное пальто съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, такъ рѣзко оттѣняющее блѣдность его лица, и скромною поступью идетъ въ поля, въ лѣса, благословляетъ каждый цвѣтокъ, каждую былинку, каждую козявку, каждаго жучка и бабочку, плачетъ, смѣется, подымаетъ руки къ небу, крестится, молится, опускается на колѣни въ своемъ длинномъ смѣшномъ пальто съ бархатнымъ воротникомъ,—а потомъ вдругъ бѣжитъ страшнымъ бѣгомъ, словно за нимъ мчатся въ блескѣ дня черные призраки прошлаго, прячется подъ какое-то березовое дерево, снимаетъ черное пальто и, покрывъ имъ голову, умираетъ въ самый жаръ и зной лѣтняго дня.

Звонятъ колокола маленькой церкви съ синими куполами, старики — отецъ и мать — ждутъ своего сына, Алексѣя, нѣжнаго, какъ цвѣтокъ лотоса, а гдѣ-то въ лѣсу по черному пальто уже бѣгаютъ муравьи съ бѣлыми подушечками и, любопытные, заглядываютъ подъ бархатъ воротника и думаютъ:—Что тамъ? Что тамъ?

Что тамъ? скажите вы, люди грядущихъ поколѣній, вы, мечтающіе о грядущемъ царствѣ, вы, которые подымаетесь на снѣжныя горы и жадно лобзаете прекрасныхъ дѣвъ въ пурпуровыя уста.

4. ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ КАРТИНА.

Это была величественная картина:

Со свѣчами и фонарями по высокой лѣстницѣ несли трупъ Михаила. За ноги трупъ держали: дворникъ въ бѣломъ фартукѣ и какой-то мальчишка изъ мелочной лавки—въ картузѣ, съ разсѣченной верхней губою, а за плечи—старикъ въ широкополой шляпѣ, дама въ траурѣ и господинъ съ длинными волосами, вѣроятно, завѣдующій однимъ изъ музыкальныхъ магазиновъ. За трупомъ плелись всякіе люди, голоса ихъ бѣжали съ нижнихъ ступенекъ на верхнія, и всѣ они говорили: Несчастный, зачѣмъ онъ умеръ? Несчастный, зачѣмъ онъ умеръ?

А трупъ Михаила вошелъ въ раскрытыя двери и скоро, скоро успокоился на воздвигнутомъ тронѣ.

Прекрасный тронъ! Прекрасный тронъ, на которомъ оскорбленный смертный покоится, какъ самый знатный князь, какъ самый знатный герцогъ, какъ самый могучій царь.

Прекрасный тронъ! Прекрасный тронъ, на которомъ оплеванный смертный покоится, смывши съ себя плевки—гордый, какъ ученый, и тихій, какъ мудрецъ.

Прекрасный тронъ! Прекрасный тронъ, на которомъ разорвавшій свое сердце смертный покоится, познавшій истину, влюбленный, какъ богъ, въ вѣчность и пренe-

брегающій всѣмъ земнымъ, какъ пренебрегаетъ богачъ мѣдными грошами.

А вотъ и убранство трона: золотая парча съ цвѣтами,—лиліями, розами, ландышами и красными—какъ звать ихъ? ну, да все равно,—ярко, ярко-красными цвѣтами, а у изголовья и въ ногахъ—четыре толстыхъ свѣчи—и глубокая, вѣчная тишина, о которой всегда мечтаютъ смертные.

Высокія окна, высокія двери, ковры, кресла, и кто-то сидитъ, кто-то плачетъ, кто-то ломаетъ свои пальцы.

Ахъ! Не нужно смотрѣть на тѣхъ, кто сидитъ, не нужно страдать съ тѣми, кто страдаетъ, не нужно плакать съ тѣми, кто плачетъ. Одинъ плачетъ въ двухъ шагахъ отъ трона, кто-то другой—въ четырехъ, кто-то такъ далеко, что золотой тронъ кажется крошечнымъ, какъ булавочная головка, а кто-то уже такъ далеко, что весь міръ въ его глазахъ меньше булавочной головки. Весною капаютъ капли въ бочки. Вы думаете,—это капли небесной влаги? Нѣтъ,—это капли слезъ человѣческихъ. Лѣтомъ льются ливни и грохочутъ ручьи. Вы думаете,—это льются ливни и грохочутъ ручьи, низринувшіеся съ неба и горныхъ высотъ? Нѣтъ, — это ливни крови человѣческой и пота человѣческаго. Осенью и зимою носятся вихри, стучатъ какія-то деревяшки, кто-то стонетъ, кто-то кричитъ. Вы думаете,—это буря стонетъ? Это ставни стучатъ? Нѣтъ, — это кости человѣческія пляшутъ, души человѣческія вопятъ. Со всѣхъ бугровъ, со всѣхъ скалъ, со всѣхъ высотъ несутся крики, схватываются черепа, подпрыгиваютъ кости, мчатся всадники безголовые, безногіе на безхвостыхъ коняхъ и бросаются въ бездну, бѣгутъ хороводы

дѣвушекъ съ выколотыми глазами, мчатся курьеры съ пустыми сумками, бѣгутъ попы, правители, воители,—и у каждаго въ рукахъ чужія трепетныя души, пряди золотистыхъ волосъ, голубые глаза, — и это они пляшутъ, это они воютъ, это они радуются и неистовствуютъ.

О, будь прокляты вы, будь прокляты!

Не слушайте слезъ, притаившихся и ломающихъ пальцы.

Всѣ плачутъ, всѣ рыдаютъ: возлѣ золотого трона, въ двухъ шагахъ отъ него, въ четырехъ, за тысячу верстъ отъ него, за сто тысячъ, — по всей землѣ, отъ края до края. Ангелъ ширококрылый, спустись изъ своихъ лазоревыхъ чертоговъ, ты—утѣшитель, снизойди на землю и мановеніемъ руки своей останови потоки крови и слезъ, снизойди, ты—Единственный, ты, котораго ждетъ вся земля!

Величественная картина!

Ночь убѣгаетъ и прячется, какъ преступница, встаетъ утро, и золотой тронъ сверкаетъ парчею и всѣми своими узорами и украшеніями.

Гаснутъ звѣзды, луна прячется, встаетъ заря, и лиліи, ландыши, розы и тѣ красные цвѣты,—какъ ихъ звать? Ну, да все равно,—тѣ ярко-красные цвѣты начинаютъ красоваться и словно распускаться.

Изсякаютъ слезы, руки не ломаютъ больше своихъ пальцевъ, въ окно стучитъ перстомъ ангелъ-утѣшитель и указываетъ на дубовый комодъ съ стальными углами.

Всѣ бѣгутъ, открываютъ комодъ, извлекаютъ свертокъ, раскрываютъ его и читаютъ.

Величественная картина!

Я слышу приближеніе новаго царства. Какъ пчелы весною, какъ мошки, какъ стрекозы и жучки, жужжатъ новыя идеи, жужжатъ новыя мысли. Жу-жу-жу... жужжатъ онѣ, и вьются, и носятся, бьются крылышками, сцѣпляются, играютъ и жалятъ другъ друга. Ахъ, я боюсь пчелъ. Я боюсь мошекъ, я боюсь жучковъ съ перламутровыми крылышками. О, я несчастный! О, мой отецъ, почему въ дѣтскіе годы ты не водилъ ежедневно меня на пасѣку и не заставлялъ голыми руками вынимать медъ изъ бѣлыхъ, голубыхъ и красныхъ ульевъ? И я привыкъ бы къ уколамъ мудрыхъ пчелъ—и не боялся бы ихъ. О, моя мать, почему въ дѣтскіе годы ты пряла не ту пряжу, какую нужно было прясть, пряжу для сѣтокъ прозрачныхъ и легкихъ, которыми я ловилъ бы полезныхъ жучковъ, полезныхъ козявокъ... О, я несчастный, несчастный! Какая радость на цвѣтущемъ полѣ играть съ жучками, козявками и всякими блестящими мошками. Цѣлые рои, весенніе рои, цѣлые полки, вереницы и хороводы. Зарождаются въ лучахъ солнца и витаютъ надъ землею. Но, какъ играть мнѣ бѣдному, хромому, съ вывернутыми ногами и переломанными руками. О, я несчастный, несчастный! О, я бѣдный, бѣдный, котораго не учили, не вразумляли, который, маленькій, бѣгалъ замарашкой, худенькій и блѣдный. Зачѣмъ я родился? Почему я не умеръ еще въ утробѣ матери? Почему, когда я былъ крохотнымъ двухлѣтнимъ ребенкомъ, мою колыбель не посѣтила смертельная болѣзнь и не погубила меня? Боже мой, Боже мой, кто я? Кто я? Боже мой, Боже мой, почему не родился я, когда уже благодать твоя снизошла бы на землю, все освѣтила, все согрѣла.

О, страшно! Грядетъ новое царство. Грядетъ пышное, могучее, лучезарное,—о, какъ встрѣтить мнѣ его какъ послужить ему, какой почетъ оказать, какими дарами встрѣтить? О, я бѣднякъ несчастный! О, я, алчущій, который всегда алкалъ и всегда томился! О, я—силачъ слабосильный! О, я—птица съ перебитыми крыльями! О, я—слѣпой охотникъ! О, я—ловецъ безъ тенетъ!

Страшно. Грядущее царство приближается. Носятся идеи, какъ жучки, какъ пестрыя мошки, какъ пчелы, отягощенныя живительнымъ медомъ, какъ стрекозы, подвижныя и радостныя. Вижу всѣ признаки и, ослѣпленный, закрываю глаза и, восхищенный, сжимаю свое сердце. Не могу больше смотрѣть, не могу больше радоваться. Не могу только радоваться и только смотрѣть. Я долженъ ковать красную шипящую сталь. Но кузнецъ ли я? Гдѣ мой молотъ, гдѣ моя наковальня? Нѣтъ молота, нѣтъ наковальни. Бѣднякъ я, бѣднякъ. Я долженъ лѣпить, строить, воздвигать. Но гдѣ глина моя, гдѣ лѣса мои, камни и кирпичи? Нѣтъ, не строитель я, не скульпторъ, — бѣднякъ я, бѣднякъ, — несчастный. Не могу только смотрѣть только радоваться. Я долженъ подвѣшивать колокола къ высокой колокольнѣ и, ухватившись за веревки, звонить, звонить и раскачивать колокола. Но гдѣ колокольня и колокола мои?

Страшно.—Грядущее царство приближается, и все свидѣтельствуетъ о немъ. Свидѣтельствуютъ земля, люди и звѣри: меркнетъ земля, меркнутъ люди и звѣри. Тускнѣютъ краски, блѣднѣютъ люди, земля тощаетъ, а изъ-подъ тусклыхъ красокъ, изъ-подъ

блѣдности и худосочія живымъ потокомъ бьетъ очищающійся отъ плоти духъ и, страшный, все громче и громче называетъ свою сущность и, день за днемъ, все смѣлѣе и смѣлѣе раскрываетъ свою тайну. О, страшно и радостно! О, звуки похоронныхъ рыданій и звуки пѣсни свадебной! О, дни разрушенія и дни рожденія! О, дни низверженія старыхъ зданій и дни радостнаго творенія на обломкахъ сокрушеннаго!

Страшно. Грядущее царство приближается. Все старое собираетъ свои силы, кричитъ, вопитъ, проклинаетъ, все, отживающее, мечется, ищетъ врачей, чтобы возстановить здоровье своего тѣла, а тѣло гніетъ, тѣло разлагается, тѣло уже набухаетъ смертельными гнойными пузырями, и, слышно, какъ въ гнойномъ тѣлѣ страдаетъ и мечется духъ, стремится оставить тѣло и улетѣть къ Богу. Земля тощаетъ, борозды ея отказываются родить хлѣба и травы,—и вся земля кричитъ: „Грядетъ необычайное, и оно одно исцѣлитъ!“ Люди блѣднѣютъ, отказываются отъ смѣха, отъ легкой, беззаботной жизни, мучатъ себя, терзаютъ, сами складываютъ свой крестъ и кричатъ: „Грядетъ необычайное, и оно одно исцѣлитъ!“ А звѣри грызутъ другъ друга, и родятъ кобылы слѣпыхъ лошадей, а коровы—хромыхъ телятъ.

О, мать моя, о, отецъ мой, почему не родили вы меня безплотнымъ, такъ, чтобы въ воздушныхъ тканяхъ тѣла моего могъ бы сверкать, отражаться, преломляться могучій духъ вселенной, какъ отражается небо въ струяхъ рѣки! О, мать моя, о, отецъ мой, почему вы не дали мнѣ глазъ, которые смотрѣли бы за тысячу вѣковъ впередъ, и ушей, которыя слышали бы пѣсни безплотныхъ людей, подобныя ангельскимъ?

Почему вы родили меня проклятымъ сыномъ своего проклятаго вѣка,—кузнецомъ безъ наковальни, скульпторомъ безъ глины, звонаремъ безъ колоколовъ? Почему не водили меня раннимъ лѣтнимъ утромъ къ краснымъ, голубымъ и бѣлымъ ульямъ и не показали какъ вынимать сладкій медъ голыми руками и смѣло подставлять эти руки подъ уколы мудрыхъ пчелъ? Почему не научили меня плести сѣтки для ловли сверкающихъ жучковъ—новыхъ идей новаго царства, и вырастили—большого и такого неопытнаго?

О, я несчастный, о, я бѣдный! Какъ жить мнѣ, бѣдному? Что дѣлать мнѣ, несчастному?

И, слышу, какъ гудятъ жучки съ перламутровыми крылышками, и слышу пѣсню мудрыхъ пчелъ:„ Умри, познавшій часть истины, умри, кузнецъ безъ наковальни, звонарь безъ колоколовъ!“ И слышу еще: „Умри, познавшій часть истины, и тебѣ откроется другая часть, умри, родившійся до времени своего, недоносокъ шестимѣсячный, и глаза твои будутъ глядѣть за тысячу вѣковъ впередъ, а уши услышатъ пѣсню ангеловъ легкокрылыхъ“.

О, страшная, величественная картина! О, страшная смерть влюбленнаго въ жизнь духа, о, страшная радость грядущаго просвѣтленія! О, страшная надежда найти наковальню и колокола, о, страшное ученіе, которому не научили ни отецъ, ни мать, ни предки ихъ на двадцать, на сто двадцать, на тысячу двадцать колѣнъ.

Величественная, величественная картина!

Стоитъ открытый дубовый комодъ со стальными углами. Выдвигаютъ ящики одинъ за другимъ. И опять закрываютъ. Все ищутъ—еще и еще. Все мало словъ,

все мало черныхъ буквъ. Еще надо, еще. Но, вмѣсто словъ находятъ двѣ пуговицы, бронзовую запонку, пунцовый галстукъ съ черными крапинками и еще какую-то мелочь.

5. НѢТЪ, ВЫ ШУТИТЕ?

— Нѣтъ,—вы шутите?—говорили Николаю Страхову,—нѣтъ, нѣтъ, вы, конечно шутите?

— Увѣряю васъ, я не шучу,—возражалъ онъ,—мнѣ живется очень тяжело.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы шутите: у васъ такое доброе лицо, у васъ такіе голубые глаза, у васъ такой аккуратный костюмъ, вы такой скромный, такой славный, такой тихій.

— Увѣряю васъ, я не скромный, не славный и не тихій.

— Неправда: вы скромный и тихій.

— Нѣтъ, я кричу, я проклинаю васъ.

— Насъ?! О, Боже мой, но за что?

— Я ненавижу васъ.

— Насъ?! Ахъ, вы шутите. Но почему?

— Я готовъ убить васъ.

— Насъ?! Нѣтъ, нѣтъ, вы, право, неисправимый шалунишка. Ха-ха! У васъ прекрасные голубые глаза.

— Нѣтъ, у меня слѣпые, поблекшіе глаза, которые постоянно слезятся.

— Почему же вы ихъ не лечите?

— Потому что я бѣднякъ.

— Ахъ, вы проказникъ! А, эти часы?

— Мнѣ ихъ подарили.

— А, эти папиросы?

— Я взялъ ихъ въ кредитъ въ мелочной лавкѣ.

— Ну, наконецъ, эти штиблеты, этотъ костюмъ, это пальто?

— Штиблеты, и костюмъ, и пальто я ношу уже три года.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому, что штиблеты должны износиться, пальто истрепаться, костюмъ—лоснится.

— Я хожу на цыпочкахъ, пальто и костюмъ бережно встряхиваю нѣсколько разъ въ день, а пуговицы собственной рукой пришиваю и къ брюкамъ и къ пиджаку.

— Неправда, вы ходите, какъ ходятъ всѣ люди, ступая цѣлой ступнею.

— Когда вы смотрите, я ступаю цѣлой ступнею, а когда не смотрите, я иду на цыпочкахъ.

— Если бы вы встряхивали и вычищали нѣсколько разъ въ день пальто, оно къ концу третьяго года непремѣнно истрепалось бы.

— Я нѣжно-нѣжно провожу щеткой по ворсу пальто, какъ проводитъ мать рукою по лицу ребенка, какъ женихъ, который касается кудрей своей невѣсты.

— Не смѣйте больше шутить! Тсс!.. А—пуговицы? Развѣ ваши пальцы, пальцы мужчины, годятся для пуговицъ?

— У меня пальцы бѣдняка, которые годятся для всего.

— Ахъ, это скучно!

— Увѣряю васъ—это трагично!

— Ну, бросьте, будетъ! Ѣдемъ за городъ.

— Я не могу ѣхать, у меня нѣтъ денегъ.

— Ахъ, шутникъ. Вотъ нашъ кошелекъ. Возьмите столько, сколько надо.

— Спрячьте кошелекъ. Я не возьму вашихъ денегъ.

— Почему?

— Потому, что я не смогу вамъ отдать ихъ.

— Ахъ, проказникъ! Ну, черезъ годъ, черезъ два, черезъ пять лѣтъ отдадите, хорошо?

— Нѣтъ. Я не отдамъ и черезъ годъ, и черезъ два, и черезъ пять лѣтъ.

— Вѣдь вы будете работать, служить, у васъ окажутся лишнія деньги,—вотъ тогда и отдадите.

— Я не буду служить, я не буду работать. Не могутъ всѣ работать.

— Ахъ, вы чудакъ! Другіе не могутъ, другіе лишніе,—а вы можете, вѣдь вы такой славный, такой милый.

— Я—это „другіе". Я—это лишній.

— Но вѣдь вы—„нашъ". Вы нашего круга, нашихъ привычекъ, нашихъ манеръ и обычаевъ. Вашъ батюшка...

— О, мой батюшка каждый день спалъ послѣ обѣда, успокоенный слезами работниковъ, которые обрабатывали землю, а сами голодали. Моя матушка солила и варила тѣ овощи и тѣ фрукты, которые, по справедливости, должны были принадлежить всему околотку, но она одна пользовалась ими, и банки съ овощами и фруктами стояли отъ лѣта до лѣта, гнили, а потомъ ихъ выбрасывали свиньямъ.

— О, замолчите, замолчите! Вы—невыносимый человѣкъ. Ну,—хотите, поѣдемъ въ оперу? У насъ своя

абонированная ложа,—во второмъ ярусѣ, очень удобная и помѣстительная. Вѣдь вы любите музыку?

— Очень люблю.

— И кажется сами играете?

— Да, играю. Люблю сонаты Моцарта, тріо Мендельсона,—это тріо, гдѣ скрипка и віолончель бѣгутъ одна за другой; потомъ люблю Баха, представьте себѣ, даже Баха, даже аккорды его, тѣ аккорды, которые скрипка дѣлаетъ одна, а рояль слушаетъ ее, словно поднявъ свою голову.

— Ну, и что же?

— Все-таки, я не поѣду въ оперу, гдѣ у васъ помѣстительная ложа во второмъ ярусѣ.

— Ахъ, вы—чудакъ. Нѣтъ, нѣтъ, вы—чудакъ, это ясно. Но, почему?

— Я сегодня не обѣдалъ.

— Тсс! Не говорите такъ громко. Можетъ услыхать прислуга, а это неудобно.

— Я слушаю музыку, когда сытъ и покоенъ.

— Хотите, мы васъ накормимъ?

— Тогда я буду сытъ, но все же не буду покоенъ.

— Вы успокоитесь въ театрѣ, когда возьметъ верхнее „la“ теноръ на высокихъ каблукахъ.

— Я заплачу въ театрѣ.

— Вы опять шутите. Не смѣйте больше шутить.

— Это верхнее „la“ напомнитъ мнѣ крикъ народа, который кричитъ ограбленный, весь въ ранахъ съ раздробленными членами. Это верхнее „la“ напомнитъ мнѣ мой собственный вопль, который прорывается ночью изъ груди, и гаснетъ послѣдняя надежда, и не вѣришь, что утромъ взойдетъ яркое солнце.

— Мы не вѣримъ ни одному вашему слову. Ваша

бабка славилась своимъ веселымъ нравомъ, а дѣдъ вашъ любилъ забавляться и, говорятъ, съ наслажденіемъ смотрѣлъ, какъ его борзыя травили крестьянскихъ дѣтей.

— Будь свята память моихъ бабокъ и дѣдовъ,—но все же я не поѣду въ оперу.

— Боже мой, Боже мой! Но что же дѣлать намъ съ вами? Хотите, пойдемъ въ гости къ журналисту М.?

— Это къ тому, который пишетъ некрологи?

— Да, да, къ нему. Онъ милый человѣкъ. Вѣдь вы его, кажется, знаете? Онъ очень милый человѣкъ.

— Да, да, я его знаю. И онъ меня знаетъ.

— Ну, и что же?

— Я не пойду къ журналисту М.

— О, конечно, конечно, вы не пойдете! Милый, вы упрямы, какъ, какъ...

— ...оселъ, хотите вы сказать?

— Нѣтъ, не оселъ, но почти, какъ оселъ. Журналистъ М! Вѣдь это чудесный человѣкъ!

— У него чудесная библіотека? Не правда ли?

— О, да, да! Какой историческій отдѣлъ! Какой экономическій отдѣлъ! Боже мой, романы, романы, романы, въ какихъ переплетахъ! Ахъ, въ какихъ переплетахъ!

— Онъ читаетъ?

— Что за вопросъ?

— Я спрашиваю, — онъ читаетъ?

— Что читаетъ?

— Книги своего экономическаго отдѣла?

— Ну, конечно.

— А историческаго?

— Тоже, конечно.

— А—романы?

— Ну, да, да! Ахъ, это ужасно! Какой вы злюка!

— А все-таки я не поѣду къ журналисту М.

— Мы такъ и знали. О, мы это знали! Но—почему?

— Я не видалъ у него одного романа.

— Какого?

— „Милый другъ“ Мопассана.

— Ну, и что же?

— Когда журналистъ М. пріобрѣтетъ этотъ романъ, женится и жена будетъ помогать ему писать некрологи, и они станутъ занимательнѣе, тогда, пожалуй...

— Вы злюка.

— Но вѣдь вы минуту тому назадъ сказали, что я добрый.

— Злюка, когда говорите о журналистѣ М.

— Онъ обкрадываетъ прессу!

— Тсс... замолчите! Сейчасъ должна прійти его тетка по матери. Боже мой, что будетъ, если она услышитъ!

— Онъ обкрадываетъ честную мысль!

— О ужасъ! Тсс... Тсс... Тетка переступила порогъ. Замолчите, негодный!

— Онъ обкрадываетъ богатство народа — отважное слово!

— Тетка вошла. О, ужасъ! Она, кажется, все услыхала. Уходите, уходите съ глазъ долой, не хочу видѣть васъ, не хочу.

— Ухожу.

— Впрочемъ, стойте. Не уходите. Надо всегда помнить, что вы чудакъ, шутникъ. Стойте. Поѣдемъ въ

Никольскую обитель, тамъ у насъ другъ настоятель, святой отецъ.

— Его имя?

— Маркіанъ.

— Ахъ, знаю, знаю.

— Ну, и что же?

— Его братъ помѣщикъ?

— Да, помѣщикъ. Но при чемъ тутъ братъ?

— Къ брату часто пріѣзжаетъ святой Маркіанъ.

— Ну, и что же? Они, конечно, вмѣстѣ молятся?

— Нѣтъ, они вмѣстѣ въ ландо объѣзжаютъ принадлежащее имъ обоимъ имѣніе.

— Ахъ, вотъ какъ! И славное у нихъ имѣньице?

— Недурное. Есть пруды, луга и оранжереи, гдѣ зрѣютъ ананасы.

— Ахъ, вотъ какъ. То-то часто, когда пріѣдешь къ святому Маркіану, онъ угощается ананасами. А мы не знали, что эти ананасы собственной оранжереи. Поѣдемъ къ нему, поѣдемъ. Онъ и сегодня угоститъ насъ ананасами.

— Нѣтъ, я не поѣду. На порогѣ обители я увижу несчастныхъ, которые просятъ хлѣба, а не ананасовъ.

— Святой Маркіанъ протянетъ имъ хлѣбъ. Ну, и что же?

— Да, протянетъ. Святой Маркіанъ выйдетъ на порогъ храма и спроситъ: „Что за люди?“ Ему отвѣтятъ: „Убогенькіе“. Онъ спроситъ: „Убогенькіе?“ „Да,—повторятъ,—убогенькіе-бѣднячки“. „Откуда пришли?“—спроситъ святой Маркіанъ. „Изъ сельца Простеца, деревушки Полушки, двориковъ Гробиковъ“. „Не слыхалъ такихъ,—скажетъ святой Маркіанъ,—подойдите поближе“. И подойдетъ родная рвань, подойдетъ родная ветошь, подой-

детъ родная хромота, слѣпота, глухота. „Не знаю васъ“, скажетъ святой Маркіанъ. И поклонится еще ниже родная рвань, родная слѣпота, хромота, глухота, и скажетъ: „Мы твои, твоихъ мѣстностей,—живемъ направо отъ оранжерей, налѣво отъ луговъ заливныхъ, за дремучими лѣсами, гдѣ таятся чудовища и насъ пугаютъ. Шли долго къ тебѣ, все шли, шли, спотыкались, всѣ ноги изранили. Дожди насъ родные мочили, птицы черныя, злобныя надъ нами вились, кричали дикими голосами, крыльями хлопали, поля сырыя, лѣса дремучіе, дороги торныя, то въ долины спускаются, то на холмы подымаются, мчались тройки, глаза наши пылью порошили, сидѣли въ кибиткахъ господа съ усами большими и глазами хмурыми, отъ нашихъ глазъ отворачивались. Собаки тявкали, лохмотья наши рвали,—Боже мой, Боже мой,—сколько бѣдъ, сколько несчастій! И все думали мы, все думали: дойдемъ, придемъ къ тебѣ, нашему родному сосѣду, нашему святому,—и—дошли, пришли, кланяемся, къ ножкамъ твоимъ припадаемъ. И пришли, стоимъ, на тебя глядючи, сосѣда нашего, и радуемся, и плачемъ въ радости. И скажетъ святой Маркіанъ: „Милашки мои, дорогіе крестьянушки мои родные, сосѣдушки близкіе, все сдѣлаю для сосѣдушекъ, постараюсь помолюсь для тѣхъ, кого призналъ глазами своими больными, старыми, постараюсь для объявившихся: постойте у порога храма три дня и три ночи, утромъ солнышко взойдетъ, колокола загудятъ, пташки запоютъ, помолитесь, хлѣбушка вамъ вынесутъ; въ полдень опять колокола загудятъ: ти-ли, ти-ли, ти-ли, рыбки дадутъ, и опять помолитесь, если ножки устанутъ, на травку присядете, ласточки васъ утѣшатъ,

крылышками осѣнятъ; къ вечеру звѣздочки выглянутъ, засеребрятся, улыбнутся, легкимъ облачкомъ закроются, опять откроются, опять закроются, колокольчики загудятъ: бом-бом-бом, въ церкви фиміамъ, пѣніе и радость, радость, радость. И такъ одинъ день, милые мои, опознанные сосѣдушки, и такъ другой день, милые мои, степняки сѣрые, и такъ третій день, жители мои черноземные. А потомъ, ясные соколики, домой отправитесь, къ землѣ худосочной возвратитесь. И понесете съ собою: житіе св. Кирилла Бѣлоозерскаго, еще одно житіе св. Ѳеодосія Кіево-Печерскаго, схимника, пустынника, скромника, дѣвственника, печальника, постника. Птицы черныя встрѣтятся,—перекрѐститесь, житіе перечтите . . . . . .
И съ миромъ къ домашнему очагу возвратитесь".

— Нѣтъ, нѣтъ! Стойте! Мы не хотимъ больше васъ слушать. Уходите, уходите скорѣе, скорѣе! Вотъ ваша шляпа, вотъ пальто, вотъ палка.

— Я ухожу.

— И закройте за собою дверь.

— Я закрываю.

— Впрочемъ...

— Ну?

— Впрочемъ, впрочемъ...

— Ну?

— Впрочемъ, оставайтесь. Вы говорите часто слишкомъ рѣзко, но все же вы добрый.

— Я злой, я проклинаю васъ.

— Опять?

— Я злой, я ненавижу васъ.

— Это скучно. Нельзя всегда шутить.

— Я не шучу.

— Слушайте, это послѣднее: вы уже въ пальто и въ шляпѣ, идемъ къ однимъ славнымъ людямъ, попросту славнымъ людямъ.

— Я не могу.

— О, чудовище, но почему?

— У меня нѣтъ зонта.

— При чемъ тутъ зонтъ?

— Собирается буря, и скоро пойдетъ страшный ливень.

— Это недалеко, два шага.

— О, нѣтъ, нѣтъ! Я знаю, славные люди живутъ очень далеко.

— Увѣряю васъ, два шага.

— Увѣряю васъ, двѣсти тысячъ шаговъ.

— О, замолчите! Два шага, два шага, два шага!

— Въ двухъ шагахъ живутъ милые люди.

— Нѣтъ, славные.

— Нѣтъ, милые.

— Опять вы спорите?

— Да, спорю. Милые. У нихъ все милое: лицо милое, съ милымъ подбородкомъ, милыми губами, милыми глазами; милый костюмъ, не слишкомъ яркій, не слишкомъ пестрый, не слишкомъ свѣтлый, не слишкомъ темный, такой — знаете ли? — сѣренькій; милая обстановка, не слишкомъ громоздкая, не слишкомъ шаткая, не слишкомъ дешевая, не слишкомъ дорогая, покрытая не шелкомъ, а полушелкомъ, не бархатомъ, а полубархатомъ, и не сукномъ, и не атласомъ, а такъ, чѣмъ-то— знаете ли? — чѣмъ-то почти сукномъ, почти атласомъ, такимъ зелененькимъ, немножко шероховатымъ, не-

множко гладкимъ, приличнымъ, и, конечно, прочнымъ. У нихъ милыя картинки на стѣнахъ: женщины открытыя и вмѣстѣ съ этимъ полуоткрытыя, обнаженныя и вмѣстѣ съ этимъ цѣломудренныя; потомъ пейзажики— очень недурные, потомъ портреты очень почтенные; и подъ женщинами, пейзажиками и портретами, тамъ въ уголку — знаете ли? — тамъ, гдѣ художники пишутъ свои имена, тамъ фамиліи все очень плодовитыя, все работящія, такія почтенно-серьезныя. У нихъ дѣла тоже милыя, не трудныя и не легкія, дѣла, куда спѣшатъ на извозчикахъ, куда мчатся на лихачахъ, куда идутъ пѣшкомъ и—куда совсѣмъ не идутъ, дѣла, которыми увлекаются и надъ которыми засыпаютъ, дѣла, которыя можно окончить, исписавъ стопу бумаги, и, которыя можно окончить, заполнивъ листикъ, дѣла, пересылаемыя въ пакетахъ за десятью печатями, оставляемыя подъ зеленымъ сукномъ, дѣла — знаете ли?—такія...

— Нѣтъ, нѣтъ! Вы порочите нашихъ друзей, вы оскорбляете ихъ. Вы черните славныхъ людей. О, вы, жалкій! Убирайтесь, убирайтесь, убирайтесь!

— Я ухожу.

— Сейчасъ, сейчасъ, сію минуту! Вонъ, вонъ, вонъ!

— Я ухожу.

— Но почему же вы открываете окно?

— Я ухожу черезъ окно.

— Сумасшедшій!

— Смотрите, смотрите: буря надвигается, вотъ она! Красная, пурпурная, она обложила весь западъ. Она нагромождаетъ замки свои золотые, дворцы, зловѣщія зданія.

— Закрывайте окно, сумасшедшій! Дуетъ вѣтеръ и опрокидываетъ всѣ наши горшки съ цвѣтами.

— Смотрите, смотрите: двигаются черные караваны въ небѣ, словно бѣлые орлы, вымазавшіе свои крылья въ сажѣ, а изъ подъ крыльевъ сверкаютъ молніи и вонзаютъ свои огненные дротики въ проклятую землю.

— Закрывайте окно! Скорѣе, скорѣе! Вихри бури срываютъ наши шторы, наши картины, наши люстры. Это, ужасно! О, вы, безобразный!

— Смотрите, смотрите: ха-ха-ха! Бѣгутъ ваши журналисты, ваши святые Маркіаны, ваши славные люди,— мокрые, жалкіе, съ огромными дождевыми зонтами. Недурно, чортъ возьми! недурно! Ха-ха-ха! О, хляби небесныя! Обрушьте всѣ свои воды на ничтожества, разломайте древки ихъ зонтовъ, сорвите парусину, сорвите ихъ милыя шапки, шляпы, шапочки, обнажите ихъ сладострастныя плѣши, и наведите лакъ на эти плѣши, какъ сапожникъ наводитъ лакъ на свои сапоги. Размойте дороги, разрушьте плотины, затормозите трусливый бѣгъ святыхъ и славныхъ. Обрушьте на ихъ головы крыши милыхъ домовъ, сокрушите ихъ флюгера, которые всегда были обращены въ сторону ясной погоды и голубого неба, — и пусть громы неба оглушатъ ихъ въ буйный страшный день, вразумятъ и накажутъ!

— Онъ сумасшедшій, онъ сумасшедшій! Скорѣе, скорѣе—въ комнату, въ дверь, на лѣстницу, на улицу— вонъ, вонъ! Или въ окно, чортъ возьми!

— Въ окно, конечно, въ окно! О, радостная смерть въ часъ бури! О, радостное прозрѣніе въ часъ смятенія и бѣга святыхъ и славныхъ! О, проклятая бѣд-

ность, скрежещи зубами, безсильная, въ часъ освобожденія духа изъ твоихъ лапъ!

— Что?! О, ужасъ! Онъ выбросился въ окно! Онъ умеръ, онъ лежитъ бездыханный, окровавленный на камняхъ мостовой?! О, ужасъ! Мы его любили. О, ужасъ! Мы ему сострадали. О, ужасъ! Мы хотѣли его накормить, согрѣть, одѣть. Развѣ мы знали? Развѣ мы предполагали? Развѣ мы могли думать? Бѣдный, бѣдный шалунъ, бѣдный, бѣдный шалунишка... Но все же, закрывайте окно! Скорѣе, скорѣе! Сильный вѣтеръ. Уже упала на полъ одна вазка съ цвѣтами, а вотъ сваливается и вторая. Вазка, вазка! Боже мой, ее привезли изъ-за синяго моря, она была такая стройная, такая нѣжная, такая хрупкая, она была такъ красива. О, вазка, вазка.

АПОѲЕОЗЪ ОДНОГО СТРАДАНІЯ.

Апоѳеозъ одного страданія.

I.

Когда на одной изъ самыхъ высокихъ колоколенъ Москвы, черной ночью, колоколъ ударилъ двѣнадцать разъ, а потомъ замеръ и молчаніе снова сомкнулось и застыло, онъ высоко поднялъ голову и сталъ Герцогомъ.

Еще задолго до двѣнадцати часовъ—онъ началъ рости, рости, подыматься, расширяться, полнѣть, раздуваться и, когда колоколъ ударилъ одинъ разъ,—онъ былъ уже равенъ колокольнѣ, а, когда колоколъ отсчиталъ свой послѣдній ударъ, онъ поднялся выше самой высокой колокольни, уперся головою въ черное небо и сталъ Герцогомъ.

Онъ стоялъ надъ городомъ, какъ стоитъ великанъ въ странѣ лилипутовъ, и въ каждой ногѣ его было милліонъ пудовъ, въ каждой рукѣ его было полмилліона пудовъ, тѣло его было опоясано широкимъ ремнемъ темно-красной кожи, а на поясѣ висѣлъ мечъ, которымъ онъ будетъ разить каждаго, кто осмѣлится терзать его, какъ терзалъ раньше, когда онъ еще не былъ Герцогомъ.

Онъ видалъ на черномъ небѣ звѣзды, невидимыя другимъ, онъ слыхалъ шопотъ вѣтра, который приле-

тѣлъ изъ далекихъ русскихъ степей, онъ вдыхалъ ароматъ хвои костромскихъ и ярославскихъ лѣсовъ, и вдругъ разверзлись небеса надъ Москвою, надъ самымъ Кремлемъ, и Кто-то сказалъ:

— Ты, который всегда страдалъ, ты, который изучилъ страданіе въ каждомъ атомѣ, въ каждой молекулѣ, ты уже поднялся надъ страданіемъ, ты выросъ, ты расширился, ты взлетѣлъ, ты Герцогъ, и можешь дѣлать все, что хочешь дѣлать! Все, все!

И, когда огромная радость вошла въ него, онъ задрожалъ, и странно было смотрѣть, какъ дрожали худыя кисти его рукъ, дрожала борода, черная, всклокоченная, дрожали волоса, дрожали ноги, на которыхъ болтались старые брюки, въ полоски—черныя, сѣрыя и бѣлыя. И все лицо его сжалось, какъ сжимается яблоко на горячей сковородѣ, и все лицо его покрылось новыми складками, новыми морщинками, и отъ глазъ къ ушамъ побѣжали маленькіе лучи, словно глаза окружились сіяніемъ, какъ окружается сіяніемъ голова пустынника, на котораго снизошла благодать Божія.

Радость все вливалась и вливалась въ его грудь, какъ льются волны свѣта въ яркій весенній день, и тѣло уже съ трудомъ могло выдержать натискъ этой радости. И начало оно дрожать и биться, и дрожь, какъ змѣя, ползла съ земли, отъ ступней къ поясу, отъ пояса къ головѣ и, какъ змѣя, давила грудь и сжимала шею. Вздрагивала каждая жилка, каждая вена, каждая артерія, и бурлила въ тѣлѣ не кровь, а раскаленная радость, раскаленная смѣлость, раскаленное напряженіе всѣхъ, такъ долго угнетаемыхъ силъ.

И, чтобы обуздать эту сумасшедшую радость, онъ согнулся, потомъ выпрямился, потомъ сжалъ крѣпко

руки, такъ сжалъ, что хрустнули пальцы, потомъ сѣлъ на стулъ, потомъ легъ на диванъ, потомъ легъ подъ диванъ,—но радость била стремительнымъ фонтаномъ и, казалось, фонтанъ радости бьетъ выше крыши его дома. Тогда онъ навалилъ на себя подушки и притаился. Но долго лежать, притаившись,—не могъ. Радость ползла, ползла, какъ ящерица, подползла къ горлу, начала щекотать горло, и щекотала горло до тѣхъ поръ, пока не вызвала хохота—бурнаго, какъ горный потокъ.

Однимъ взмахомъ руки онъ сбросилъ на полъ всѣ подушки, всталъ на нихъ, какъ встаетъ Герцогъ на бархатныя и шелковыя подушки, раскрылъ широко ротъ, раскрылъ всѣ связи своего рта, — и, казалось, ротъ его протянулся отъ одного уха къ другому, далъ исходъ радости и потрясъ молчаніе ночи своимъ хохотомъ, который клокоталъ, какъ клокочетъ паръ въ котлѣ, какъ клокочетъ море, какъ клокоталъ, вѣроятно, весь міръ въ часъ перваго творенія.

Ночь смотрѣла черными глазами на Герцога,—и своимъ бархатомъ драпировала окна его лачуги, которая въ эту ночь сдѣлалась дворцомъ.

Ночь, какъ злобная волшебница, простерла свой пологъ надъ Москвою и, таинственная, она слѣдила зоркими глазами, какъ спала изнуренная Москва, она приподымала всѣ крыши города, пріоткрывала ставни и жалюзи, милостивая, показывала Герцогу враговъ его и говорила:

— Смотри, Герцогъ, смотри! Вотъ врагъ, который пилъ твою кровь. Смотри, Герцогъ, смотри! Вотъ врагъ, который грызъ твое тѣло. Смотри, Герцогъ, смотри! Вотъ врагъ, который палками прогонялъ тебя и выпускалъ

свору своихъ собакъ. Но сегодня ты уже—Герцогъ—и, съ восходомъ солнца, будешь разить враговъ безъ пощады—цѣлыми сотнями, цѣлыми тысячами и милліонами.

И было такъ весело и нужно было хохотать, хохотать до зари, видѣть, какъ коробится животъ въ складкахъ хохота, чувствовать, какъ хохотъ расширяетъ все тѣло, и тѣло растетъ, растетъ, а голова касается неба и упирается въ ночныя облака.

Но вдругъ хохотъ изсякъ, тишина объяла Герцога, и онъ застылъ съ маской хохота на лицѣ. Вся радость словно перевернулась въ его груди, вмѣсто радости вошло жгучее чувство мести,—и онъ увидалъ свою жертву, въ которую на разсвѣтѣ, или въ полдень, или вечеромъ вонзитъ блестящій мечъ, отмститъ, успокоится и не будетъ уже больше такъ мучительно-радостно хохотать. Да, да, онъ вонзитъ мечъ, какъ вонзаютъ ножъ въ мясную тушу, или въ красный арбузъ, или въ спѣлую грушу, или въ перину, набитую пухомъ. Да, да, онъ увидитъ, какъ брызнетъ кровь и, горячая, она окраситъ его своимъ алымъ цвѣтомъ. Да, да, онъ надѣнетъ всѣ свои ордена: звѣзды, кресты, медали и, какъ могучій Герцогъ, убьетъ врага—и станетъ своими ногами на трупъ его. Надо спѣшить, надо спѣшить. Надо сдѣлать звѣзды, кресты, медали, надо прикрѣпить ихъ къ отворотамъ чернаго сюртука, надо размѣстить ихъ такъ, чтобы вверху были звѣзды, внизу кресты и медали, а на груди сіяющая персидская звѣзда съ бриллiантами, изумрудами и огромнымъ сапфиромъ. Надо спѣшить. Ночь такъ коротка. Ахъ, какъ коротка ночь!

Герцогъ сѣлъ къ столу, поджалъ подъ себя ноги и

стальными ножницами началъ вырѣзывать изъ переплетовъ книгъ звѣзды, кресты, медали.

Онъ срывалъ переплеты, какъ срываетъ левъ кожу съ трепетной лани или козы съ грустными глазами и изогнутыми рогами, онъ рычалъ, какъ рычитъ тигръ, когда бросается изъ засады на антилопу и своими зубами разгрызаетъ хрящи ея позвонковъ, онъ бросалъ обнаженныя книги на полъ, а переплеты складывалъ въ высокую кучу—одинъ на другой, одинъ на другой, смотрѣлъ, какъ увеличивалась эта куча, и, чѣмъ она дѣлалась выше, тѣмъ больше радовался Герцогъ, глаза его зажигались кровавымъ огнемъ, а лобъ, словно очищался отъ волосъ, и казался теперь не меньше лба самого Шекспира.

Онъ дрожалъ надъ переплетами, какъ дрожитъ ростовщикъ надъ своими сокровищами, какъ дрожитъ скряга надъ золотыми червонцами, надъ зелеными, синими и красными ассигнаціями, и, когда переплеты поднялись до абажура его лампы, Герцогъ локтями уперся въ переплеты, положилъ голову на локти и застылъ,— богачъ, хозяинъ брилліантовыхъ звѣздъ, эмалевыхъ крестовъ и медалей, которыя Богъ далъ ему за долгія жгучія мученія, неизсякаемыя страданія.

Ночь стояла, какъ злобная волшебница, прижалась къ стекламъ, смотрѣла на Герцога, и, казалось, все кивала, кивала головой и благословляла работу Герцога.

И видала ночь, какъ рождались звѣзды — подарки Бога и подарки королей вельможныхъ князей — съ вырѣзанной сердцевиной, шестиконечныя, восьмиконечныя, съ парнымъ и непарнымъ числомъ зубчиковъ, странныя звѣзды, которыя походили на параболы которыя походили на крабовъ и тарантуловъ, которыя

походили на пауковъ съ огромнымъ вздувшимся тѣломъ, а въ тѣлѣ переливается гной, какъ переливается гнойный квасъ въ заводскихъ чанахъ; она видѣла груды крестовъ — то очень длинныхъ, то очень короткихъ, похожихъ на приземистыхъ карликовъ, или наоборотъ — на длинныя искривленныя вѣхи, а на вѣхахъ качается трупъ висѣльника, крестовъ, концы которыхъ расширяются кверху, а у центра безпомощно утончаются и прикрѣпляются къ серединѣ самой тоненькой пластинкой; она видала цѣлыя горы круглыхъ медалей, которыя были похожи на вздувшихся божьихъ коровокъ, на черепахъ съ панцырнымъ тѣломъ, на желтые подсолнухи; медалей, которыя хотѣли быть правильно круглыми, но это имъ не удавалось, и онѣ были скорѣе всего похожи на недопеченые блины съ зарубленными концами, какія-то вялыя медали, врученныя Герцогу Китайской Императрицей, той Китайской Императрицею, которая, конечно, прекрасно понимала страданія Герцога, понимала ту его острую боль, которая словно ехидна свила свое гнѣздо подъ самымъ сердцемъ, подъ самымъ сердцемъ.

И, когда ночь ушла отъ окна—и въ предразсвѣтномъ холодкѣ покрыла голову черной легкой кисеею, лукаво улыбалась и только однимъ глазомъ лукаво смотрѣла на Герцога, а изъ-за спины выглядывала Красавица-Зоря, словно беззаботная дѣвушка, смѣялась надъ причудами Герцога и беззаботно разбрасывала свои цвѣты на золотыя и серебряныя крыши построекъ,—Герцогъ прошелъ за перегородку, гдѣ спала его Герцогиня—та женщина, которую онъ взялъ на улицѣ, привелъ ее за перегородку и сказалъ ей:

— Ложись здѣсь, такъ какъ я не могу больше оставаться одинъ.

II.

Она спала, склонивъ голову какъ-то сиротливо на бокъ, словно мертвая птичка, которой свернули шейку и выбросили на сорную яму.

Она спала, полуобнаженная, и было видно ея тѣло, которое съѣли шакалы города, какъ съѣли душу Герцога враги его. И часто, до прихода Герцога, она просыпалась, приподымалась и, словно безумная, обводила полутемный уголокъ расширенными глазами и шептала:

— Гдѣ я, гдѣ я? А потомъ опять засыпала, отбрасывала лѣвую руку, и лѣвая рука свѣшивалась съ тюфяка кровати, и кисть руки касалась желѣза ея. И много разъ она просыпалась, много разъ обводила полутемный уголокъ глазами—и опять засыпала, вдругъ билась въ бреду и—казалось ей, что на бѣлую грудь взобрался маленькій карла, такой карла, какого она видала въ музеѣ съ восковыми фигурами, и этотъ карла ворочалъ голову то направо, то налѣво, словно фавнъ или сатиръ, дрожалъ бородою и—былъ онъ безконечно равнодушенъ, и лицо его застыло въ маску смѣха—мерзкую, сверхчеловѣческую. И онъ, маленькій, проклятый, помѣстился на ея груди—тамъ, гдѣ много кружева, гдѣ серебряный крестикъ на черненькой веревочкѣ, гдѣ родимое коричневое пятнышко. И, когда она вздрагивала, карла скатывался съ ея груди, какъ скатывается гипсовая фигурка, какъ скатывается китайскій истуканъ, но иногда карла запутывался короткой ножкой въ веревочкѣ крестика и болтался на веревочкѣ, а потомъ освобождалъ ножку, словно толстенькую ножку

мышинаго жеребчика—и ползъ, ползъ, какъ ползетъ увалень на гору,—и опять устраивался между ея двумя грудями—тамъ, гдѣ такъ много кружева, гдѣ родимое коричневое пятнышко—и опять кивалъ головою, то направо, то налѣво, то направо, то налѣво. И, вдругъ соскакивалъ онъ, быстро, быстро убѣгалъ за шерстяную перегородку, таился тамъ,—а къ ней подходило нѣжное, дорогое существо, самое нѣжное, какое только могъ создать міръ,—и съ участіемъ спрашивало ее:

— Милая моя, милая, гдѣ ты, гдѣ ты?

Тогда она схватывалась за голову, словно угорѣла эта бѣдная голова, словно раскололась—и шептала:

— Гдѣ я, ахъ, гдѣ я?—и не знала она—гдѣ, ничего не знала,—и тогда плакала и говорила:

— Не знаю я, ничего не знаю. Не знаю, гдѣ я. Можетъ быть въ клѣткѣ у льва, можетъ быть въ далекомъ городѣ—у сосѣда Петра, можетъ быть на постели женатаго человѣка, можетъ быть лежу въ смрадныхъ объятіяхъ, а, можетъ быть, объятія разомкнулись, и никто не обнимаетъ меня. Развѣ знаю я, развѣ знаю я?

И опять вздрагивала она, опять рука скатывалась съ тюфяка и касалась желѣза кровати, и во снѣ знала рука, что касается желѣза.

А Герцогъ стоялъ за перегородкой и смотрѣлъ на Герцогиню.

Вся грудь его, весь жилетъ его, всѣ отвороты, лацканы были украшены шестиконечными, восьмиконечными, съ парнымъ и непарнымъ числомъ зубчиковъ, крестами,—длинными, какъ тѣло висѣльника и короткими, какъ тѣло того карла, который раскачивалъ свою головку на груди Герцогини, а на брюкахъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сгибаются колѣни,—висѣли круглыя, какъ

желтые подсолнухи, медали, и эти медали были даръ Китайской Императрицы, которая прекрасно понимала страданія Герцога и благословляла ихъ.

Герцогъ долго, долго, скрестивъ на груди руки, смотрѣлъ на Герцогиню,– и понималъ онъ всѣ ея муки, сострадалъ имъ и проклиналъ ихъ. Казалось, вся грязь міра прилипла къ этому несчастному тѣлу, которое онъ подобралъ на улицѣ, и было оно такъ тщедушно, такъ несчастно и такъ убого. И готовъ онъ былъ задушить это тѣло, сжать шею тѣла, задушить, искромсать, уничтожить это клеймо, эту печать зла и мерзости людской,— и готовъ былъ сострадать этому тѣлу, припасть къ нему, рыдать, рыдать и простить своимъ прощеніемъ всю боль тѣла, всѣ муки его, всѣ слезы и рыданія.

Но—стоялъ онъ—могучій Герцогъ скрестивъ на груди руки, и наслаждался, постигая все глубже и глубже ужасъ міра, который, какъ костлявый призракъ, припалъ къ этому тѣлу, разметалъ его руки и показалъ впалую грудь съ проступившими наружу плечевыми костями. И онъ шепталъ:

— Да, да,—кости, плечевыя кости—острыя, обглоданныя... О, моя Герцогиня, о, моя бѣдная, бѣдная Герцогиня.

И вдругъ могучій Герцогъ упалъ на колѣни, прикоснулся губами къ свѣсившейся рукѣ—безпомощной, холодной,—весь притихъ и затаился.

Ночь ушла отъ окна—и, крадучись, подлѣ плетней, заборовъ, домовъ и дворцовъ, она скрылась туда—за горизонтъ, гдѣ царство ея мглы, откуда она ежедневно подымается и куда ежедневно опускается. А въ окно заглянула Красавица-Дѣвушка, бросила тѣ же цвѣты, которые она бросала на стальныя, серебряныя, золо-

тыя крыши домовъ—и бросила даже одинъ цвѣтокъ-лучъ за шерстяную перегородку, гдѣ стоялъ на колѣняхъ Герцогъ и, припавъ къ свѣсившейся рукѣ Герцогини, лобзалъ ее и орошалъ своими слезами.

Герцогиня медленно открыла глаза, она посмотрѣла на Герцога, но—такъ какъ онъ былъ для нея безразличенъ, какъ безразличны всѣ тѣ люди, которыхъ она встрѣчала на улицѣ, Герцогиня ничего не сказала и опять закрыла глаза.

Тогда Герцогъ поднялъ голову и спросилъ:

— Несчастная, какъ твое имя?

Герцогиня открыла глаза, открыла съ большимъ трудомъ и, казалось, они опять сомкнутся,—и ничего не отвѣтила.

Герцогъ впился губами въ ея руку, весь вздрогнулъ, и не сказалъ, а простоналъ:

— Несчастная, несчастная, скажи мнѣ свое имя!

Тогда Герцогиня встрепенулась, приподнялась, обвела съ удивленіемъ полутемный уголокъ глазами и спросила, какъ спрашивала всегда—послѣ страшнаго забытія на кровати чужого человѣка:

— Гдѣ я, гдѣ я?

И, вдругъ, закрывъ глаза, она прошептала:

— О, ужасъ, какъ страшно, какъ страшно, какъ больно!—и вся она вытянулась и лежала—бѣлая, словно святая,—съ прямымъ тонкимъ носомъ—блѣдно-алыми ноздрями и блѣдно-алыми запекшимися губами.

Герцогъ приподнялся на одно колѣно, наклонилъ свою черную голову надъ ея грудью, вонзилъ глаза въ ея лицо и спросилъ:

— Почему тебѣ, несчастная, страшно? Отвѣчай,—почему?!

Она открыла глаза, посмотрѣла въ его близкое лицо и сказала:

— На моей груди сидѣлъ карла и все кивалъ головою—то направо, то налѣво, то направо, то налѣво—и такъ много, много разъ. А какое сейчасъ время—утро, день, или ночь?

Герцогъ отвѣтилъ:

— Ночь прошла, наступило утро.

— И я все время спала?—спросила она.

— Не знаю, спала ли ты, или не спала,—сказалъ Герцогъ,—и не хочу знать. Я хочу знать, очень ли ты несчастна и, какъ твое имя?

Но Герцогиня отвѣтила:

— Не спрашивай меня, не спрашивай. Я буду молчать. Мнѣ ужасно страшно, и я закрою глаза.

И, когда она закрыла глаза, можно было подумать, что она умерла, такъ какъ не видно было, какъ дышала она: ея губы были плотно сжаты, а колѣни, какъ у мертвой, остро выглядывали изъ-подъ одѣяла. И можно было дать ей всякое имя: Марія, Лидія, Ольга, Ксенія—потому что—достаточно было прибавить къ этому имени—несчастная, и эти два слова—несчастная Марія, или—несчастная Ксенія, казалось, уже были именемъ, даннымъ ей отъ рожденія.

И, вдругъ, Герцога осѣнило откровеніе,—и онъ понялъ, что эта несчастная съ блѣднымъ лицомъ, алыми ноздрями и алыми губами—его Герцогиня, его оруженосецъ въ битвѣ съ врагами, которые забросили въ душу Герцога сѣмя ехидны, и ехидна свила гнѣздо—тамъ, подъ сердцемъ, гдѣ такъ больно, гдѣ такъ больно. И тогда онъ еще крѣпче прижался губами къ рукѣ Герцогини, облобызалъ всѣ ея пальцы—отъ перваго до самаго малень-

каго—мизинца, на которомъ было смѣшное колечко отъ св. Варвары, онъ облобызалъ всю кисть руки до самаго локтя, гдѣ коробится кожа, онъ пять разъ поцѣловалъ ея плечо и, какъ робкій, чистый юноша не рѣшался запечатлѣть свой поцѣлуй на ея губахъ, и опять опустился на оба колѣна и припалъ головою къ холодному желѣзу кровати.

А Герцогиня забылась мучительными грезами, и казалось ей, что возлѣ кровати на колѣняхъ стоитъ огромный, черный человѣкъ, который, какъ черная губка впиталъ въ себя все самое страшное, что есть на землѣ, а изъ глазъ его, словно вихрь огня, бьетъ ужасъ познанія, и потоки этого ужаса, какъ потоки ливня заливаютъ весь уголокъ, подымаются все выше и выше, и сейчасъ залютъ постель,—и она задохнется. Но Герцогиня не могла подняться и пошевелить хотя бы однимъ пальцемъ, такъ какъ разслабла отъ внутренняго палящаго огня, сопровождающагося гарью—презрѣніемъ и отвращеніемъ къ себѣ—и, какъ всегда было лучше покорно лежать, словно въ сонамбулическомъ снѣ, не дышать и не двигаться. Но поцѣлуи, которые все лились и лились на ея руки, которые вмѣстѣ съ потоками слезъ изъ глазъ Герцога сливались въ какой-то нѣжный, чудесный бальзамъ, — осторожно коснулись души Герцогини,—и тогда она медленно пріоткрыла вѣки, медленно повернула голову къ Герцогу и теперь уже не онъ, а она—спросила:

— Кто ты и, какъ твое имя?

Герцогъ вздрогнулъ и сказалъ:

— Я Герцогъ, я Герцогъ. Но лучше замолчи, и позволь мнѣ наслаждаться твоимъ страданіемъ, позволь мнѣ постигать его и своими слезами и поцѣлуями все

гладить и гладить твою бѣдную душу. О, моя Герцогиня, о, моя единственная, прекрасная Герцогиня.

И Герцогиня теперь не отрывала глазъ отъ Герцога и шептала:

— Какой ты странный, какой ты больной. Я не помню, когда ты подошелъ ко мнѣ.

— Я все время стоялъ подлѣ тебя,—отвѣтилъ Герцогъ.

— И все время цѣловалъ мою руку?—спросила она.

— Да, все время цѣловалъ,—и буду всегда цѣловать.

Герцогъ поднялся и, скрестивъ руки на груди, смотрѣлъ на Герцогиню.

— Когда онъ поднялся,—звѣзды, кресты и медали начали раскачиваться на лацканахъ его пиджака, на колѣнкахъ брюкъ, и, вдругъ, самая большая звѣзда сорвалась съ жилета и упала на чулокъ Герцогини. Но Герцогъ нагнулся, поднялъ звѣзду и укрѣпилъ ее на прежнемъ мѣстѣ.

Герцогиня спросила:

— Зачѣмъ ты привѣсилъ на пиджакъ и жилетъ кусочки картона? Зачѣмъ это?

Но Герцогъ серьезно отвѣтилъ:

— Молчи—и не спрашивай. Самая большая звѣзда—звѣзда Персидскаго Шаха,—слѣдующая по величинѣ—Турецкаго Султана, кресты пересланы моремъ изъ Англіи и Америки, а медали изъ Китая и тѣхъ странъ, названіе которыхъ я забылъ.

И когда Герцогиня узнала, откуда присланы эти ордена, ей сдѣлалось такъ страшно, что она готова была выцарапать свои глаза, чтобы не смотрѣть на Герцога. Но Герцогиня, наоборотъ, все смотрѣла, все смотрѣла, вглядывалась, подымалась на локоть и приближала свое лицо къ лицу Герцога.

И, приблизивъ лицо, она шепотомъ спросила:

— Ты сошелъ съ ума? Ты сошелъ съ ума?

— Но Герцогъ улыбнулся, отрицательно покачалъ головою и сказалъ:

— О, нѣтъ, моя несчастная,—нѣтъ! Увѣряю тебя, что эти кресты присланы моремъ изъ Англіи и Америки, привезли ихъ на пароходѣ, который, конечно, былъ тоже англійскій или американскій,—и пароходъ остановился у набережной Москвы-рѣки. Увѣряю тебя.

А потомъ, Герцогъ простеръ руки и сказалъ:

— Лежи такъ, не двигаясь,—лежи! А я буду одѣвать тебя. Я буду одѣвать страданіе твое, муку твою. И одѣну тебя въ ткани Герцогини, и пойдешь ты со мною къ врагамъ моимъ и ослѣпишь ихъ.

И Герцогъ опять сталъ на колѣни, поднялъ чулокъ Герцогини и сказалъ:

— Протяни ногу.

Герцогиня приподнялась, сѣла на постели и протянула ногу.

Герцогъ запечатлѣлъ на ея ногѣ поцѣлуй, вздрагивающими руками началъ надѣвать чулокъ и говорилъ:

— О, мои ножки, бѣдныя, холодныя! Почему вы такія худенькія, почему вы такія жалкія?

Потомъ онъ собралъ ея юбки, ея лифчикъ, кофточку—онъ разсматривалъ всѣ тесемки, пуговочки крючки, но ни тесемочекъ, ни пуговичекъ, ни крючковъ—не видалъ и говорилъ:

— Какія яркія платья, какія дорогія и новыя. О, какъ прекрасно твое страданіе въ нихъ, какъ прекрасно оно!

И, когда Герцогиня встала, а потомъ, грустная, поло-

жила свои руки на голову, Герцогъ упалъ на колѣни, поцѣловалъ ступни ногъ Герцогини и сказалъ:

— Герцогиня, преклоняюсь предъ муками и болями твоими, преклоняюсь и буду лежать такъ пять минутъ.

Онъ лежалъ пять минутъ, распростершій крестомъ свои руки, его черные волосы, какъ черные ужи, расползлись во всѣ стороны, Герцогиня стояла и смотрѣла на преклонившееся къ землѣ тѣло, изъ ея глазъ скатились слезы, упали на голову Герцога,—а въ окно Утро все бросало и бросало свои цвѣты, и было ихъ все больше и больше, и эти цвѣты—ярко-оранжевые, золотые, сверкающіе, лежали на старомъ диванѣ, на креслахъ и на столѣ, гдѣ валялись переплеты толстыхъ и дорогихъ книгъ.

III.

Герцогиня не могла безъ грусти и состраданія смотрѣть на герцога, который стоялъ, скрестивъ руки на груди, и тихо улыбался.

Герцогиня скромно сѣла на стулъ, опустила глаза, потомъ подняла ихъ и спросила:

— Скажи мнѣ: неужели ты сошелъ съ ума въ эту ночь? Неужели, въ эту ночь?

Но Герцогъ сказалъ:

— Ты повторяешь все одно и то же, одно и то же. Право, это очень скучно. И я не понимаю тебя.

Тогда Герцогиня протянула Герцогу руку, ясно улыбнулась и спросила:

— Что же ты въ такомъ случаѣ понимаешь,—скажи мнѣ?

Герцогъ отвѣтилъ:

— Какой страшный вопросъ, и—какъ просто ты его предлагаешь. Чтобы предложить такой вопросъ, все-таки передъ этимъ надо немножко подумать. Ну, хорошо: допустимъ даже, что я сошелъ съ ума. Что же слѣдуетъ изъ этого?

И такъ какъ Герцогиня не знала, что слѣдуетъ изъ этого, она ничего не отвѣтила и замолчала.

А Герцогъ вытеръ рукавомъ свой лобъ и сказалъ:

— Ужасно смѣшно: когда человѣкъ утвердится въ себѣ, отъ него хотятъ отнять это утвержденіе и называютъ его сумасшедшимъ. Даже ты называешь, моя несчастная.

Герцогиня подняла на Герцога свои глаза и спросила:

— Почему ты называешь меня несчастной? Объ этомъ нужно думать, но не нужно говорить.

Герцогъ разжалъ свои руки, и, когда разжалъ ихъ, встрепенулись всѣ ордена, покачиваясь, подошелъ къ Герцогинѣ, приподнялъ руку, простеръ указательный палецъ и сказалъ:

— Вотъ, вотъ, и ты такая, какъ всѣ, и ты хочешь молчать и не хочешь говорить. И ты хочешь знать только какую-то азбуку полусловъ, полунамековъ, и не раскрываешь своего рта, а кривишь его. Ахъ, Герцогиня, Герцогиня!

А потомъ вынулъ клѣтчатый платокъ, вытеръ лобъ, потомъ сузилъ глаза и сказалъ:

— Боже мой, Боже мой, помню, я когда-то молчалъ и, когда молчалъ, мнѣ казалось, что на подоконникѣ окна сидѣла черная кошка, а изъ щели пола, вотъ этой щели, извиваясь, ползла черная лента, ползла въ сосѣднюю комнату, обвивала ногу какого-то сосѣда, а онъ, какъ дуракъ, прыгалъ на одной ногѣ и

визжалъ. Ахъ, дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ онъ визжалъ? Почему онъ не далъ оплеуху другому сосѣду, тотъ третьему, четвертому. Герцогиня! Есть такая игра: одинъ своею рукою касается спины другого, что-то говоритъ, и слова летятъ отъ перваго къ послѣднему, — летятъ правильныя слова, а вылетаютъ неправильныя. Но эти неправильныя такія красивыя, такія красивыя...

И Герцогъ вдругъ сжалъ голову и сказалъ:

— Болитъ, жжетъ, какъ болитъ, какъ жжетъ! Герцогиня моя, Герцогиня!.. И изъ глазъ его выкатились двѣ огромныхъ, огромныхъ слезы, повисли на рѣсницахъ и, вдругъ, тяжелыя, упали на столъ и сейчасъ же расплылись въ блѣдное пятно.

Герцогиня встала, какъ любящая сестра, положила свою руку на голову Герцога и сказала:

— Плачь, плачь, плачь столько, сколько хочешь, выплачь всѣ свои слезы, и, быть можетъ, тогда прояснятся твои глаза,—и ты опять будешь такой, какимъ былъ раньше. Ты не стыдись. Я видала много слезъ, и много, много разъ вытирала ихъ.

И она вынула платокъ, вытерла слезы съ лица Герцога, которое было похоже на испеченое яблочко—съ лучами отъ глазъ къ вискамъ.

А потомъ Герцогиня молитвенно подняла глаза къ небу и сказала:

— Я видала людей, похожихъ на звѣрей. Я видала людей-уродовъ, у которыхъ было одно сплошное тѣло, словно слитокъ изъ металла или коричневой терракоты. Я видала людей съ огромной вздувшейся головой, какъ у идіотовъ, и эту голову они клали мнѣ на грудь и лобзали меня. Я видала юношей, сгнившихъ до мозга

костей, отвратительныхъ, какъ піявки, которые знали то, чего не знали даже въ Содомѣ. Я видала стариковъ, они стучали ко мнѣ въ дверь, приносили пунцовую розу, опускали ее въ стаканъ, а подъ стаканомъ бросали два серебряныхъ рубля и тихо подкрадывались ко мнѣ, какъ сѣрыя, старыя гіены и скрипѣли зубами. Неужели меня могутъ удивить твои слезы?

Герцогъ тихо спросилъ:

— Значитъ, ты утеряла, совсѣмъ утеряла вѣру въ человѣка?—И поправилъ турецкую звѣзду.

Герцогиня сказала:

— Да, я утеряла ее, и больше уже не различаю людей хорошихъ отъ дурныхъ.

Герцогъ еще тише спросилъ:

— Какъ же ты утеряла ее, сразу въ одинъ день—или постепенно, долго, долго теряла ее, словно у тебя была хроническая болѣзнь разочарованія?

И Герцогиня сказала:

— Я переходила отъ большей любви къ меньшей, потомъ еще къ меньшей, потомъ совсѣмъ, совсѣмъ къ маленькой, а потомъ и маленькая любовь затерялась, и уже не было никакой любви.

— А что же осталось? —спросилъ Герцогъ и провелъ рукою по лбу.

— Ничего не осталось,—отвѣтила Герцогиня, и опустила голову.

Горцогъ раскрылъ широко, широко свои глаза, и—такъ какъ передъ нимъ мелькнули лица всѣхъ его враговъ, его обуяла радость—и онъ сказалъ:

— А развѣ не вошло въ твою грудь чувство мести, жаркое, какъ огонь? Развѣ не хочешь ты отмстить за

всѣ свои страданія, и разить, и убивать этихъ коварныхъ лжецовъ-людей?

Тогда Герцогиня вздрогнула и спросила:

— Неужели ты хочешь убивать ихъ? Опомнись,— что говоришь!..

Но Герцога уже обуялъ восторгъ, онъ расхохотался и сказалъ:

— Подожди минуточку и послушай, а я что-то разскажу.

А потомъ сѣлъ на стулъ, взялъ руку Герцогини, началъ гладить ее и сказалъ:

— Видишь ли, въ эту ночь я утвердился, совсѣмъ утвердился. Я ужасно быстро росъ, росъ, и процессъ выростанія былъ очень мучительный, мое тѣло страшно дрожало, дрожали зубы, но ты спала и, конечно, не слыхала. Но все же я утвердился въ мести своей и понесу ее. Ахъ, я подойду къ каждому врагу, стану за его спиною и разскажу ему правду о немъ. Понимаешь ли ты, какой это будетъ восторгъ? Ты видишь ли его глаза, глаза кошки, которую сдавили за шею. Онъ воръ,—и я кричу, что онъ воръ. Онъ рабъ,— и я кричу, что онъ рабъ. Онъ измѣнникъ,—и я кричу, что онъ измѣнникъ. Онъ съѣлъ мое тѣло,—и я кричу, что онъ обжора. Я утвердился въ страданіяхъ своихъ и въ мести своей—и я Герцогъ. Я отдалъ кровь раскаленнаго сердца врагамъ своимъ; но сегодня увижу, какъ обагрятся руки мои, и возвратится мнѣ кровь моя. И возвратится она, и умру я, и предстану предъ лицо самого Бога.

Герцогъ поднялся, распростеръ надъ головою руки, какъ распростираетъ орелъ могучія крылья, закрылъ

глаза, а губы его шептали теперь безсвязныя и уже ненужныя слова.

Онъ стоялъ, какъ стоитъ полевая вѣха у дороги, указывая путникамъ путь ихъ. И такъ же, какъ раскачивается вѣха, раскачивался Герцогъ изъ стороны въ сторону, и губы его шептали ненужныя слова.

Но потомъ вдругъ вздрогнулъ, широко открылъ глаза и сказалъ:

— Герцогиня, но вѣдь мы не обручились съ тобой. Какъ быть намъ? Надо скорѣе найти кольца, которыя слили бы наши страданія въ одно—могучее, какъ потокъ. Надо скорѣе найти, надо обручиться и умереть уже обрученными.

И, вдругъ, Герцогъ упалъ на колѣни и закричалъ:

— Скорѣе, скорѣе туда, на Поклонную гору, — тамъ яркій день и палящее солнце! Скорѣе, скорѣе на зеленые, веселые холмы, у подножія которыхъ реветъ безумный городъ! Скорѣе, Герцогиня, скорѣе! И тамъ я дамъ тебѣ чистѣйшій, хрустальный поцѣлуй. И тамъ сражусь съ врагами,—и тамъ, побѣдившій,— умру.

Но Герцогиня наклонила голову, тихо улыбнулась и сказала:

— Да, ты сошелъ съ ума, ты сошелъ съ ума! Какъ страшно.

А потомъ улыбнулась и замѣтила:

— Бѣдные люди, бѣдные. Одинъ—всегда больной, и не можетъ подняться съ мѣста, другой—всегда голодный и не знаетъ радостей жизни, а третій—такой, какъ ты—сходитъ съ ума и себя не понимаетъ.

И всѣ стѣны, всѣ кресла, старый диванъ, казалось, наклонились и повторили вслѣдъ за Герцогиней:

— Бѣдные люди, бѣдные.

Отъ этихъ нѣжныхъ словъ Герцогини въ душѣ Герцога задрожали слезы, онъ простеръ свои руки и сказалъ:

— Герцогиня, будь сестрою моею, будь матерью моею, будь дочерью маленькою. Герцогиня! Сестра моя съ огромными грустными глазами уже давно въ землѣ—умерла она, мать моя все писала мнѣ письма:—милый мой, милый, я больная, холодно мнѣ,—но, что я могъ дать ей? А дочь моя, дочь... я не помню, была ли у меня дочь. Герцогиня, Герцогиня,—будь сестрою моею, будь матерью моею, будь дочерью—маленькою.

Герцогиня подумала и сказала:

— Когда я смотрю въ твои глаза,—я вижу въ нихъ тѣнь смерти. Какъ страшно!

А потомъ сказала:

— Да,—я буду сестрою твоею, матерью, дочерью маленькой. Я пойду за тобою туда, куда ты пойдешь, я накормлю тебя, напою. А, когда заснешь,—я прилягу возлѣ тебя и буду гнать враговъ твоихъ. Я скажу имъ:

— Кишь, кишь,—проклятые!—и убѣгутъ они.—А когда умрешь ты, я закрою глаза твои и поцѣлую ихъ.

И Герцогиня спросила Герцога:

— Гдѣ виситъ твой лучшій костюмъ?

Герцогъ сказалъ:

— Поди за шерстяную перегородку, въ полутемный уголокъ. Тамъ стоитъ шкафъ вишневаго дерева, открой дверцу маленькимъ ключемъ—и по правую руку увидишь табачные брюки, жилетъ темно-красный и черный сюртукъ съ цвѣткомъ гвоздики, которую я заключилъ въ петлицу сюртука въ тотъ вечеръ, когда сильно страдалъ.

— Не скучай,—сказала Герцогиня.—Я сейчасъ при-

несу твой лучшій костюмъ, одѣну тебя, и мы пойдемъ туда, гдѣ много солнца и зелени, пойдемъ на Поклонную гору. И тамъ ты подаришь мнѣ свой чистѣйшій поцѣлуй.

Герцогъ замѣтилъ:

— Какъ мелодиченъ твой голосъ, какъ нѣженъ онъ,— словно музыка далекаго струннаго оркестра, или пѣсня эоловой арфы, которую помѣстили въ башнѣ стариннаго дворца. Поспѣши же, такъ какъ оставаться долго безъ тебя я не могу. Я скучаю.

И Герцогиня отвѣтила изъ-за шерстяной перегородки:

— Сейчасъ, мой бѣдный, сейчасъ, мой больной. Я поворачиваю ключъ и открываю дверцу. Ты слышишь-ли, какъ я поворачиваю ключъ и открываю дверцу?

Герцогъ съ закрытыми глазами отвѣтилъ:

— Слышу, сестра моя, мать моя,—и жду тебя, все жду.

Герцогиня опять спросила:

— А слышишь ли, изстрадавшійся, какъ шуршитъ твой костюмъ—табачные брюки, темно-красный жилетъ и сюртукъ съ гвоздикой?

И Герцогъ, словно влюбленный, отвѣтилъ:

— Слышу родная, слышу единственная—и все жду тебя. И думаю, что прошли годы, какъ ты ушла за перегородку.

Герцогиня замолчала, а потомъ вернулась назадъ, какъ невѣста—свѣжая, возбужденная, положила къ ногамъ Герцога его костюмъ и сказала:

— Какая радость помочь тебѣ, у котораго нѣтъ ни сестры, ни матери, а только враги одни, какая радость прикоснуться къ твоему больному тѣлу и убрать его.

Герцогъ сказалъ:

— Не говори больше такихъ словъ, потому что я разрыдаюсь,—и ты не одѣнешь меня. Посмотри на мои глаза. Видишь-ли, сколько накопилось тамъ слезъ: вѣдь ихъ столько, что слезами этими можно залить всю землю.

А Герцогиня просто отвѣтила:

— Плачь, плачь, плачь! Выплачь всѣ свои слезы, и дай мнѣ ясный поцѣлуй на Поклонной горѣ. Вѣдь вытирала я слезы всѣхъ самыхъ ничтожныхъ людей. Почему же мнѣ не осушить твои слезы, каждая слезинка которыхъ кровавая капля?

И она обняла худыя ноги Герцога, открыла его грудь подъ холщевой рубахой, а на груди росли черные волосы. Приподняла Герцога, усадила, потомъ опять приподняла и опять усадила. Встряхнула сюртукъ и, когда изъ петлицы сюртука вывалилась свѣтло-зеленая гвоздика, она подняла ее и опять укрѣпила. И въ то время, какъ Герцогъ рыдалъ и рыдалъ, стыдился своихъ слезъ и радовался имъ, такъ какъ слезы облегчали его,—Герцогиня все пѣла и пѣла одну пѣсенку, которую, вѣроятно, сама сочинила.

Какъ прекрасны цвѣты—яркія розы, блѣдные ландыши и синіе васильки.
Почему же несчастенъ ты, человѣкъ?
Какъ прекрасны облака вечера, звѣзды ночи и блѣдная, блѣдная луна
Почему же несчастенъ ты, человѣкъ?
Какъ прекрасны твари, всякія букашки, милыя птички и бабочки съ быстрыми крылышками.
Почему же несчастенъ ты, человѣкъ? Почему?

И, пропѣвъ эту пѣсенку, Герцогиня сказала:

— Теперь ты похожъ на графа.

Но Герцогъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Ты все путаешь:—я похожъ на Герцога, а не на графа;—и онъ глубоко вздохнулъ.

А Герцогиня вдругъ подошла къ окну, маленькому, съ семью перекладинками, прижалась лицомъ къ стекламъ и сказала:

— Смотри, мой братъ, мой сынъ, мой отецъ: далеко-далеко синѣетъ Поклонная гора, вся окутанная прозрачнымъ туманомъ, словно окутанная дымчатой кисеею. Смотри: медленно, медленно таетъ туманъ—и растетъ гора, такая огромная, что на ней могутъ помѣститься колѣни несчастныхъ всего города.

Герцогъ на цыпочкахъ подошелъ къ Герцогинѣ и тихо сказалъ:

— Я часто любовался этой горой и всегда называлъ ее Поклонной. Какъ называютъ ее люди—меня не интересуетъ.

Герцогиня повернула голову къ Герцогу, притронулась къ его бородѣ, притронулась къ волосамъ и спросила:

— Развѣ, братъ мой, сынъ мой, другъ мой—не каждая гора—Поклонная? Развѣ не на каждой горѣ есть тропинки—торныя, глухія, по которымъ подымаются несчастные путники—и на зеленой вершинѣ кланяются своимъ страданіямъ. Мой бѣдный другъ, развѣ страданія не разрѣшаютъ пренебрегать названіями горъ и не учатъ ли они на каждомъ аршинѣ земли—видѣть Бога, который—одинъ только Онъ—понимаетъ тебя? Скажи мнѣ?

Герцогъ закрылъ глаза, вздрогнулъ и отвѣтилъ:

— Мудрая сестра моя, мудрая мать моя, мудрая дочь моя!—и онъ положилъ руки на голову Герцогини, а потомъ съ великой мукой поцѣловалъ Герцогини въ лобъ.

А гора, круглая, какъ шапка, круглая, какъ шеломъ древнихъ московскихъ витязей, подымала свое забрало, открывала свѣжее лицо, смотрѣла немигающими глазами на безпокойный городъ, готовилась смотрѣть — часъ, два, три, до самаго вечера, всегда смотрѣть—и завтра и черезъ тысячу лѣтъ.

А подъ моремъ домовъ, башенъ, дворцовъ и храмовъ пролетѣла стая какихъ-то птицъ, которыя летѣли изъ костромскихъ лѣсовъ въ ярославскіе и, всегда радостныя, широко-крылыя, онѣ безъ сожалѣнія оставляли гнѣзда, свитыя въ костромскихъ лѣсахъ—для другихъ гнѣздъ, которыя онѣ совьютъ надъ срубами колодцевъ, надъ темно-синими озерами и въ карнизахъ лѣсныхъ церковокъ ярославскихъ и вологодскихъ земель.

IV.

Стояла гора и поджидала своихъ путниковъ.

Со всѣхъ концовъ города, изъ всѣхъ лачугъ, подваловъ, изъ всѣхъ этажей—нижнихъ, среднихъ и верхнихъ шли ея путники, несли свои страданія и кланялись имъ.

И всѣ они думали:

— Тамъ—тамъ на горѣ я преклонюсь передъ страданіями своими отдохну и забудусь.

Всѣ они входили въ бѣлый домъ на вершинѣ горы, и домъ этотъ назывался домомъ умалишенныхъ, всѣ они знакомились другъ съ другомъ, спаивали свои страданія, обручались и, обрученные, умирали, потому что выше горы уже было само небо, а они стремились

все выше и выше: такъ велико было ихъ страданіе и такъ искренна была ихъ исповѣдь.

И вотъ изъ Сивцева-Вражка, который протянулся между Пречистенскимъ бульваромъ и Арбатомъ, а на домахъ Сивцева-Вражка были надписи: княгини Яблочкиной, урожденной графини Дубасовой, или потомственнаго дворянина тайнаго совѣтника Лихачева, или полковника гвардіи Ивана Шахова,—изъ маленькой парикмахерской выходилъ самъ парикмахеръ Степанъ Бѣленькій—въ длинномъ пальто-рясѣ, но шелъ уже не какъ парикмахеръ Степанъ Бѣленькій къ полковнику гвардіи Ивану Шахову подбрить его усы и сравнять бороду, а шелъ поклониться болямъ своимъ.

И при выходѣ онъ говорилъ своимъ подмастерьямъ:

— Ученики милые,—ждите моего прихода. Не ссортесь, не кричите—и живите съ миромъ, а я скоро вернусь.—И онъ странно благословлялъ ихъ.

А когда послѣ его ухода, кто-то приходилъ и спрашивалъ, гдѣ Степанъ Бѣленькій,—они отвѣчали:

— Степанъ Бѣленькій сейчасъ прійдетъ. Смѣшной онъ,—благословилъ и ушелъ.

А Степанъ Бѣленькій шелъ по Сивцеву-Вражку, кланялся, молился, прощалъ княгинѣ Яблочкиной, урожденной графинѣ Дубасовой—всю ея неправду, прощалъ тайному совѣтнику Лихачеву его большіе усы, гордо приподнятые кверху, прощалъ Ивану Шахову, полковнику гвардіи—шпоры, каску и длинную саблю. И, свернувъ въ Большой Афанасьевскій переулокъ, потомъ свернувъ на Пречистенку, поклонившись Храму Христа Спасителя, онъ всходилъ на мостъ, потомъ еще на одинъ мостъ, потомъ видалъ Высокую гору,

поднялся на ея вершину и остановился передъ бѣлымъ домомъ.

А со стороны Малой Бронной улицы, изъ дома Пузина и Колокольникова, а этотъ домъ рядомъ съ домомъ Брюхатова и Васильева выходилъ студентъ Алексѣй Розовъ, но выходилъ не какъ студентъ Алексѣй Розовъ, который всегда шелъ по Никитской, потомъ, свернувъ за уголъ—на Моховую,—кланялся бюсту Ломоносова,—а выходилъ Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ, бѣдный цвѣтокъ, который все вянетъ и вянетъ въ стужѣ жизни, все ниже и ниже опускаетъ свою голову.

И онъ спрашивалъ дворника своего дома:

— Эй, дворникъ,—гдѣ стеклянная лавка?

Дворникъ отвѣчалъ:

— Вамъ собственно, что нужно—лампу или посуду какую нибудь?

Тогда Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ говорилъ:

— Мнѣ, собственно говоря, нужно купить большой стеклянный колпакъ, который предохранилъ бы меня отъ стужи жизни.

Дворникъ понималъ его и отвѣчалъ:

— Слѣдовательно, вамъ нужно пріобрѣсти колпакъ, вродѣ стакана для цвѣтовъ и прочихъ предметовъ Но такого колпака здѣсь не найдете. Лампы есть — возлѣ общежитія, а колпаки на Тверской или Кузнецкомъ.

Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ грустно благодарилъ дворника, шелъ дальше и, увидавъ возлѣ дома Брюхатова и Васильева человѣка съ большимъ животомъ, можетъ быть, самого Брюхатова—говорилъ ему:

— Не откажите, пожалуйста, сообщить мнѣ, гдѣ продаются колпаки отъ стужи жизни?

Брюхатовъ окидывалъ его своими глазами съ ногъ до головы, долго молчалъ, а потомъ отвѣчалъ:

— Здѣсь нѣтъ такихъ—да.

Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ благодарилъ Брюхатова, шелъ дальше и, такъ какъ никто, никто не хотѣлъ сказать ему, гдѣ продаются стеклянные колпаки, предохраняющіе отъ стужи жизни, онъ,—увидавъ храмъ Христа, свернулъ на мостъ, поднялся на Поклонную гору и вошелъ въ бѣлый домъ.

А за Алексѣемъ Розовымъ-Цвѣткомъ бѣжала дѣвушка съ голубыми глазами и золотистыми волосами. Она спустилась по лѣстницѣ мезонина-свѣтлички на Поварской, перебѣжала улицу, потомъ остановилась на Арбатской площади, схватилась за грудь и закричала:

— Я Мадонна, ахъ,—я Мадонна! Зачѣмъ вы столкнули Мадонну съ ея пьедестала?!—и побѣжала дальше.

Но, вдругъ, возлѣ храма Спасителя она столкнулась съ чернымъ человѣкомъ Григоріемъ Кузнецомъ, который простеръ надъ собою руки, размахивалъ ими и все говорилъ:

— Машутъ мои усики, машутъ мои лапки! Жукъ я черный, изъ земли выросъ, увидалъ подноготную всѣхъ тайнъ. Черныя тайны, страшныя тайны! Жукъ я, жукъ черный! — и онъ все размахивалъ своими руками.

А потомъ, смѣшно подпрыгивая, побѣжалъ за Мадонной и скрылся за воротами бѣлаго дома.

А у воротъ стоялъ смѣшной маленькій человѣкъ, въ пестромъ пиджакѣ и розовой жилеткѣ съ золотыми пуговичками—и все вертѣлъ и вертѣлъ ручку своей шарманки. И была у него клѣтка, а въ клѣткѣ птичка:

соловей—не соловей, канарейка — не канарейка, чижикъ—не чижикъ, а такъ—пестренькая попрыгунья, которая все вертѣла и вертѣла головкой—то направо, то налѣво, смотрѣла то на домъ умалишенныхъ, то на храмъ Христа, съ огромнымъ куполомъ, то на хрустальныя облака,—а подъ облаками мчались сестры ея—перелетныя птицы, и все щебетали, щебетали. И была у шарманщика коробка съ билетиками, билетики лежали рядышкомъ и таили въ себѣ мудрыя слова:

„Знаешь-ли, прохожій, у какого поворота жизненнаго пути тебя ожидаютъ ласковые глаза и сердечныя улыбки? Будь поэтому осмотрительнымъ и вглядывайся“.

Или же:

„Даже Герцогамъ нужна ласковая рука, которая гладила бы ихъ, ибо, что значитъ блескъ славы и торжество могущества, если нѣтъ любящаго сердца“.

Лежали эти билетики рядышкомъ, а, когда шелъ дождь, капли его просачивались сквозь дощечки ящика, билетики смачивались, желтѣли, коробились, нѣкоторыхъ словъ уже нельзя было разобрать—и нужно было догадываться о смыслѣ написаннаго.

А по пыльной дорогѣ, которая, какъ лента, начиналась у храма Христа, протягивалась змѣею и упиралась въ домъ умалишенныхъ—въ золотѣ душнаго дня, шелъ Герцогъ въ табачныхъ брюкахъ, темно-красномъ жилетѣ и черномъ сюртукѣ съ блѣдной гвоздикой, украшенный всѣми своими звѣздами, крестами, медалями, а надъ головою Герцога клубились облака, и гнали облака небесные вихри, гнали отъ запада къ востоку, и облака, какъ льдины, воздымались, громоздились и пожирали другъ друга. Герцогъ шелъ и говорилъ.

— Какое сердце у тебя, Герцогиня, какое сердце! Оно могло бы объять всю землю—и все же въ немъ оставалось бы мѣсто для міра надземнаго. Какъ терпѣливо ты провела меня черезъ городъ, гдѣ воютъ шакалы, кричатъ гіены, а чернь бушуетъ, какъ огнедышащій кратеръ и все порывается къ своему Герцогу, чтобы припасть къ его ногамъ.

Герцогиня сказала:

— Да, отецъ мой, да, сынъ мой, да, братъ мой, чернь порывалась къ тебѣ, чтобы взглянуть на бриллiантовыя звѣзды и эмалевые кресты. Но я охраняла тебя. Иди, мой родной, иди—шагъ за шагомъ, и мы скоро взойдемъ на Поклонную гору.

— Я—иду сказалъ Герцогъ,—я иду,—ты видишь, какъ терпѣливо я иду: два шага, еще два шага—будетъ четыре, потомъ еще четыре, еще четыре, еще четыре,—и будетъ ихъ тысяча, сто тысячъ, милліонъ тысячъ шаговъ. Я не тороплюсь—всѣ герцоги и короли—не торопились.

И, когда приблизилась стѣна умалишенныхъ,—онъ сказалъ:

— Напримѣръ, одинъ изъ Великихъ Карловъ ѣхалъ на конѣ шагъ за шагомъ — медленно и величественно, но потомъ пускалъ коня вскачь, врѣзывался во враговъ и опрокидывалъ ихъ. Наполеонъ подымался на высокія горы, складывалъ крестомъ руки на знаменитомъ сюртукѣ, поправлялъ треуголку, смотрѣлъ въ долину и не торопился. Юлій Цезарь въ лунныя ночи выходилъ изъ палатки, выходилъ, таинственно улыбаясь, и, словно голубой римлянинъ, весь окутанный предразсвѣтнымъ туманомъ разговаривалъ съ собою—и не торопился. Неронъ, а затѣмъ многіе знатные аристократы республики и важные люди, напримѣръ, Катонъ, братья Гракхи и

нѣкоторые другіе—тоже не торопились. Что же касается Катилины, этого римскаго патриція, тѣло котораго было одно сплошное сердце, супруга Авреліи — вѣроятно, блондинки, такъ какъ ея имя начиналось съ буквы „А“,—онъ тоже не торопился. Впрочемъ—нѣтъ, нѣтъ, онъ торопился, онъ спѣшилъ—и поэтому проигралъ. Ахъ, какой это былъ умъ, ахъ, какой огонъ, какой пожаръ! Да, да, онъ былъ пожаръ, костеръ, факелъ, пылающій возмущеніемъ. Зачѣмъ онъ умеръ? Зачѣмъ умерла жена его—Аврелія, прекрасная блондинка съ голубыми глазами?

А стѣна умалишенныхъ все приближалась, приближалась, ровная, бѣлая, чистая, съ маленькими зубчиками, словно крѣпостная стѣна, охраняющая все самое значительное, до чего могъ подняться человѣческій умъ. И въ четырехъ крайнихъ окнахъ стѣны смотрѣли четыре лица съ лихорадочными глазами, и были то лица: — парикмахера Бѣленькаго, Алексѣя Розоваго—Цвѣтка, Мадонны съ золотистыми волосами, Григорія Кузнеца — земляного жука, который постигъ всѣ земляныя тайны, черныя, какъ черныя пещеры.

И всѣ они, казалось, внимательно слѣдили за каждымъ шагомъ Герцога и, когда Герцогъ подошелъ къ стѣнѣ, у воротъ крѣпко сжалъ локоть Герцогини и сказалъ:—О, мать моя, о, родная моя!—и заглянулъ въ самую глубину глазъ, Герцогини—они склонили свои головы, тихо вздохнули и—склоненными головами—благословили долгій и трудный путь Герцога. А потомъ отошли отъ оконъ, и опять стѣна умалишенныхъ сіяла своею бѣлизною, смотрѣла квадратными окошками на жаркое небо, а у воротъ маленькій человѣкъ все вертѣлъ ручку

своей шарманки и, казалось, думалъ о смыслѣ желтенькихъ билетиковъ, на которыхъ было написано:

„Все пройдетъ. Пройдутъ—и солнце, и луна, и звѣзды.

Или же:

„Каждое страданіе имѣетъ свой предѣлъ. Если горбятся, старятся, умираютъ могучіе Герцоги,—то что скажешь ты, рабъ смертный?“

И Герцогъ переступилъ порогъ бѣлаго дома. Первый предметъ, который онъ увидалъ, были старинные часы съ серебрянымъ циферблатомъ, съ черными стальными стрѣлками, огромнымъ бронзовымъ маятникомъ, который все раскачивался изъ стороны въ сторону, а часы отсчитывали свои удары:

— Тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ,—и даже было замѣтно, какъ передвигалась черная стрѣлка по серебряному циферблату. Двигалась она къ какому-то положительному часу, часъ этотъ былъ—XII—а за XII, казалось, уже начиналась сама вѣчность.

На порогѣ первой комнаты, облокотившись на косякъ двери—въ длинномъ бѣломъ платьѣ съ вѣнкомъ васильковъ на головѣ, стояла Мадонна и спросила Герцога:

— Вы откуда пришли, изъ города?

Герцогъ сжалъ локоть Герцогинѣ и сказалъ ей:

— Эта женщина о чемъ то спрашиваетъ.

Герцогиня тихо отвѣтила.

— Да, мы пришли изъ города.

— Изъ Москвы?—спросила Мадонна.

— Да, изъ Москвы.

Мадонна подняла руки, поправила вѣнокъ на головѣ и спросила:

— Какъ вамъ нравятся эти цвѣты?

— Они очень красивы,—сказала Герцогиня.—Вамъ вѣроятно, ихъ подарили?

— Да, когда я прибѣжала сюда, я нашла ихъ на стулѣ. Вѣроятно, эти цвѣты принесъ Іосифъ, онъ всегда украшалъ голову Мадонны.

— И она спросила:

— Вы будете жить здѣсь?

— Да, мы будемъ жить здѣсь.

И, когда Герцогиня такъ отвѣтила, Мадонна всплеснула руками и сказала:

— Ахъ, какъ хорошо, что вы будете жить здѣсь! Ужасно хорошо. У насъ очень свѣтло, и комнаты идутъ одна за другою. Когда мнѣ скучно, я выхожу на порогъ, облокачиваюсь и смотрю въ сосѣднія комнаты. Я вижу Бѣленькаго — онъ всегда молится, вижу милаго юношу Алексѣя Розоваго Цвѣтка, вижу Земляного Жука,—и всѣ они очень славные, Неужели, вы будете жить здѣсь?

Герцогиня отвѣтила:

— Да, да,—но мы еще успѣемъ поговорить съ вами,— и она прошла вмѣстѣ съ Герцогомъ впередъ.

На порогѣ второй комнаты они натолкнулись на Земляного Жука. Онъ размахивалъ руками и говорилъ:

— Машутъ мои усики, машутъ мои лапки, — жукъ я, жукъ земляной. Но потомъ пересталъ размахивать и сказалъ Герцогу:

— Здравствуй, милый другъ. Я давно поджидалъ тебя и зналъ, что, когда стрѣлки часовъ передвинутся впередъ еще на пять минутъ, ты непремѣнно придешь— и онъ пожалъ руку Герцога.

Иванъ Бѣленькій молился на колѣняхъ, стучалъ лбомъ о полъ и шепталъ:

— Господи, Господи,—прости имъ всю ихъ неправду, ибо не вѣдаютъ, что творятъ, прости имъ,—и онъ все стучалъ лбомъ о блестящій полъ. А въ четвертой комнатѣ Алексѣй-Розовый-Цвѣтокъ то застегивалъ, то разстегивалъ коричневый пиджакъ съ свѣтло-желтыми пуговицами и говорилъ:

— Холодно, о, какъ холодно! Дуетъ изъ всѣхъ щелей, изъ всѣхъ скважинъ,—и Розовый-Цвѣтокъ дышалъ на свои красныя руки и обводилъ комнату воспаленными глазами.

Было тихо въ этомъ храмѣ на вершинѣ Высокой горы,—и только слышался шопотъ молящихся, которые исповѣдывались, каялись, разрывали на части свое сердце, смотрѣли, какъ лилась кровь изъ растерзанной груди и старались въ молитвахъ подняться все выше и выше, подняться въ самую лазурь неба, гдѣ присутствуетъ самъ онъ — Богъ-Отецъ, съ бѣлой бородою бѣлыми бровями, бѣлыми волосами.

Герцогиня привела Герцога въ угловую комнату съ шестью огромными окнами. Эти окна смотрѣли во всѣ стороны города—и видали: огромные старинные дворцы, соборы, колокольню Ивана Великаго и Москву-рѣку — темно-синюю ленту,—и безграничныя равнины московскихъ полей съ курганами, перепоясанныя сѣрыми дорогами, а подъ курганами, подъ проѣзжими дорогами лежатъ кольчуги съ мѣдными побрякушками, лежатъ съ ржавыми ручками, лежатъ черепа—свѣтлые, бѣлые, черепа прекрасныхъ юношей, которые свалились на землю, упали головою въ зеленый ковыль, а надъ ковылемъ колыхались бѣлыя маргаритки.

Герцогиня привела Герцога въ угловую комнату и сказала:

— Смотри, Герцогъ, — вотъ твое ложе, вотъ твой тронъ!—а потомъ указала Герцогу на деревянную дощечку:

— Читай, мой братъ.

И онъ прочелъ:

— Ложе Герцога Герцоговъ.

И его объялъ огромный восторгъ, онъ припалъ къ Герцогинѣ, припалъ къ ея бѣлому лбу и долго, долго не отрывалъ своихъ губъ:

— Какая ты мудрая,—шепталъ онъ,—какая ласковая, и какъ все понимаешь.

А Герцогиня сказала:

— Мой славный другъ, мой братъ, сядь на тронъ, протяни ноги, протяни руки, я раздѣну тебя, ты отдохнешь и забудешься покойнымъ сномъ. Вѣдь ты усталъ, ты прошелъ весь городъ—и не спалъ всю ночь.

Герцогъ опустилъ руки на голову Герцогини и сказалъ:

— Да, я не спалъ всю ночь. Я не спалъ и прошлую ночь, и третью ночь, и четвертую, и десятую. Я не помню, когда спалъ. Я всегда былъ занятъ своими мыслями. Я укрѣплялся. И теперь, когда все готово, я отдохну и немножко забудусь сладкимъ сномъ. Потомъ проснусь, надѣну золотое обручальное кольцо и ринусь на враговъ. Вѣдь всѣ Герцоги, всѣ короли отдыхали передъ боемъ, ласкали женъ и говорили имъ сердечныя слова. Напримѣръ, Дмитрій Донской долго бесѣдовалъ съ силачами-монахами, а потомъ забылся тихимъ сномъ и, проснувшись, одержалъ побѣду на своемъ полѣ. Іоаннъ, передъ Казанской битвой—волновался и стучалъ

своимъ посохомъ, но потомъ успокоился и Казань подчинилась Іоанну. Я не знаю, отдыхали ли тѣ полководцы, которые въ концѣ XVIII столѣтія суетились подъ Парижемъ, то бросались въ Парижъ, то убѣгали изъ Парижа зачѣмъ то подходили къ предѣламъ Африки, а изъ Африки опять назадъ,—словно это такое пустое дѣло, какъ изъ Калошинскаго переулка перебѣжать на Собачью Площадку. Я не знаю, отдыхали ли эти полководцы, но, думаю, что отдыхали. Сонъ необходимъ. Послушай, что говоритъ о снѣ одинъ очень умный писатель. Онъ говоритъ: надо спать такъ, чтобы голова покоилась не слишкомъ высоко и не слишкомъ низко, иначе кровь приливаетъ къ головѣ и будутъ сниться гадкіе сны.

Герцогиня сказала:

— Погоди родной, погоди, я сейчасъ поправлю твою подушку, уложу тебя, сниму табачные брюки, темнокрасный жилетъ и сюртукъ съ медалями. Я положу сюртукъ возлѣ трона, засыпая, ты будешь смотрѣть на звѣзды, на кресты и тихо закроешь глаза. Я сяду близко, близко, буду ласкать тебя, ты уснешь и проснешься свѣжій и бодрый.

Герцогиня усадила Герцога на кровать, сняла брюки, жилетъ и сюртукъ, стыдливо прикрыла грудь, которая виднѣлась изъ подъ холщевой сорочки, застегнула всѣ перламутровыя пуговички и заботливо спросила:

— Что это за шрамъ у тебя на шеѣ?—А Герцогъ отвѣтилъ:

— Когда я былъ мальчишкой, другой мальчишка Лаврентій камешкомъ угодилъ.

А потомъ, чтобы Герцогъ не скучалъ, она спѣла одну пѣсенку, которую, вѣроятно, сама сочинила:

«Какіе большіе глаза у тебя, какіе широкіе и вдумчивые.
Почему, мой другъ, такіе они, почему?
Потому, родная, что все смотрѣли они, все плакали и расширялись.
Какія длинныя руки у тебя, какія худыя и жилистыя.
Почему, мой другъ, такія онѣ, почему?
Потому, родная, что все тянулись къ солнцу, тянулись и высохли.
Какія ноги у тебя, какія хромыя, усталыя и больныя.
Почему, мой другъ, такія онѣ, почему?
Потому, родная, что все ходили онѣ, ходили, спотыкались и кровянились.

И, спѣвъ эту пѣсенку, она сказала:

— Усни, мой родной, усни, а я буду смотрѣть въ окно на Москву-рѣку, буду охранять тебя и скажу твоимъ врагамъ:

— Кишь, кишь—проклятые,—онъ спитъ, онъ отдыхаетъ!

Герцогъ сказалъ:

— Да, я усну, я знаю, что усну, но передъ сномъ поцѣлую твою руку.

Онъ поцѣловалъ руку Герцогини и закрылъ глаза. А часы все тикали, тикали, передвигались впередъ черныя стрѣлки, и, казалось, что какой-то кузнецъ на вершинѣ Поклонной горы куетъ золотое кольцо, это кольцо должно спаять страданія Герцога и Герцогини, и слить два страданія въ одно,—крѣпкое, какъ алмазъ.

Въ дверь заглянула Мадонна.

— Онъ спитъ?—спросила Мадонна.

Герцогиня кивнула головою и отвѣтила:

— Да, онъ спитъ, не нарушайте сонъ Герцога.

Мадонна ясно улыбнулась и сказала:

— О, нѣтъ, нѣтъ, не бойтесь,—я уйду, я не любго

будить отдыхающихъ. Но, когда онъ проснется, я прійду и мы поговоримъ немножко о Мадоннѣ, которая называлась „Мадонна со Щегленкомъ“. Я уйду, я уйду.

И, стыдливо кивнувъ головою, она скрылась.

А передъ глазами Герцога развернулось большое полотно, и на бѣломъ полотнѣ красными буквами было написано:

СОНЪ ГЕРЦОГА.

И онъ началъ читать.

V.

— Мама, мама, — спрашивалъ маленькій мальчикъ, почему сегодня такъ свѣтло, такъ много солнца, такъ много блеску?

Мама положила руку на голову своего мальчика и сказала:

— Развѣ ты не знаешь, что пришла весна, душистая, солнечная?

Мальчикъ захлопалъ въ ладоши и закричалъ:

— Весна! А я забылъ, что весна. Скорѣе на дворъ, скорѣе!

А на дворѣ торжество, словно веселая, торжественная церковная служба. И, какъ въ веселой церкви, всѣ: священникъ, діаконъ, пѣвчіе, прислужники надѣваютъ новыя ризы, ярко-голубыя съ ярко-золотыми крестами, такъ и на дворѣ—все одѣлось въ голубое, золотое и сверкающее. Влага сочилась изъ подъ каждаго камушка, изъ подъ каждой ступеньки стараго балкона, изъ подъ каждой гнилой скамейки или гнилого столика. Капли скатывались по столбикамъ чернаго забора, и, вдругъ, ихъ пронизывало солнце,

капли горѣли, дрожали и падали на молодую, только что выглянувшую траву. Улитки прикрѣпились къ деревьямъ, странная паутина своею бахромою повисла на голыхъ вѣтвяхъ, и въ этой паутинѣ кружилась мошкара, жизни которой только одинъ часъ.

— Ахъ, какая радость!

Скорѣе, скорѣе заглянуть туда, въ глубину колодца. Скорѣе, скорѣе, по лѣстницѣ взобраться на крышу дома, сѣсть подъ бѣлой трубой, посмотрѣть на телеграфные столбы и проволоку съ ласточками. Скорѣе, скорѣе, спуститься съ крыши, побѣжать въ конюшню, поцѣловать коня въ его губы и заглянуть подъ вымя коровы съ умными глазами. Скорѣе, скорѣе, кувыркомъ скатиться въ погребъ и посмотрѣть, нѣтъ ли тамъ прошлогодней груши или яблока, съ одной стороны гнилого, а съ другой румянаго. Скорѣе, скорѣе, вернуться въ комнаты, открыть маминъ шкафъ, гдѣ висятъ ея платья—бархатныя, шелковыя, атласныя, голубыя, розовыя, синія, фіолетовыя, прижаться лицомъ къ платьямъ, даже поцѣловать ихъ и, цѣлуя платья, вообразить, что цѣлуешь маму, папу, цѣлуешь весну, солнце, молодую зелень, цѣлуешь весь міръ, такой золотой, такой прекрасный и душистый.

Какъ все понятно въ мірѣ: въ домѣ, въ саду, на балконѣ и подъ балкономъ. Какъ все просто и закономѣрно. Когда крыша почернѣетъ,—папа зоветъ работниковъ, и тѣ красятъ ее зеленой краской. Когда печка не грѣетъ, папа зоветъ печниковъ и тѣ перекладываютъ ее новыми кирпичами. Когда пожелтѣютъ обои, ихъ срываютъ со стѣны, и стѣны оклеиваютъ новыми. Какъ все просто на землѣ. Когда хочется ѣсть, подбѣжишь къ шкафу, взберешься на стулъ, раскроешь

шкафъ, а тамъ лежитъ маленькій кусочекъ сыру съ красной корочкой. И спросишь:

— Мама, можно взять этотъ кусочекъ и съѣсть его?

И чей-то голосъ, хрустальный, какъ хрусталь подвѣсокъ на лампѣ, отвѣтитъ:

— Конечно, можно. Вѣдь я сохранила этотъ кусочекъ для тебя.

Какъ все просто на землѣ. Когда хочется прижаться къ родному сердцу,—перебѣжишь только комнату изъ угла въ уголъ, пересядешь изъ одного кресла въ другой,—и уже касаешься сердца, уже чувствуешь, какъ оно, словно шалью изъ лебяжьяго пуха, покрываетъ тебя,—и нѣтъ уже самой маленькой скважины, нѣтъ уже самой маленькой, маленькой дырочки, тепло дышетъ въ лицо, ласки проникаютъ въ самую грудь, и слышишь шепотъ:

— О, мой ребенокъ, о, мой сынокъ.

Какъ все просто на землѣ. Когда хочется лечь и заснуть—постелька пріоткрываетъ свое одѣяло, рѣшетка наклоняется, подушки обнимаютъ, гладятъ щечки, и слышишь ангельскій голосъ:

— Спи, мой сынъ, спи, дорогой,—а потомъ изъ далекой комнаты доносятся звуки стариннаго вальса и кто-то говоритъ:

— О, жизнь, жизнь!—вы не знаете, что такое жизнь, вы не знаете.

А мальчикъ шепчетъ:

— Да, вы не знаете, что такое жизнь. Жизнь—это такъ просто: теплая постелька, яркое утро, канавки, гдѣ журчитъ вода, норки хорька, прошлогодніе листья, тропинки въ саду, нераспустившіяся почки, блестящія капельки, старый балконъ, старая дверь съ мѣдной

ручкой, гостиная съ плюшевой мебелью, мамины платья, мои лифчики, книжки съ картинками, часы съ маятникомъ—и старый рояль, на которомъ играютъ старые вальсы. Ахъ, все очень просто!

Но кто это вдругъ сказалъ:

— Посмотри направо.

Мальчикъ посмотрѣлъ, притронулся къ своему лицу и увидалъ, что дѣтское лицо постарѣло и покрылось морщинами. И онъ подумалъ:

— Почему постарѣло лицо, почему?—Но никто не отвѣтилъ,—почему. Было страшно тихо,—направо разстилалась широкая равнина, на горизонтѣ равнины стоялъ позлащенный городъ, дымились фабричныя трубы, а дымъ черными клубами подымался къ кровавому небу.

И опять кто-то сказалъ:

— Иди по тропинкѣ къ городу—шагъ за шагомъ, шагъ за шагомъ, все впередъ и впередъ, слѣди, какъ падаютъ на землю твои сокровища-птички, зеленыя почки, маленькія привязанности, все твое любимое, простое, понятное, иди, такъ надо.

И онъ закричалъ:

— Почему надо?! Отвѣчай мнѣ, почему!

Но вопросъ его замеръ въ тишинѣ равнины, а ноги стали передвигать свои ступни къ городу—и часто спотыкались о сѣрые полевые булыжники съ черными крапинками.

Онъ шелъ и думалъ,—почему? А когда вошелъ въ городъ, пересталъ думать—почему?—и рѣшилъ купить простой костюмъ,—не шутовской, не поповскій, не военный, не китайскій, не французскій, а—простенькій веселый костюмъ, съ широкими отворотами. Но веселаго костюма онъ не нашелъ. Костюмы, которые ему пока-

зывали, были—или безцвѣтные, или яркіе, или скромные или наглые. Эти костюмы, какъ хламъ, валялись на прилавкахъ, и, было обидно, что они валяются, какъ хламъ, и, было обидно, что продавцы, показывая ихъ, скалятъ зубы и плоско шутятъ. Онъ грустно сказалъ:

— У васъ нѣтъ веселаго платья.

Но продавцы отвѣтили:

— Вы очень требовательный.

Тогда, недолго думая, онъ надѣлъ первый подвернувшійся костюмъ: это были табачные брюки, темно-красный жилетъ и черный сюртукъ съ узкими отворотами.

И онъ говорилъ своему сердцу:—не стучи, глупое, успокойся. Но сердце стучало все громче и громче, и стукъ сердца, какъ стукъ башенныхъ часовъ, разносился по всему городу и будилъ даже ночныхъ сторожей.

Тогда кругомъ заговорили:

— У него отвратительное сердце, которое мѣшаетъ намъ заниматься будничными дѣлами. Замолчите!

Но сердце все билось и билось.

— Замолчите!—кричали,—замолчите!

Но сердце билось, билось, билось, словно это несчастное сердце завели на тысячу лѣтъ.

И, когда его ударили по спинѣ и закричали:

— О, проклятый, замолчите!—тогда онъ повернулъ лицо къ гонителямъ и прошепталъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, — никогда, никогда не замолчу. Я раскалю свое сердце до бѣла, я буду слѣдить, какъ плавится оно и роняетъ кровавыя капли на проклятую землю. Слышите—вы—ничтожные! — я раскалю свое сердце, слышите-ли вы—жалкіе!—я еще выше подыму табачные брюки, оголю худыя руки, засучу рукава

чернаго сюртука и покажу вамъ струпья, язвы гнойныя раны,—но не замолчу.

И городъ закричалъ ему въ лицо.

— Если такъ,—погибни уродъ, погибни! Смотри: мы устрашимъ тебя и покажемъ все наше черное, смрадное, отвратительное. И твоя мысль не выдержитъ. Это рѣшено—не выдержитъ.

И вотъ, одинъ за другимъ, начали приближаться уроды—враги, люди съ тѣломъ безъ души, словно изъ бронзы, глины или коричневой терракоты. Крошечные люди раздувались, какъ лягушки, хотѣли быть огромными, но это имъ не удавалось, и тогда изъ всѣхъ поръ грудной клѣтки просачивалась зеленая желчь и своею слизью покрывала бронзовыя или терракотовыя тѣла. Но, вдругъ, они сразу раздувались, выростали, подымались, были уже выше какой-нибудь колокольни Николы Москворѣцкаго и кричали:

— Смотри на наши пуговицы, смотри на фасонъ нашихъ ботинокъ, смотри на покрой нашего платья.

И онъ мучительно смотрѣлъ на пуговицы, на ботинки, на покрой платья—и уже зналъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло.

Онъ говорилъ:

— О, проклятая фантасмагорія! О, проклятая ограниченность! О, глупость, глупость, которая захватила въ свои руки весь міръ и держитъ его за горло!

Онъ приближалъ, лицо къ уроду и тихо спрашивалъ:

— Вѣдь ты ограниченъ, страшно, страшно ограниченъ. Притронься къ своей головѣ—посмотри: она приплюснута и мозгамъ твоимъ тѣсно.

Но уродъ, кривляясь, отвѣчалъ:

— Ну—и что-же? Посмотри на рантъ моего ботинка,—и онъ подымалъ высоко ногу,—видишь-ли? Нога, какъ нога, ботинокъ, какъ ботинокъ. Я человѣкъ, я живу, дышу, хожу и могу, если захочу, сдѣлать страшную рожу.

Онъ дѣлалъ страшную рожу, а потомъ высовывалъ языкъ съ бѣлымъ налетомъ.

Герцогъ закрывалъ глаза и шепталъ:

— Не буду смотрѣть, право, не буду. Но все же открывалъ глаза и видалъ теперь новаго урода. Этотъ былъ въ кругленькой шотландской шапочкѣ и держалъ въ рукахъ путеводитель Бедекера.

— Куда, чортъ возьми,—сказалъ Герцогъ, — куда ѣдешь ты? Сиди дома. Вѣдь ты глупъ, какъ улитка. Знаешь ли ты, по какимъ законамъ передвигаются небесныя свѣтила, каковы свойства недавно открытаго химическаго элемента? Развѣ страдалъ ты надъ трагедіями Софокла, Эврипида, Эсхила—и помнишь ли содержаніе чудной „Медеи“? А содержаніе—„Скованнаго Прометея“? А—„Ипполита“? А—„Эдипа-Царя“? Помнишь ли ты картину, которую кто-то написалъ кровью своего сердца? Кто ее написалъ!—Куда ты ѣдешь? Вѣдь ты не можешь рѣшить задачу съ однимъ неизвѣстнымъ и дѣлаешь ошибку въ словѣ „ссуда“.

Но уродъ снималъ шапочку и спрашивалъ:

— А, что хороша шапочка? А—хороша? Хороша,—право,—хороша. Шотландская, — купилъ въ магазинѣ Шанкса на Кузнецкомъ, тамъ за магазиномъ Аванцо, съ веселыми пейзажами. И билетикъ въ карманѣ. Маршрутъ такой:—Варшава—Вѣна, чудный городъ, чудные вѣнки, рыженькіе, съ плутовскими глазками; потомъ Тироль, потомъ нѣмецкая и французская Швейцарія,

потомъ немножко Италіи, чортъ возьми,—сама Венеція, а потомъ—назадъ. Изъ Италіи я пришлю тебѣ письмо и скажу:—здравствуй, мой милый!—и на первой страницѣ письма, вверху будетъ нарисованъ большой, пребольшой носъ. Итакъ, я ѣду,—прощай, ходячая скука.

Герцогъ закрывалъ глаза и шепталъ:

— Уѣзжай, уѣзжай съ Богомъ, а я забуду о тебѣ.

И онъ старался забыть, но другой уродъ подымалъ его вѣки и лукаво говорилъ:

— Я смотрю въ твои глаза — прямо-прямо. Что ты видишь?

— Я вижу,—отвѣчалъ Герцогъ,—страшное ухарство которое вросло въ тебя. Я вижу, какъ схвативъ рукою горло брата, друга, сына, отца,—ты кричишь: — ура, ура!—я молодчина, ничего не боюсь, — и звенишь въ карманѣ имперіалами, любуешься брилліантовымъ кольцомъ на пальцѣ, потомъ читаешь программу Большой Оперы, и читаешь что партію Маргариты въ Фаустѣ исполнитъ блондинка Легранъ, которая улыбается тебѣ со сцены.

— Вѣрно, вѣрно, дружище!—закричалъ уродъ,—ты кое-что видишь. Опускай глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчалъ Герцогъ,—я не опущу. Я вижу, какъ темными переулками ты ползешь въ домъ заклятаго врага, цѣлуешь его руки, говоришь, что онъ святой, кормишь собаченку яблочной пастилой, перелистываешь золотыя книги и говоришь, что онѣ самыя умныя, подпрыгиваешь на желтой шелковой мебели и говоришь, что она самая прочная, улыбаешься его женѣ и склоняешь голову передъ ея добродѣтелями, ночью, въ передней прячешь въ карманъ подачку врага, а за порогомъ дома подымаешь кулакъ, грозишь и кричишь:—мерзавецъ!

— Вѣрно, вѣрно, канашка!—смѣялся уродъ,—ты кое-что замѣчаешь, опускай глаза.

— Нѣтъ, нѣтъ, — кричалъ Герцогъ, я не опущу. Я вижу, какъ за мѣдный грошъ ты продаешь мудрость античныхъ философовъ, за два гроша отвагу Леонида въ Ѳермопильскомъ ущельѣ, за два гроша съ половиной нагорную проповѣдь Христа, за три гроша,—кровь инквизиціи, прекрасное безумство Донъ Кихота на хромомъ Россинантѣ, хохотъ Раблэ, а за пятачекъ сразу сбиваешь все, все, что сыграли музыканты тридцати столѣтій—и на вырученныя деньги покупаешь кремовую фуфайку, которая должна согрѣть твой жирный животъ.

— Вѣрно, вѣрно, ребеночекъ сказалъ уродъ,—право ты угадываешь. Но опускай глаза. Вѣдь ты хочешь сказать нѣчто страшное.

И Герцогъ сказалъ нѣчто страшное.

— Я слышу, какъ ты разговариваешь самъ съ собою. Я слышу, какъ ты говоришь: надо приподнять вѣку лѣваго глаза, потомъ отпустить ее, опять поднять, опять опустить; когда выкатится слеза,—всѣ подумаютъ, что я сострадаю мукамъ инквизиціи и, когда они такъ подумаютъ, я незамѣтно вытащу изъ ихъ кармана носовой платокъ съ коронкой и развяжу всѣ узелки. Потомъ ты говоришь: надо приподнять и опустить, опять приподнять, опять опустить вѣку праваго глаза, когда выкатится крупная слеза,—всѣ подумаютъ, что я не забылъ о бредняхъ идеалистовъ—милыхъ фантазеровъ; а я въ это время незамѣтно вытащу изъ ихъ бокового кармана бумажникъ съ моими векселями и положу въ карманъ злую гадюку. А потомъ надо приподнять и опустить обѣ вѣки. Когда выступятъ на рѣсницахъ

горошинки слезъ—всѣ подумаютъ, что я знаю то, что было, есть и будетъ, даже знаю, гдѣ валяется тотъ гвоздь, который вбили въ ногу Христа. А я въ это время задушу ихъ и сброшу съ Каменнаго моста на дно Москвы-рѣки.

— Вѣрно, вѣрно,—закричалъ уродъ,—опускай глаза, опускай!

И Герцогъ опустилъ.

Но, вдругъ, его объяло бѣшенство. И онъ рѣшилъ съ великой мукой приподнять вѣки глазъ. Онъ приподымалъ ихъ, приподымалъ, скрипѣлъ зубами, слыхалъ, какъ трещали челюсти, какъ ломались кости черепа и своими осколкали врѣзывались въ его мозгъ. Онъ видалъ, какъ сгибались ноги, руки, какъ сгибались ребра и, кривыя, вонзались въ сердце: но онъ все приподымалъ, приподымалъ и приподымалъ. Онъ слѣдилъ, какъ отдѣлялось тѣло отъ скелета—и обнажались позвонки, суставныя кости, бедренныя кости и остроконечный бѣлый приростокъ таза. Онъ видалъ свое мясо, которое валялось на землѣ—у ногъ, и было оно черное, гнойное, какое-то лошадиное мясо, а не человѣческое. И, вдругъ, оторвалась голова, оторвались руки, ноги, все оторвалось, вытекли глаза, мозгъ вытекъ, и осталась одна ненависть, которая жила такою могучей жизнью, какою не жили—ни глаза его, ни ноги, ни руки. Были у этой ненависти свои глаза, и увидали они уродовъ всего міра—словно одну огромную гидру, зеленую, шипящую, изрыгающую пламя.

И Герцогъ, отлившійся въ бѣшеную ненависть, закричалъ:

— Въ бой! Въ бой! И запылалъ пламенемъ, началъ изрыгать огонь, взвился надъ землею, распустилъ

крылья, набросился на зеленую гидру—и вонзилъ зубы въ ея ярко-красное, какъ у индюка, ожерелье.

Молчала земля, молчали поля, озера, рѣки и всѣ они подняли свои головы туда вверхъ, гдѣ происходилъ поединокъ Герцога съ гидрой.

И вдругъ начали звонить колокола храмовъ—вдругъ встрепенулись поля, лѣса, рощи, луга, рѣки, озера, вдругъ ожерелье гидры сдѣлалось ярко-пунцовое, словно въ него впиталась кровь всей земли, вдругъ разверзлись небеса, и послышался голосъ:

— Герцогъ! Прокуси ожерелье гидры. Герцогъ людскихъ страданій, вздоховъ, слезъ, освѣти землю пунцовымъ бенгальскимъ огнемъ, и пусть изъ всѣхъ скважинъ земли, изъ всѣхъ поръ ея выступитъ скрытая боль и разольется, какъ разливаются вышедшія изъ береговъ могучія рѣки. Прокуси, Герцогъ прокуси!

А ожерелье гидры все раздувалось, все раздувалось, рѣки, озера, лѣса опять замолчали и напряженно ждали, когда Герцогъ прокуситъ вздувшееся ожерелье.

И Герцогъ напрягъ всю свою волю, широко раскрылъ ротъ вонзилъ глубоко, глубоко зубы въ ожерелье — и прокусилъ его. И—тогда гидра, какъ сырая тряпка, упала на землю, а кровь, брызнувшая фонтаномъ, поднялась къ самой высшей точкѣ неба, потомъ фонтанъ раскрылся, какъ раскрывается вѣтеръ,—и на землю низринулся ливень алой, крови.

Ослѣпительный свѣтъ лился изъ какой-то скважины неба, онъ мало по-малу принималъ золотистый оттѣнокъ и, наконецъ, свѣтъ опредѣлился,—былъ онъ золотой, и легъ по всей землѣ.

И, когда Герцогъ выросъ выше самаго великаго Герцога Герцоговъ, и ростъ его прекратился, онъ закричалъ:

— Я вскипѣлъ, я укрѣпился, я побѣдилъ. И надо уже умереть, надо умереть. И, когда онъ закричалъ:— надо умереть—спустился съ неба бѣлый ангелъ и бѣлый ангелъ была его Герцогиня.

Герцогиня сказала:

— Я склонюсь надъ ложемъ, когда закроются твои глаза, припаду къ сомкнувшимся вѣкамъ и облобызаю ихъ. Вѣдь я вытирала слезы самыхъ безсильныхъ и мерзкихъ, почему же мнѣ не закрыть твоихъ глазъ?

Она жарко-жарко поцѣловала Герцога и своимъ поцѣлуемъ разбудила его.

Онъ открылъ глаза, приподнялся на локоть, обвелъ комнату удивленными глазами и увидалъ, что вся комната была залита пурпуромъ заката и каждый куполъ храма, каждая башня, каждая крыша дворца были — словно огромные вздувшіеся сосуды, а изъ сосудовъ просачивался пурпуръ и смѣлый бросалъ фонтаны прямо вверхъ туда, къ небу, къ раскаленному красно-золотому солнцу.

И уже не было прежней дѣйствительности: дѣйствительность переплелась со сномъ, и—онъ сказалъ:

Таинственное царство,—и посмотрѣлъ на Герцогиню. Герцогиня стояла въ бѣлой, мягкой туникѣ, съ золотыми и серебряными пряжками, въ сандаліяхъ желтой кожи—были видны ея стройныя ноги съ нѣжными длинными пальцами. Казалось, она простерла свою руку, какъ утѣшительница, коснулась волосъ Герцога и сказала:

— Да, таинственное царство.

А потомъ, словно опустилась на колѣни, словно прижалась къ его тѣлу, словно слились два сердца въ одно, словно спаялись страданія и, словно сказала:—развѣ это не сказка? Сказка, Герцогъ,—сказка. И глаза твои—уже не твои, и уши твои—уже не твои, все—не твое, все—не твое. И сейчасъ начнется чудесное.

Герцогъ тихо спросилъ:

— А за чудеснымъ—смерть. Да?

Но Герцогиня не отвѣтила ему. Она все просвѣтлялась, просвѣтлялась, за ея спиною уже шуршали хрустальныя крылья,—вдругъ, она осѣнила Герцога своими крыльями, распростерла ихъ, улыбнулась, подняла голубыя очи—и, вся бѣлоснѣжная, застыла, какъ мраморное изваяніе.

VI.

Словно могучій восточный повелитель, Герцогъ сидѣлъ на высокомъ золотомъ тронѣ, въ пурпурныхъ одеждахъ, въ каждой ногѣ его было милліонъ пудовъ, въ каждой рукѣ—полъ-милліона пудовъ, онъ склонилъ голову на грудь, потомъ поднялъ ее и сказалъ Герцогинѣ-бѣлоснѣжному ангелу:

— Пусть войдетъ Мадонна и разскажетъ мнѣ о своихъ страданіяхъ.

И легко, какъ игривая козочка на стройныхъ ножкахъ, вбѣжала Мадонна съ вѣнкомъ цвѣтовъ на головѣ, съ вѣточкой въ зубахъ, упала на колѣни, прижалась лицомъ къ ногамъ Герцога и сказала:

— Ахъ, я знала, я знала, что ты позовешь меня. И я разскажу тебѣ о Мадоннѣ, которая называлась „Мадонна съ Щегленкомъ“.

Герцогъ спросилъ:

— Гдѣ же остальные?

Мадонна отвѣтила:

— Они подслушиваютъ подъ дверью.

Тогда Герцогъ милостиво кивнулъ головою и сказалъ:

— Пусть подслушиваютъ, если хотятъ, пусть подслушиваютъ.

Мадонна приподнялась на одно колѣно и спросила:

— Скажи, Герцогъ, неужели сегодня, когда часы пробьютъ много ударовъ, ты умрешь? Неужели?

Герцогъ положилъ руку на голову Мадонны и отвѣтилъ:

— Развѣ не время? Вѣдь я побѣдилъ гидру, пора и умереть.

— И твоя душа улетитъ въ чертоги Бога?—спросила Мадонна.

— Да,—отвѣтилъ Герцогъ.

А потомъ прибавилъ:

— Но передъ полетомъ въ чертоги Бога—моя душа будетъ сначала странствовать по городу. И она заглянетъ туда, гдѣ я сильно страдалъ. Напримѣръ, въ уголкѣ бульвара есть скамейка, гдѣ, опустивъ голову и сложивъ руки, въ осенній вечеръ, я думалъ о судьбѣ человѣчества. Есть каменная плита на углу двухъ переулковъ, остановившись на которой, я смотрѣлъ на потокъ людской толпы и презиралъ эту толпу. Есть многія комнаты и комнатки, дома и домики, гдѣ я сидѣлъ, ѣлъ, пилъ, спалъ, гулялъ, читалъ и, конечно, страшно страдалъ,—душа заглянетъ и туда. А когда ей сдѣлается скучно,—она улетитъ въ чертоги Бога.

— И съ высоты небесныхъ полей ты посмотришь на меня?—спросила Мадонна.

— Конечно, посмотрю,—отвѣтилъ Герцогъ и провелъ рукою по лицу Мадонны.

Вздохнувъ, онъ сказалъ:

— А теперь я задамъ тебѣ нѣсколько рискованныхъ вопросовъ и хочу получить твои рискованные отвѣты.

— О, я очень люблю рискованные вопросы!—воскликнула Мадонна.—Эти вопросы стоятъ на томъ рубежѣ, за черту котораго люди боятся перешагнуть. О, я очень люблю эти вопросы.

Герцогъ положилъ руки на плечи Мадонны, сжалъ плечи, приблизилъ лицо Мадонны къ своему лицу и сказалъ:

— Какая ты молодая и красивая! Какая красивая!

Мадонна опустила глаза и сказала:

— Ты говоришь правду: я очень красива.

— И ты всегда слыхала шопотъ вокругъ себя:— какъ она красива, какъ она красива?

— Да, я слыхала этотъ шопотъ, но думала: „а Мадонна красивѣе меня. Она абсолютно прекрасна, она— сама истина“.

— Но вѣдь ты тоже Мадонна?—спросилъ Герцогъ.

— Я—маленькая Мадонна,—отвѣтила она, и еще ниже опустила голову.

— А грязь жизни какъ же?

— О, я много разскажу тебѣ о грязи жизни,— сказала Мадонна.—Сошло сіяніе—грязь высохла. А прежде—Боже мой! Ты знаешь ли: въ нашъ домъ на Поварской еженедѣльно приходили работники, они натирали полы, мыли окна и палками стучали по дорогой блѣдно-голубой шелковой мебели съ серебряными вензелями. Но все же пыли было очень много, и эта пыль таилась вездѣ: въ деревянныхъ коробкахъ, въ

золотыхъ ящичкахъ туалетовъ, въ шкатулкахъ слоновой кости для писемъ, въ стальныхъ сундучкахъ для драгоцѣнныхъ вещей. Знаешь ли, къ намъ приходили хорошо одѣтые люди, которые говорили веселыя, звонкія слова,—но эти веселыя слова не могли побороть старинныхъ мрачныхъ мыслей, и мысли, какъ пыль, прятались въ складкахъ портьеръ, въ кружевѣ занавѣсокъ, за стеклами старинныхъ портретовъ. А вечеромъ являлись незванные гости — тѣни прошлаго. Они устремляли на насъ свои глаза и говорили:—смотрите на насъ,—мы вечерніе гонцы вашихъ грустныхъ воспоминаній.—Ахъ, сколько, сколько было пыли. Я открывала окно своей свѣтелки-мезонина и смотрѣла на улицу. По улицѣ ѣхали страшные толстяки въ просторныхъ экипажахъ, — и было отвратительно на нихъ смотрѣть. Тогда я смотрѣла на звѣздочку и шептала: звѣздочка, звѣздочка, когда же опять придетъ на землю добрая Мадонна? А звѣздочка отвѣчала мнѣ:—скоро, милая, скоро. Но Мадонна не приходила и было такъ грустно.

— Ты плакала?—спросилъ Герцогъ.

— Конечно, плакала,—отвѣтила Мадонна,—и мои слезы скатывались на лицо Мадонны Грандуки; я любовалась ею и утромъ, и днемъ, и вечеромъ.

— Да, да, я запирала на замокъ дверь свѣтелки, взбиралась съ ногами на диванъ и всматривалась въ лицо Мадонны со Щегленкомъ. Ко мнѣ стучали въ дверь и сказали, что пришелъ господинъ, зоветъ меня и хочетъ пожать мою руку. Я сбѣгала по лѣстницѣ свѣтелки-мезонина и въ столовой видала этого господина.

Онъ спрашивалъ:

— Вы чѣмъ занимались?

Я отвѣчала:

— Разсматривала Мадонну со Щегленкомъ.

— Какое пустое дѣло,—говорилъ онъ,—улыбался, вынималъ душистый платокъ и проводилъ платкомъ по пышнымъ усамъ.

— Отвратительный человѣкъ,—сказалъ Герцогъ,—отвратительный.—И на землѣ многое множество подобныхъ людей. Неправда ли?

— О, ихъ ужасно много, — повторила Мадонна. — Эти люди стоятъ на каждомъ углу, на каждомъ перекресткѣ, возлѣ каждаго подъѣзда. Они надѣваютъ пикейные жилеты, и бѣлые жилеты должны прикрыть грязь тучнаго тѣла. О, какъ это наивно. Они надѣваютъ воротнички и манжеты, которые должны скрасить безобразныя шеи, головы, руки. О, какъ это смѣшно. Эти люди, словно тараканы, расползлись по землѣ, захватили землю въ свои руки, поставили часовыхъ, и злые часовые загораживаютъ дорогу доброй Мадоннѣ.

— Да, да, — сказалъ Герцогъ, — часовые загораживаютъ дорогу Мадоннѣ. Что они говорятъ ей?

— Часовые говорятъ: — уходи назадъ въ свои идеальныя сферы, не мѣшай намъ,—мы заняты неотложными дѣлами. Но Мадонна грустно спрашиваетъ ихъ:

— Скажите мнѣ, чѣмъ заняты вы?—И скромно улыбается.

Часовые отвѣчаютъ:

— Мы строимъ, воздвигаемъ, копаемъ, унаваживаемъ, сдвигаемъ, раздвигаемъ, приподнимаемъ, опускаемъ, шлифуемъ, оттачиваемъ, заостряемъ, вбиваемъ гвозди и стучимъ молотками.

— Ну, и что же?—спрашиваетъ она.

Часовые сердятся и говорятъ:

— Развѣ ты не удовлетворена?

Но Мадонна поправляетъ складки своей туники и спрашиваетъ:

— Для кого же вы трудитесь?

Они отвѣчаютъ:

— Для себя и намъ подобныхъ.

— А вы кто такіе?—спрашиваетъ она.

И когда она такъ спрашиваетъ, они приходятъ въ бѣшенство, краснѣютъ, ихъ уши наливаются кровью, дрожатъ губы, руки, ноги, и они кричатъ:

— Убирайся вонъ, убирайся!

Мадонна, склонивъ голову, тихо удаляется и, ставъ за какое-то развѣсистое дерево, каждый листочекъ котораго въ лучахъ солнца золотой, она вытираетъ слезы и смотритъ на своихъ гонителей.

Герцогъ повернулъ голову къ Герцогинѣ-бѣлоснѣжному ангелу и спросилъ:

— Какъ нѣжно говоритъ Мадонна. Не правда ли?

Герцогиня медленно приподняла хрустальное крыло, осѣнила имъ герцога и сказала:

— Мой братъ, родной мой, эти нѣжныя слова всегда витаютъ между деревьями, домами, заборами, но только передъ смертью люди слушаютъ ихъ музыку и, слушая, рыдаютъ. Спрашивай дальше,—вѣдь я стою возлѣ тебя и сейчасъ поправлю гвоздику, которая, кажется, хочетъ вывалиться изъ петлицы.

И Герцогиня прикоснулась ангельской рукою къ зеленой гвоздикѣ—и, когда прикоснулась, въ душу Герцога вошелъ великій покой, онъ откинулся на спинку трона и спросилъ:

— Мадонна, ты помнишь улыбку чернаго призрака, который слѣдовалъ за тобою по пятамъ, когда ты мчалась къ объятіямъ Мадонны, стучалъ костяшками и слѣпыми глазами слѣдилъ за каждымъ твоимъ шагомъ? Разскажи мнѣ о его глазахъ.

Мадонна подняла голову съ колѣнъ Герцога и сказала:

— Слушай: утромъ я пила чай въ нашей большой столовой.. За самоваромъ сидѣла мама, папа читалъ газету, братикъ присасывался губами къ стакану, сопѣлъ и спѣшилъ въ гимназію, а сестры еще спали и нѣжились подъ пушистыми одѣялами. На лицахъ папы и мамы были тѣ же складки, тѣ же морщины, которыя были вчера, годъ тому назадъ, и каждая складка каждая морщинка говорила, что они люди своей эпохи, своихъ мелкихъ заботъ, своихъ коротенькихъ мыслей, и глаза ихъ—слѣпы, слѣпы. О, какъ страшно видѣть открытые глаза и знать, что они слѣпы! Какъ страшно сидѣть бокъ-о-бокъ съ тѣмъ, кто далъ тебѣ жизнь, частицей котораго являешься ты самъ и знать, что этотъ человѣкъ безповоротно обреченъ на темное прозябаніе! И это твой отецъ? И это твоя мать? И это твой маленькій братикъ, который растетъ, чтобы ослѣпнуть и, ощупью, подвигаться къ зловонной могилѣ? О, какъ страшно! А солнце врывалось въ окна сверкающими потоками, небо смотрѣло сквозь бѣлыя шторы и, казалось, что прильнувъ къ стекламъ, съ открытой шеей стояла Мадонна—ея платье свѣтилось молочными складками, она была перепоясана серебрянымъ поясомъ съ синими, зелеными, красными камнями, — грустная, грызла вѣточку и смотрѣла на утреннюю сырую землю. А надъ головою Мадонны чирикали птички.

И, казалось,—она стучала своимъ пальцемъ съ миндалевиднымъ розовымъ ногтемъ въ самое нижнее стекло и говорила:

— Раскройте окна—и я скажу вамъ свое тихое привѣтствіе. Раскройте двери—и я войду къ вамъ и разскажу о кротости, о гармоніи, о игрѣ красокъ, о лучахъ, играющихъ въ граняхъ драгоцѣнныхъ камней, о травкѣ, о жучкахъ, они прикрѣпились къ былинкѣ, все раскачиваются и раскачиваются изъ стороны въ сторону и жужжатъ хвалу своему творцу. Я разскажу вамъ о младенцѣ—чудномъ Христѣ, который принесъ эти камни, взростилъ эти былинки, этихъ жучковъ—и сказалъ: люди, люди, нѣтъ чистоты, кромѣ чистоты граней изумруда, нѣтъ кротости, кромѣ кротости невинныхъ жучковъ, нѣтъ радости, кромѣ радости вольнаго дыханія подъ бирюзовымъ небомъ!

Герцогъ опять повернулъ голову къ Герцогинѣ-бѣлоснѣжному ангелу съ вздрагивающими крыльями и сказалъ:

— Какъ нѣжно она говоритъ, какъ много дивныхъ словъ. Эти слова складываются въ чудную музыку—пѣсню Эоловой арфы.

Герцогиня-бѣлоснѣжный ангелъ преклонила одно колѣно и, когда преклонила, складки туники красиво легли на полу, а изъ подъ складокъ обрисовалась нога Герцогини, тонкая, хрупкая и непорочная.

Она сказала:

— Герцогъ! Въ садахъ неба, въ паркахъ лазурныхъ высотъ всегда слышится легкая рѣчь, словно прозрачная кисея, словно гирлянда серебряныхъ словъ.

Герцогъ провелъ рукою по волосамъ Мадонны и спросилъ:

— Мадонна, каково будетъ грядущее царство? Скажи мнѣ?

Герцогиня-бѣлоснѣжный ангелъ тоже попросила:

— Скажи ему.

Мадонна радостно улыбнулась и отвѣтила:

— Хорошо, я скажу. Знакома ли тебѣ радость когда усталый, голодный, больной ты идешь по полевой тропинкѣ, видишь небо, землю, траву—и думаешь, когда же конецъ пути? И вдругъ, радостная встрѣча: бѣднякъ, у котораго въ рукахъ ломоть хлѣба и кружка воды. Бѣднякъ говоритъ: возьми мякишь, а мнѣ оставь коричневую корку, отпей половину кружки, а мнѣ оставь другую половину. Ты смотришь въ его глаза и отвѣчаешь: у тебя огромные глаза, въ которыхъ отражается сама душа? Знакома ли тебѣ радость, когда согбенный съ разорваннымъ сердцемъ, истекающій кровью,—ты вдругъ чувствуешь, что кто то ласкаетъ тебя, кто-то бережно складываетъ обѣ половинки трепетнаго сердца и легкимъ фуляромъ вытираетъ проступившія наружу капли крови? Знакома ли тебѣ радость бурнаго стремленія одной души къ другой, когда послѣ первыхъ же словъ падаютъ преграды, рушатся стѣны, открываются долины, поля безграничныя, по которымъ рука съ рукою ты идешь съ другомъ, какъ съ братомъ—и говоришь:—смотри на небо, дыши вольнымъ воздухомъ! Какое счастіе, какое счастіе!—Знакома ли тебѣ радость, когда звучная пѣсня вырывается изъ груди разливается яркимъ каскадомъ, сливается съ другими пѣснями, цѣпа молотятъ янтарный хлѣбъ, душистая пыль стоитъ надъ головою, кричатъ перепела, а кругомъ смѣются братья съ могучими грудями, сестры съ лицомъ Мадонны, твои мысли сплетаются съ ихъ мыслями, твои

упованія съ ихъ упованіями и слышится призывный гулъ колоколовъ сельскихъ церквей маленькихъ робкихъ? Знакома ли? Знакома ли?

— Знакома ли?—спросилъ Герцогъ, улыбнулся и закрылъ глаза. И въ улыбкѣ Герцога отразилось огромное пониманіе, и—казалось, что онъ—могучій повелитель—знаетъ все, что—было, есть и будетъ. И, казалось, что въ молчаніи комнаты съ шестью окнами зрѣетъ и зрѣетъ какое то великое откровеніе, это откровеніе послѣ полуночи, съ первой полосой разсвѣта—распустится, какъ распускается цвѣтокъ, люди опустятся на колѣни передъ откровеніемъ и склонятъ свои головы.

И вдругъ, загадочно улыбнувшись, Мадонна спросила:

— Видишь-ли ты—огромное свѣтло-бирюзовое полушаріе, которое поднялось надъ землею?

Герцогъ отвѣтилъ:

— Вижу.

А Герцогиня-бѣлоснѣжный ангелъ подтвердила:

— Да, онъ видитъ.

— Видишь-ли ты,—спросила Мадонна,—разшитые золотомъ простые уборы новыхъ людей и видишь-ли, какъ идутъ дружины ихъ въ сторону полей, лѣсовъ, рощъ, и предводительствуетъ ими молодой художникъ съ русыми волосами, въ голубой шелковой жилеткѣ и ударяетъ кистью руки по струнамъ звучной лиры?

— Вижу,—отвѣтилъ Герцогъ и посмотрѣлъ куда-то въ даль.

А Герцогиня подтвердила:

— Да, онъ видитъ.

— Видишь-ли ты, спросила Мадонна,—простыя радости, простыя заботы, простыя печали новыхъ людей,

видишь-ли, какъ все сложное они сдѣлали простымъ, сняли тяжелыя мѣдныя крышки и забросили эти крышки въ далекое Тараканское царство, царство песковъ и мертвыхъ морей.

— Вижу,—отвѣтилъ Герцогъ.

А Герцогиня подтвердила:

— Да, онъ видитъ.

— И ты видишь ихъ произведенія исусства?—спросила Мадонна.

— Вижу,—сказалъ Герцогъ.

— И видишь ихъ орудія земледѣлія, печатные станки, кирки и ломы, которыми они добываютъ золото?

— Вижу,—повторилъ онъ.

— Видишь ручныхъ звѣрей, птицъ, бѣлокъ, могучихъ коней, которые ежедневно везутъ ихъ въ сказочное царство? Видишь-ли?

— Вижу—и Герцогъ провелъ рукою по лбу.

— А Герцогиня подтвердила:

— Онъ видитъ новое лазурное царство, онъ видитъ его.

И, когда Герцогъ поднялся во весь ростъ на своемъ тронѣ, простеръ руки, и въ каждой рукѣ его было полъ-милліона пудовъ и, освѣщенный кровью заката, которая все лилась черезъ шесть высокихъ оконъ, сказалъ:

— Да, я вижу новое лазурное царство, ибо близка моя смерть!—Вдругъ заиграла музыка, ея звуки таинственно-страшно звучали въ пунцовомъ эѳирѣ вечера, и было страшно, что музыка играетъ вечеромъ, и было страшно смотрѣть на мясистыя, раздувающіяся щеки трубачей, присосавшихся губами къ холоднымъ трубамъ, а трубы, какъ бронзовыя змѣи, оплели тѣла музыкантовъ, и своими кольцами сжимали ихъ.

— Трамъ-трамъ-тра-та-тамъ!.. трубили трубачи, въ ногу шли по пыльной дорогѣ и играли маршъ таинственному царству.

Герцогъ снова повторилъ:

— Я вижу новое лазурное царство, я вижу его, ибо близка моя смерть.

И, когда онъ закрылъ свои уста и замолчалъ, Мадонна опустилась къ подножью трона, припала губами къ ступнямъ ногъ Герцога, а Герцогини—бѣлоснѣжный ангелъ—склонилась надъ Герцогомъ и пропѣла ангельскую пѣсню:

Высоко въ небѣ, высоко, плывутъ бѣлыя облака,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!
Высоко въ небѣ, высоко, летятъ бѣлыя птицы,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!
Высоко въ небѣ, высоко, вьются бѣлые ангелы,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!

И, пропѣвъ эту пѣсню,—Герцогиня взмахнула широкими крыльями, подняла голову и сказала:

— Бѣгутъ секунды, бѣгутъ минуты, четверть часа стремится за четвертью—приближается полночь.

А Мадонна распустила пряди золотыхъ волосъ, подняла на Герцога глаза, полные слезъ и прошептала:

— О, смерть, смерть!—о, страшная полночь! Зачѣмъ склоняется солнце, зачѣмъ погружается оно въ черную пропасть? Какъ страшно, какъ страшно...

Но Герцогъ заглянулъ въ ея глаза, сверкающіе брилліантами слезъ и сказалъ:

— Какъ ты красива, какъ стройна, какъ прекрасна! Не бойся: смерть—это не страшно. Умираютъ Герцоги, умираютъ слуги Герцоговъ. Умерли: Цезарь, умерли Карлы на пятнистыхъ коняхъ и умеръ Наполеонъ—

самъ онъ Наполеонъ—Бонапартъ—въ треуголкѣ и старомъ сюртукѣ. Не бойся,—смерть—это не страшно.

И, поцѣловавъ въ лобъ Мадонну, Герцогъ откинулся на спину трона и закрылъ глаза.

А трубачи все трубили въ свои трубы, — Москва казалась темно-бронзовой и стѣны ея, башни, храмы были изъ старой бронзы, пурпурной въ огнѣ заката.

VII.

И очень скоро ночь, какъ злобная волшебница, заглянула въ окна, увидала Герцога съ запрокинутой назадъ головой, Мадонну, распростершую плашмя руки, и Герцогиню — бѣлоснѣжнаго ангела, съ сомкнутыми хрустальными крыльями—вѣрнаго стража въ прозрачныхъ одеждахъ.

И любовалась ночь звѣздами, крестами, медалями Герцога и, прильнувъ къ стекламъ, считала ихъ. Ночь говорила:

— Двѣ звѣзды изъ царства по ту сторону Чернаго моря, одна звѣзда изъ царства налѣво отъ Краснаго моря — страны песковъ; брилліантовая звѣзда съ квадратнымъ изумрудомъ въ центрѣ и восемью жемчужинами, разбросанными на восьми стрѣлкахъ — изъ прекрасной Сициліи, омываемой волнами Голубого моря; еще одна брилліантовая звѣзда о шести концахъ съ огромнымъ сердоликомъ и пятьюдесятью пятью крошечными алмазами на серебряной рѣшеткѣ—изъ кладовыхъ молодого Скандинавскаго принца; еще одна звѣзда о пяти концахъ, каждый конецъ ея тупой съ острыми шипами, словно иглами кактуса, или иглами дикой розы, на каждомъ тупомъ концѣ по красному

камню—миндалевидному рубину, а центръ звѣзды выложенъ массивнымъ золотомъ плотнымъ и тяжелымъ, и въ самомъ центрѣ этого центра крошечная бирюза—съ булавочную головку; звѣзда эта—даръ маленькаго монарха съ приплюснутымъ черепомъ, который повелѣваетъ своимъ королевствомъ на юго-восточномъ берегу Африки, омываемой океаномъ, а океанъ перекатываетъ волны до Австраліи и еще дальше—къ самому полюсу. И столько же крестовъ, которые гравировали ювелиры нѣмецкихъ княжествъ,—въ то время, какъ сами князья охотились въ зеленыхъ шубкахъ, убивали зайцевъ съ бѣлымъ пушкомъ подъ животомъ и лисицъ, что бѣжали отъ Кэнигсберга, черезъ лѣса канцлера, а, когда остановились въ двухстахъ киллометрахъ отъ Берлина и подняли лапки,—были убиты въ имѣніи внука 11-го князя. И столько же крестовъ, которые чеканили чеканщики города Бэрна, прекраснаго города на лонѣ Альпійскихъ горъ—и смотрѣли черезъ окно на блѣдно-розовыя горы, въ расщелинахъ горъ залегли снѣга, а по снѣгамъ медленно шелъ самъ президентъ съ супругою, у которой были голубыя шелковыя юбки, золотые браслеты и шляпа съ огромнымъ перомъ. И столько же медалей, которыя отливали терпѣливые мастера въ мастерскихъ Парижа,—и часто мимо оконъ мастерскихъ ѣхалъ въ коляскѣ одинъ изъ знатныхъ принцевъ и, встрѣтивъ одного изъ иностранныхъ князей—русскихъ, австрійскихъ или германскихъ, онъ приподнималъ свой цилиндръ, князь тоже приподнималъ, они разъѣзжались въ противоположныя стороны, принцъ ѣхалъ туда, куда ему надо было ѣхать, и, пріѣхавъ, входилъ, садился, улыбался и говорилъ:—Я ваша

свѣтлость, очень радъ, что тучи разсѣялись, и мы опять можемъ заниматься нашими дѣлами.

Стояла ночь и смотрѣла на Герцога, откинувшаго назадъ свою голову. За спиною ночи гасли послѣднія полосы заката и казалось, что въ темнотѣ неба застыла темно-красная птица съ раскрытымъ клювомъ и, неподвижная, она смотрѣла на полушаріе земли.

Крылья Герцогини-бѣлоснѣжнаго ангела легко вздрагивали, то смыкались, то размыкались, волновались своими перышками и, казалось,—эти грустныя перышки жаловались, что склоняется вечеръ, что близится ночь и скоро-скоро часы пробьютъ много ударовъ.

Но Герцогъ вдругъ открылъ глаза и спросилъ:

— Гдѣ остальные?

Мадонна вздрогнула и отвѣтила:

— Они подслушиваютъ подъ дверью.

Герцогъ сказалъ:

— Пусть они войдутъ и становятся передъ моимъ трономъ.

И въ комнату вошли: Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ. Земляной Жукъ и Парикмахеръ Бѣленькій. Въ сумеркахъ вечера они были похожи другъ на друга: Бѣленькій былъ похожъ на Земляного Жука, а Земляной Жукъ—на Алексѣя Розоваго-Цвѣтка—милаго юношу. Они стояли, смотрѣли на Герцога, на Герцогиню-бѣлоснѣжнаго ангела, на маленькую Мадонну съ вѣточкой въ зубахъ и переступали съ ноги на ногу.

Герцогъ спросилъ:

— Вы знаете,—кто я?

— Да, мы знаемъ, кто ты,—отвѣтили они въ одинъ голосъ.—Ты—Герцогъ людскихъ страданій, ты—Герцогъ нашъ.

— А еще что вы знаете?—спросилъ онъ.

— Мы знаемъ, что скоро часы пробьютъ много ударовъ, и ты предстанешь передъ лицо самого Бога.

— Да,—сказалъ Герцогъ,—передъ лицо самого Бога. И будетъ мнѣ радостно, а не страшно.

И, казалось, они—трое—наклонили свои головы и сказали:

— Радостно для Герцога, который такъ долго страдалъ.

— А знаете ли вы, кто стоитъ за моею спиною? — спросилъ Герцогъ.

— Знаемъ!—отвѣтили они. Тамъ стоитъ твоя Герцогиня-бѣлоснѣжный ангелъ.

— Она преобразилась,—сказалъ Герцогъ—и стала ангеломъ. Она надѣла прозрачныя одежды и мы спаяли наши страданія. А вчера на ея груди сидѣлъ проклятый карла и кивалъ головою то направо, то налѣво, вчера я видѣлъ ея плечевыя кости—острыя костяшки, вчера она смотрѣла на меня своими широко-раскрытыми глазами и шептала:—какъ страшно, о, какъ страшно.

— Забудь о томъ, что было вчера!—сказали они.

Герцогъ приподнялся на локоть и спросилъ:

— Кто стоитъ направо?

И тотъ, кто стоялъ направо, отвѣтилъ:

— Земляной Жукъ, черный, черный, который вымазался въ сѣрой землѣ и постигъ черныя тайны.

— Какъ хорошо, — замѣтилъ Герцогъ,—что ты постигъ черныя тайны, какъ хорошо! И ты опускался въ землю?

— Я рылъ землю изо-дня въ день, изо-дня въ день— и такъ много лѣтъ,—отвѣтилъ Земляной Жукъ.

— Ты рылъ землю, разбрасывалъ ее по сторонамъ и смотрѣлъ въ глубину безконечную? Да?

— Да, безконечную,—и Земляной Жукъ началъ размахивать руками, словно подвижными усиками.

— А кто стоитъ посерединѣ?—спросилъ Герцогъ и протянулъ указательный палецъ.

— Тотъ, кто стоялъ посерединѣ, сказалъ:

— Бѣленькій—Прозрачный.

— Откуда ты пришелъ?—спросилъ Герцогъ.

— Я пришелъ,—отвѣтилъ Бѣленькій,—изъ подвала Сивцева-Вражка. Изъ маленькой парикмахерской, на которой написано: „Парикмахерская Степана Бѣленькаго“.

— Да, да, со стороны Сивцева-Вражка, изъ маленькой парикмахерской,—повторилъ Герцогъ.—Это такъ естественно. Вѣдь въ переулкахъ и улицахъ Москвы зрѣетъ какое-то новое откровеніе,—и это откровеніе распускается, какъ цвѣтокъ.

И, помолчавъ, Герцогъ спросилъ:

— А кто стоитъ по лѣвую руку Бѣленькаго?

И тотъ, кто стоялъ по лѣвую руку, отвѣтилъ нѣжнымъ голосомъ:

— Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ.

Лицо Герцога просіяло, и онъ воскликнулъ:

— Розовый - Цвѣтокъ, Алексѣй!.. О, милый мой юноша, милый цвѣточекъ. Гдѣ же ты распустился, скажи мнѣ?

И Алексѣй Розовый-Цвѣтокъ сказалъ:

— Я распустился на пятомъ этажѣ Малой Бронной улицы, въ одинъ изъ зимнихъ дней, когда морозное солнце серебрило глубокіе снѣга. Я распустился,—и было такъ холодно, такъ холодно.

— Бѣдный мой, бѣдный! И Герцогъ съ грустью посмотрѣлъ на юношу, который переступалъ съ ноги на ногу и дыханіемъ согрѣвалъ руки.

И, вдругъ, Герцогъ поднялся съ трона и воскликнулъ:

— Братья мои, братья, святые мои! Смотрите на меня.

Они отвѣтили:

— Смотримъ, братъ, на тебя,—какой ты огромный!

— Братья, мои братья, смотрите на голову мою! Куда она упирается? И Герцогъ встряхнулъ головою.

— Въ самое небо,—сказали трое,—въ ночныя облака.

— Братья, братья, родные, смотрите на ноги мои, на руки мои. Въ каждой ногѣ милліонъ пудовъ, въ каждой рукѣ полмилліона пудовъ.

И они подтвердили:

— Да, въ каждой ногѣ милліонъ пудовъ, въ каждой рукѣ полмилліона. Ты огроменъ.

— Почему я огроменъ?—спросилъ Герцогъ.

— Потому,—отвѣтили они,—что впиталъ въ себя страданія людскія и выросъ, и расширился.

— О, братья родные,—воскликнулъ Герцогъ—и весь вздрогнулъ и страшно обрадовался.

— Братья мои, братья! Я всегда былъ съ вами, всегда.

Они отвѣтили:

— Да, всегда съ нами.

— Братья мои, братья! Я всегда смотрѣлъ въ глубину вашихъ глазъ, въ глубину вашего сердца.

— Да, всегда смотрѣлъ,—сказали они.

— Братья мои, братья! Я всегда молился о вашихъ страданіяхъ и простиралъ руки кверху.

— Да, ты всегда молился и простиралъ руки,—согласились они.

— Братья мои, братья! Я всегда хотѣлъ пострадать за васъ и принять тяжесть мукъ вашихъ на свои плечи.

— И ты принялъ ихъ,—воскликнули они—и опустили головы.

Герцогъ спросилъ:

— Кто я, кто я?!

Они отвѣтили:

— Ты—Герцогъ людскихъ страданій, ты—Герцогъ нашъ.

И, вдругъ, Герцогъ наклонилъ голову и прошепталъ.

— Братья мои, братья! Кланяюсь мукамъ вашимъ, страданіямъ кланяюсь...

И онъ медленно началъ опускаться, его волосы упали на лобъ, словно грива льва или грива степного скакуна, колѣни сгибались, сгибались, онъ совсѣмъ склонилъ голову и, прошептавъ: кланяюсь страданіямъ, кланяюсь,—замолчалъ и не шевелился.

А на западѣ жадная птица все смотрѣла и смотрѣла въ какую-то сказочную страну, гдѣ на берегу зеленаго моря живутъ богатыри со стальными булавами и глядятъ, какъ проносятся облака ночи,—а въ облакахъ зигзагами носится молнія; гдѣ живутъ странные дровосѣки и плотники, они безумно любятъ свою рубку лѣса, а вечеромъ возвращаются въ хижины и цѣлуютъ женъ съ глазами русалокъ; гдѣ живутъ восторженные мечтатели, слагаютъ пѣсни подъ шепотъ пихтъ и елей, бродятъ по полямъ, лѣсамъ и берегу моря, смотрятъ въ щелку, какъ дровосѣки цѣлуютъ женъ—и, поднявъ камушекъ, бросаютъ его въ спину богатыря со стальною булавою. Неподвижная птица

все смотрѣла, смотрѣла, раскрывъ свой клювъ, и, помѣстившись на черномъ горизонтѣ, хотѣла застыть въ своей неподвижности и уснуть въ темнотѣ ночи.

А изъ маленькаго домика вышелъ лысый человѣкъ, обогнулъ клумбы палисадника, гдѣ росли блѣдно-лиловые георгини, раскрылъ калитку, подошелъ къ церковной оградѣ, поднялся на колокольню и началъ долго звонить.

Герцогъ сказалъ:

— Звонятъ колокола.

И тѣ, кто стояли передъ нимъ, повторили:

— Звонятъ колокола.

А потомъ взялись за руки, начали раскачиваться изъ стороны въ сторону и вдругъ запѣли свою пѣсню.

— О, Герцогъ, Герцогъ,—за предѣлами земли, за степями, пустынями раскрывается безбрежность—тамъ кто-то стоитъ, кто-то дышитъ.

— О, Герцогъ, Герцогъ,—за предѣлами земли, за морями, океанами—раскрывается безбрежность,—тамъ кто-то смотритъ, кто-то вглядывается.

— О, Герцогъ, Герцогъ,—за предѣлами земли, на границѣ эфирной—раскрывается безбрежность,—тамъ кто-то плачетъ—и слезы струятся.

Пропѣвъ эту пѣсню, они перестали раскачиваться изъ стороны въ сторону, и, какъ черныя изваянія, смотрѣли на Герцога, склонившаго голову на грудь.

А Герцогиня вдругъ зашуршала хрустальными крыльями и сказала:

— Въ далекомъ домикѣ Москвы зажигается огонь. И зажигаются огни въ окнахъ всѣхъ домовъ. Приближается полночь.

Герцогъ повторилъ:

— Приближается полночь,—крѣпко сжалъ руку Герцогини и закрылъ тяжелыя вѣки глазъ.

VIII.

И, какъ три апостола, стояли три страдальца и смотрѣли на Герцога. Мадонна тоже смотрѣла, положивъ голову на колѣни Герцога, и, наивно поднявъ глаза, казалось, считала морщины на его лбу, который былъ не меньше лба самого Шекспира.

И, любопытная, она тихо спросила:

— Ты видишь что-нибудь?

Герцогъ отвѣтилъ:

— Я вижу видѣніе.

И онъ увидалъ видѣніе:

По широкой дорогѣ ѣхали Короли, Короли всѣхъ временъ, государствъ, всѣхъ королевствъ. Они ѣхали гуськомъ на коняхъ, покрытыхъ дивными чепраками; морда одного коня упиралась въ хвостъ другого коня. Кони мотали мордами, звенѣли кольца золотыхъ уздечекъ, и развѣвались султаны изъ цвѣтныхъ перьевъ. Ѣхало ихъ сто безъ одного, и всѣ они—Людовики, Карлы, Фридрихи—ѣхали въ порядкѣ тѣхъ римскихъ цифръ, которыми обозначались ихъ имена, и, если Людовикъ младшій обгонялъ Людовика старшаго, или Карлъ младшій обгонялъ Карла старшаго, тогда старшіе сердились, придерживали коней и говорили:—ты, милый, спѣшишь—отойди назадъ. Младшій отходилъ назадъ, конь младшаго фыркалъ, грызъ удила и смотрѣлъ злыми глазами на коня старшаго. И надъ этими девяносто девятью королями раскинулось странно-голубое небо, блѣдное, какъ волны Азовскаго моря. Одинъ

Король смотрѣлъ на уборы другого и думалъ—мой конь, мой чепракъ, моя уздечка прекраснѣе остальныхъ. И, какъ цвѣты, мелькали чепраки въ зелени полей и красивѣе другихъ были чепраки Карла 1-го и Людовика XVI-го—яркопурпурные съ золотыми позументами: ихъ пурпуръ бросалъ свой отблескъ на чепраки другихъ королей и, казалось, что лазурный чепракъ Италіанскаго короля или коричневый Германскаго свѣтится пурпурными лучами. Но невольную улыбку вызывалъ чепракъ Испанскаго короля, о которомъ всѣ давнымъ давно забыли, маленькаго короля, коротавшаго свои дни въ дворцѣ съ тяжелыми малиновыми занавѣсами: его скромный сѣрый чепракъ былъ усѣянъ голубыми звѣздами и было смѣшно, что Испанскій король разбросалъ на скромномъ чепракѣ яркія звѣзды. Всѣ они сто безъ одного шагъ за шагомъ ѣхали къ предѣламъ страны молчанія, страны песковъ, булыжниковъ и колючихъ кактусовъ.

А надъ страною молчанія помѣстилось солнце, и смотрѣло своимъ лицомъ въ лицо этихъ девяносто девяти. И—странно: ѣхали весело, улыбались, и, когда подъѣхали къ высокому камню, за которымъ притаился шакалъ,—сказали:—давайте-ка полюбуемся нашими чепраками. Они начали любоваться и говорили:—голубой, синій, желтый, красный, фіолетовый, лиловый, блѣдно-фіолетовый, блѣдно-красный, блѣдно-голубой.

За спиною королей бушевало море, а впереди легла пустыня. Но короли не думали о морѣ и желтой пустынѣ,—ласкали свои чепраки и любовались ихъ звѣздочками.

И хотя Герцогу не понравились эти короли—онъ все же страстно захотѣлъ вскочить на спину такого

пятнистаго въ яблокахъ коня, какой былъ у Англійскаго короля. И, когда захотѣлъ, конь выбѣжалъ изъ какой-то рощи и сказалъ:—садись на мою спину. Герцогъ сѣлъ въ сѣдло съ высокой лукой и, какъ Донъ-Кихотъ, поѣхалъ по полевой дорогѣ въ противоположную сторону отъ пути королей. И направо онъ увидалъ дикую развѣсистую грушу съ гнилыми плодами, возлѣ груши лежала кѣмъ-то забытая рубашка а налѣво серебристую березку, за березкой старый дубъ, а подъ дубомъ—спящій человѣкъ. Конь Герцога шелъ тяжело, высоко подымалъ свой задъ, храпѣлъ и спотыкался. И, когда на одномъ изъ цвѣтковъ Герцогъ увидалъ прелестную желтую бабочку, онъ сказалъ коню: — убѣгай назадъ къ своему Англійскому королю! Конь взмахнулъ хвостомъ, сказалъ:—фю-ить!—и убѣжалъ. А Герцогъ подошелъ къ цвѣтку, гдѣ сидѣла бабочка и наклонился. Но бабочка вспорхнула и улетѣла. Тогда Герцогъ побѣжалъ за бабочкой и вмѣстѣ съ Герцогомъ бѣжали травы, земля и развѣсистыя груши. Но вдругъ за его спиною раздался голосъ матери:

— Милый мой, сынишка,—куда-ты?

Тогда Герцогъ остановился, повернулъ голову и просто отвѣтилъ:

— Къ—смерти.

— Къ—смерти?—спросила мать.—Ну, если къ смерти то—бѣги.

Мадонна опять спросила Герцога:

— Ты видишь что-нибудь?

Герцогъ пріоткрылъ глаза, пошевелилъ губами и прошепталъ:

— Я хочу, чтобы ты неподвижно лежала у моихъ ногъ, чтобы Герцогиня склонилась надо мною, чтобы

страдальцы пѣли свои молитвы, чтобы всѣ ваши мысли были обращены къ страшному городу, который засыпаетъ, разслабленный. И я закрываю свои глаза.

Онъ закрылъ глаза, Герцогиня прильнула губами къ закрытымъ глазамъ и долго не отрывала губъ. Мадонна вся сжалась у его ногъ, а страдальцы пѣли свои молитвы и тихо, тихо раскачивались изъ стороны въ сторону.

И мысли всѣхъ были обращены къ страшному городу, который ворчалъ, какъ левъ, и мало-по-малу погружался въ тяжелый сонъ.

Городъ, какъ злобная, ворчливая, старая женщина, захватилъ въ свои объятія милліоны человѣческихъ жизней, прижалъ эти жизни къ жирной груди и таинственно улыбался, какъ улыбаются купчихи, когда пьютъ чай и откусываютъ маленькіе кусочки сахару. Онъ какъ злобная, недалекая женщина, захватившая въ свои объятія человѣческія жизни, ломалъ пальцы, руки, ноги, бедра, позвонки, и—жертвы города какъ осенніе листья, валялись у его ногъ. Но нѣкоторыя смѣлыя души прятались въ складкахъ широкой кофточки, какъ огоньки свѣтлячковъ, блестѣли въ одеждѣ города, и своими брилліантами украшали платье солопницы.

Облака ночи, которыя плыли отъ Волги къ Западу,— много часовъ тянулись надъ городомъ, словно караваны въ пустыняхъ, словно обозы на сибирскихъ трактахъ, словно тяжелыя повозки на проселочныхъ дорогахъ. Иногда они останавливались надъ грудью города и смотрѣли на эту грудь, въ которой билось сердце, окруженное крѣпкими стѣнами, съ остроконечными азіатскими куполами и жестяными флагами. Въ сердцѣ

города стояли пушки, очень длинныя, храмы, очень золотые, а въ храмахъ молились лысые монахи, съ четками и рыжими сапогами. Они подходили къ свѣтильникамъ, снимали ножницами нагаръ, подходили къ лампадамъ, оправляли фитили, а потомъ шли на клиросъ и пѣли.

Словно мозаикой, онъ былъ украшенъ всякими домами: зелеными, синими, красными, желтыми, и, какъ въ причудливой мозаикѣ, краски лѣпились одна къ другой, такъ и въ городѣ, дома вздымались другъ на друга, громоздились и разсыпались осколками маленькихъ домиковъ. Въ каждомъ домѣ теплились огни передъ кіотами и бросали свои тѣни на рѣзные сундуки съ птицами, орлами, зайчиками, лисичками, смѣлыми охотниками, съ византійскими украшеніями, съ боярскими прихотями, съ мѣдными древне-греческими лицами, и египетскими глазами на греческихъ лицахъ. А въ рѣзныхъ сундукахъ лежало подлинное русское добро, внизу рубли—старые, новые, самые послѣдніе—яркіе, какъ свѣтила неба, въ портфеляхъ—векселя, акціи и планы новыхъ византійскихъ построекъ—съ петербургскими колонками и московскими ставнями; а наверху рубашки, сюртуки, брюки бояръ, отважныхъ дѣльцовъ, работниковъ и строителей, которые со всѣхъ концовъ міра заимствовали орнаменты, фрески, крыши, двери, оконныя рамы—и поставили золотыя стѣны на крѣпкій фундаментъ.

Изъ всѣхъ воротъ, калитокъ, щелей, старенькихъ заборовъ и низенькихъ плетней—текли мутныя струи, струи сливались въ ручейки, ручейки въ ручьи, ручьи въ рѣку—и тяжелою полосою—рѣка окружала городъ. Она катила волны свои у склоновъ высокаго холма,

гдѣ подъ могильными крестами лежали приказчики хористы, маленькіе артисты, которые читали монологи изъ „Короля Лира“, прижимали руку къ сердцу и опускались на колѣни передъ дѣвушками въ розовыхъ кринелинахъ. Гдѣ лежали маленькіе поэты, которые слагали свои стихи подъ звонъ колоколовъ и думали, что пѣсни ихъ звучатъ, какъ звучатъ колокола, и несутся къ границамъ Астраханскихъ и Архангельскихъ земель и подымаются къ самой вершинѣ Эльборуса. Гдѣ лежали огромные русскіе люди, ясными глазами смотрѣли далеко впередъ — и все грезили, грезили. О чемъ грезили они? Не о томъ-ли, что въ россійскихъ лѣсахъ прорубятъ широкія просѣки, и въ лѣсахъ, какъ въ паркахъ, будутъ гулять сказочныя женщины и сказочные принцы? Не о томъ-ли, что, какъ въ театрѣ, падутъ расписные домики, встанутъ новые дворцы, новые домики. Не о томъ-ли, что россійскіе мудрецы найдутъ новое вѣщее слово, и вѣщее слово, какъ чудесное кольцо—будетъ сіять на пальцахъ всѣхъ народовъ—отъ полюса до экватора, и отъ экватора до полюса? Но—какое слово?

Герцогъ сказалъ:

— Звонятъ колокола.

И всѣ повторили:

— Звонятъ колокола.

А потомъ Герцогъ закрылъ глаза и увидалъ лазурное царство.

Въ лазурномъ царствѣ на деревьяхъ были привѣшаны Эоловы арфы, и звучали арфы, какъ звучатъ пѣсни ангеловъ, аккорды ихъ переплетались съ музыкой фонтановъ, а фонтаны вздымали свои голубыя струи выше деревьевъ, выше горъ, выше облаковъ. Сквозь

призму водяныхъ струй сыпались радужныя искры и казалось, что съ высоты неба, словно изъ рога изобилія, падаютъ цвѣты всѣхъ оттѣнковъ огненнаго спектра, и своими лепестками устилаютъ землю, склоны горъ, глубокія долины и поляны, покрытыя росою. Цвѣты собирались въ высокіе сугробы, они легли на всѣхъ дорогахъ, на всѣхъ мостахъ—подъ мостами. И, когда на золотой колесницѣ спустилась съ неба румяная красавица, пышная дѣвушка—Богиня Счастья—и начала медленно подвигаться отъ склоновъ снѣжныхъ горъ къ зеленымъ рощамъ,—цвѣты покорно склоняли свои головки подъ золотыми колесами Богини, отдавали ей свой розовый сокъ и лежали—распластанные въ глубокихъ колеяхъ. А на горизонтѣ стояли трубачи въ золотыхъ кафтанахъ съ русыми волосами. Они стояли, глубоко погрузивъ ноги въ цвѣточный коверъ, и трубили въ трубы: Трамъ-трамъ-тра-та-тамъ, поджидали Богиню Счастія и кивали ей своей головою.

А, когда Богиня Счастія подъѣхала къ нимъ и легко спустилась съ золотой колесницы, — они бросили свои трубы, подняли Богиню на руки, подняли высоко-высоко къ самому солнцу,—и счастливая Богиня, взлетѣвшая такъ высоко, утопающая въ лазури, въ благоуханіи, въ нѣгѣ, въ нирванѣ—запѣла, какъ утренняя птичка:

Высоко въ небѣ, высоко плывутъ бѣлыя облака,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!
Высоко въ небѣ, высоко мчатся бѣлыя птицы,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!
Высоко въ небѣ, высоко вьются бѣлые ангелы,
Скорѣе подымайте глаза къ небу, скорѣе!

И, засіявшая неземною красотою, она, какъ соколъ, низринулась на землю, распростерла широко руки, прильнула къ глазамъ Герцога и жгучимъ поцѣлуемъ сомкнула ихъ вѣки.

Конецъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Необыкновенный человѣкъ 1

Смерти 121

Апоѳеозъ одного страданія 163

$$\frac{1478,10}{100} = 29,56$$

$$\begin{array}{r} 1478 \\ 29,56 \\ \hline 117,24 \end{array}$$

$$\frac{1260}{100} \quad 25,2$$

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 058516136